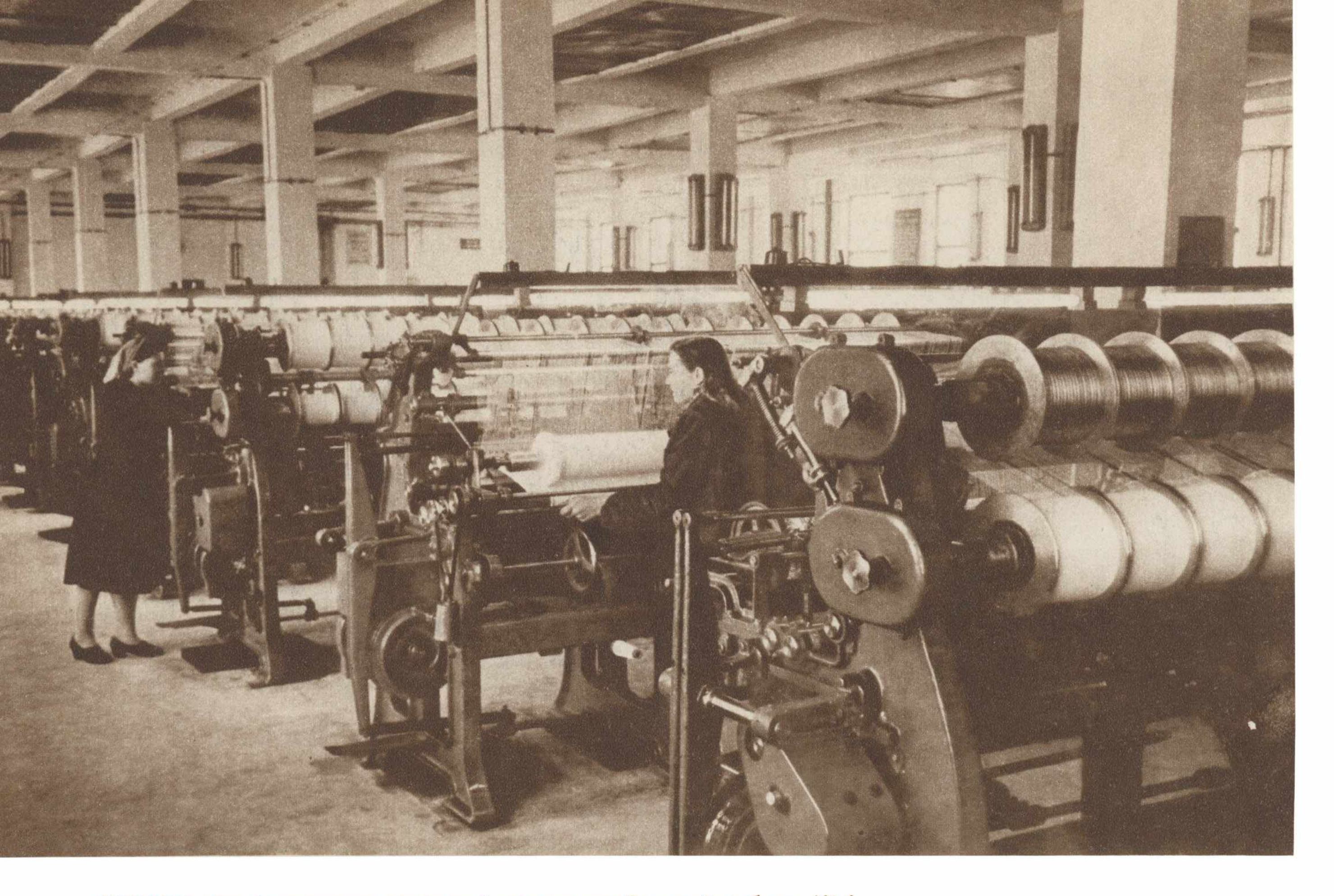

ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КИШИНЕВ. Новый трикотажно-вязальный цех чулочно-бельевой фабрики № 1.

Механосборочный цех механического завода имени Котовского. Сборка пневматических молотов «МП-75».
Фото Я. Берлинера.

На первой странице обложки: Ялта. На пляже.
Фото Г. Чертова.

На последней странице обложки: Ленинград. Ростральная колонна на Пушкинской площади.
Рисунок В. Климашина.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

№ 26 (1359)

28 ИЮНЯ 1953

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КРУЖОК ЗАКАНЧИВАЕТ ГОД

Перед заключительным занятием. М. И. Чураков консультирует слушателей кружка Ф. П. Офицерова, А. И. Николаева и В. Н. Кузнецова.

Кружок, которым руководит Михаил Иванович Чураков, изучал материалы XIX съезда партии. Тридцать четыре раза собирались в красном уголке коммунисты и вот сегодня пришли сюда на заключительное занятие. У каждого в руке книжки, конспекты, и хотя не предстоят экзамены и отметки никому выставляться не будут, чувствуется, что кружковцы, да и сам пропагандист немного взволнованы.

Этот кружок называют в цехе кружком ветеранов. В самом деле, почти все его слушатели работают на московском заводе «Динамо» по двадцать пять — тридцать лет. А пропагандист Михаил Иванович, так тот даже и родился здесь: территорию, на которой стоял домишко его родителей, занял разросшийся с годами завод...

Понятно, что все эти люди, столько времени проведшие под одной крышей, отлично знают друг друга. Чуракова, например, старшего инженера цеха, помнят еще подручным, учеником слесаря. Помнят, как сдавал он первую пробу на разряд, как ходил в вечернюю школу рабочей молодежи. Помнят слесарем, бригадиром, мастером участка. Помнят студентом заводского техникума, слушателем института.

Кружок, мало изменяясь в составе, работает семь лет. Сначала это был кружок текущей политики, затем политшкола. Два года занимались по краткому курсу истории партии. Потом начали привлекать первоисточники. Люди выросли, конечно. А нормировщик Михаил Афанасьевич Догаев и сам готовится стать пропагандистом, посещает курсы при МГК КПСС.

Чураков — он все семь лет руководит кружком — постоянно старался разнообразить занятия: устраивал экскурсии в музеи, использовал художественную литературу, показывал репродукции историко-революционных картин, разного рода таблицы. Но самым ярким «наглядным пособием» к изучению краткого курса была, пожалуй, жизнь многих кружковцев, жизнь, всеми своими нитями связанная с борьбой и работой партии, жизнь коммунистов, ставших под знамя партии в революцию, в годы гражданской войны, в дни ленинского призыва.

Вот Афанасий Семенович Овчинников, коммунист с девятнадцатого года, персональный пенсионер. Выступая на занятиях, он неизменно начинает со слов: «Дорогие товарищи...»

Это слово «товарищи» Афанасий Овчинников первый раз произнес вполголоса — так, чтобы его не разнесло лесное эхо,— на подпольной дореволюционной маевке. Это слово он выкрикнул уже во весь голос на солдатском митинге в февральские дни 1917 года. С этого слова он начал свою клятву быть верным делу рабочего класса, когда его сразу же после боя с белогвардейцами — раненного, с перевязанной головой — принимали в партию.

Это слово было с ним всегда: и когда он на собрании коммунистов-динамовцев выступал против троцкистов, и когда на производственном совещании вызвался освоить новую, никому еще в цехе не знакомую технику, став первым на заводе электросварщиком, и когда в числе 25-тысячников по велению партии ушел на Волгу помогать крестьянам строить колхозы...

Вот и сейчас, попросив у пропагандиста слово, он начинает:

— Дорогие товарищи!

Эта фраза звучит с какой-то особой теплотой: Афанасий Семенович говорит о партии как добровольном боевом союзе коммунистов-единомышленников, говорит о дорогих ему товарищах, вместе с ним составляющих этот союз. Он говорит о партии, для которой нет ничего выше интересов народа, о народе, который готов всюду идти за своей партией.

Весь подавшись вперед, приложив ладонь к уху, слушает своего старого приятеля кузнец Александр Иванович Николаев. У себя в кузнице, в грохоте молотов, он услышит любой шепот, а в обычной обстановке глуховат. На «Динамо» Николаев с семнадцатого года, с дней революции. Отсюда он уходил только на гражданскую войну. Сейчас у него и сын на заводе — инструментальщик.

Напротив Николаева — Федор Прохорович Офицеров, тоже заводской ветеран, хотя и не стар, пятидесяти нет. В цехе — с мальчишек. Учился когда-то у Овчинникова. Имеет паспорт сварщика, которому разрешено работать в любом положении: и в горизонтальном, и в вертикальном, и потолочную вести сварку. Знает электросварку, газосварку, точечную... Словом, высшая квалификация! Член партийного бюро. Автор самых острых критических заметок в стенной газете.

Рядом с Офицеровым — Федор Корнеевич Трунов, старший контрольный мастер. В кружке — все семь лет. Человек тихий, неприметный как будто. Голоса никогда не повышает. Не любит быть на виду. А вот уже в который раз выбирают его коммунисты секретарем цеховой партийной организации: уважают за прямоту, за справедливость.

В голубой безрукавке — Витя Кузнецов. Мы называем его так потому, что он и Офицерову, и Николаеву, и Трунову годится в сыновья, а Овчинникову — так и во внуки. Хоть и молод, но человек тоже бывалый: отслужил во флоте, плавал на подводных лодках. Напористость, приобретенная на флотской службе, пригодилась ему. Он появился в цехе в прошлом году, не имея за плечами никакой заводской специальности. А за год освоил: как раз сегодня, перед кружком, он сдал экзамен на слесаря четвертого разряда. Принимал зачет у Кузнецова старший инженер Чураков, который сейчас в качестве пропагандиста ведет занятие...

Кружок заканчивает год. В конспекты заносятся последние записи. Если заглянуть в эти конспекты, в них увидишь не только изложение материалов съезда. В тетради, принадлежащей кружковцу Василию Андреевичу Щербакову, можно прочитать, например, такую запись: «Использовать обрезки», или: «Заменить гибочные машины», или: «Переделать кабины сварщиков».

Что это означает? А то, что, изучая материалы XIX съезда партии, кружковцы обращались все время к жизни своего цеха, своей партийной организации. На съезде говорилось о режиме экономии. А у нас что? У нас при раскрое железа остается масса обрезков, которые можно было бы использовать, если б существовали специальные штампы... На съезде говорилось о рациональном использовании производственных площадей.

На занятиях кружка. Выступает А. С. Овчинников.

Фото Е. Умнова.

А у нас как? Кабины, в которых работают сварщики, устроены так, что и неудобно в них и много лишнего места они занимают... На съезде говорили о совершенствовании технологии. А в нашем цехе? Стоят громоздкие, неуклюжие, давно уже устаревшие гибочные машины. Надо их заменить воздушными прессами...

Вот откуда появились те записи в конспекте Щербакова, кружковца, начальника цеха.

Бывало и так: беседа на кружке загоралась такая, что занятие напоминало по своей страстности партийное собрание. А бывало, что начатый кружковцами разговор как раз и приходилось продолжать на партийном собрании.

На заключительном занятии кто-то, кажется, Офицеров, сказал:

— Коммунисты — великая сила!

И все вспомнили при этом, что год назад их механозаготовительный был самым отстающим на заводе. Он не только сам ковылял, но и гирями висел на ногах у других цехов, задерживая им заготовки. Стоило взяться коммунистам, и они вместе со всем коллективом вытянули цех из прорыва. Появились штампы, которые помогли заменять пять — шесть операций одной. Появились воздушные прессы вместо гибочных машин. Кабины сварщиков стали и удобней и компактней. Сделано было много другого. Цех шагнул вперед, получил заводское переходящее знамя.

И ко всему этому непосредственное отношение имели, конечно, и занятия кружка, который сегодня закончил свой учебный год...

А. СТАРКОВ

По Донецкой ЗЕМЛЕ

Путевые заметки

Ал. АВДЕЕНКО

Зарисовки С. Бродского.

I

Много новых и старых дорог ведет в Донбасс — воздушные и железнодорожные, морские и речные, шоссейные и проселочные. Они вливаются в Донецкий бассейн или подходят к его окраинам с юга и севера, с востока и запада, от Кавказских гор и черноморских равнин, из русских лесов и украинских степей.

Ранним утром наша «Победа» прошуршала шинами по асфальту столицы, а поздним вечером на девятисотом километре автострады Москва — Ростов круто свернула в сторону, к Артемовску, который блистал невдалеке — рукой подать — своими огнями.

Артемовск — первый донецкий город на нашем пути.

Он как бы служит воротами в Донбасс для тех, кто въезжает в него с севера.

Миновав Артемовск, мы попадаем на отличную автомобильную дорогу, окаймленную слева и справа зелеными лентами многолетних деревьев.

Нет, это не просто придорожные лесные полосы, а настоящие рощи, с прохладой, весенними цветами и соловьями. Созданы они в наше, советское время. Я помню все весны второй пятилетки, когда высаживались крохотные деревца, помню, как мы боялись за их жизнь.

Едем час, другой, а рощи, все такие же густые, высокие, блестят под светом молодого яркого месяца, и соловьи поют. На любой скорости вы слышите соловьиные песни, с любого поворота дороги Донбасс предстанет перед вами какой-нибудь своей драгоценной гранью. Сплошное море электрических огней разлилось по донецкой земле. Яркое созвездие шахт, заводов и рабочих поселков сверкает под теплым южным небом — шахтерская Щербиновка, Никитовка и Горловка, огнеупорная Пантелеймоновка, железнодорожная столица Донбасса — Ясиноватая и, наконец, неохватный и неоглядный город Сталино. Огни, огни, огни... Словно многомиллионная армия шахтеров с зажженными лампами в руках, выйдя из-под земли, рассыпалась по курганам и долинам, по склонам Донецкого кряжа и степным равнинам.

Въезжаем в Сталино в тот самый момент, когда шахты и заводы начинают свою очередную симфонию гудков, призывая к труду ночную смену.

Многие тысячи шахтеров Донбасса в этот час занимают свои рабочие места в лавах, штреках, у стволов, на эстакадах, у скиповых подъемников.

Сотни и сотни поездов с углем ежедневно отправляются с донецких шахт во все концы страны. Уголь, говорил Владимир Ильич Ленин, — это настоящий хлеб промышленности. Значит, доля шахтерского труда есть и в стали и в чугуне, во всевозможных станках и машинах, в автомобилях и паровозах, в кораблях и самолетах, в сукне и шелке, в радиоприемнике и галстуке, в обуви и в чайном сервизе.

Естественно, что рассказ о Донбассе мы начнем с его старейшей рабочей гвардии — шахтеров.

II

Шахта имени Челюскинцев. Восточная лава — одна из многочисленных комбайновых лав шахты и комбината «Сталинуголь».

Тяжелая машина медленно ползет кверху, отделяя полосу угля от пласта. Бархатисто-черный уголь нескончаемым потоком падает на конвейер и устремляется вниз, на штрек.

Сколько бы вы ни наблюдали за работой комбайна «Донбасс» и комбайнеров, вы никогда не перестанете восхищаться умным, красивым трудом людей, любоваться покорной их воле машиной.

У рукояток управления комбайна сидит пожилой шахтер машинист Василий Ефимович Кипка. Рука его спокойно лежит на рукоятке управления. Ни одно движение горного комбайнера не говорит о том, что он физически напряжен.

В полном рабочего гула и грохота забое Восточной лавы вам бросается в глаза одна главная, определяющая черта поведения машиниста горного комбайна и его помощников: эта машина уже давно прочно вошла в их жизнь.

Одет комбайнер Кипка в черную шахтерку, на морщинистом лице его ровным слоем лежит черная угольная пыль, и все же он выглядит празднично, даже молодо, о чем он сам, конечно, и не подозревает.

Василий Ефимович, вероятно, работает сейчас, как работал обычно, вчера и позавчера; наверное, он озабочен только тем, как бы побыстрее и успешнее закончить выемку угля из лавы.

Впереди комбайна идут два молодых, здоровых и сильных парня — шахтеры Павел Бортников и Николай Шкарин. Им обоим столько же, сколько одному Кипке, — под пятьдесят. Павел и Николай прокладывают дорогу комбайну: раскрепляют забой, расчищают почву... И все это они делают быстро, аккуратно, легко, с тем же видимым физическим и душевным удовольствием, которое присуще главному комбайнеру Кипке.

В нижней части забоя, позади комбайна, работают остальные члены комплексной бригады. Самый юный из них, Михаил Кононенко, специальным стальным ломиком отдирает от кровли угольный навес и обрушивает его прямо на грузчик комбайна. Опытные помощники комбайнера Петр Солод, Сергей Кравченко убирают колчеданистый земник и ставят крепь-времянку. Комбайновую колонну замыкают заслуженные шахтеры, представители старейшей шахтерской гвардии, мастера крепежных дел Федор Сергеев и Александр Алифанов. Они уже окончательно оформляют забой.

Смотришь на этих людей, и бросается в глаза не различие их возрастов, характеров, не внешняя несхожесть друг с другом, а прежде всего их трудовое единство.

Операция, которую выполняет Миша Кононенко, совсем не похожа на то, что поручено Бортникову и Кравченко, Сергееву и Лободе. Но его сноровка в работе, его лихая легкость, удовольствие и радость, с какой он трудится, делают юного Мишу Кононенко похожим и на Лободу, и на Кравченко, и на старых шахтеров Сергеева и Алифанова. Железный ритм мощной машины, которая воплотила в себе совершенную советскую технику, безотказность машины в работе, ее высокая производительность не могли не наложить одинакового отпечатка на всю бригаду комбайнеров, породнить ее, придать ей облик дружного, нерушимого и веселого братства. Вот почему без всякого преувеличения можно сказать, что горные комбайнеры — самый веселый, самый жизнерадостный и самый дружный народ в Донбассе.

Заботой о благе человека руководствуются наша партия и правительство, организуя производство все новых и новых типов машин, механизируя и автоматизируя все отрасли народного хозяйства.

В Донбассе за последние годы появился мощный отряд шахтеров новой специальности — горные комбайнеры.

Под горными комбайнерами я подразумеваю не только тех, кто непосредственно управляет машиной. Проверенный опыт седьмого участка шахты имени Челюскинцев говорит о том, что горным комбайнером стал каждый член комплексной бригады.

Комбайнер — центральная фигура сегодняшнего и завтрашнего Донбасса. В прошлом году с помощью комбайнов было добыто угля на 25 процентов больше, чем год назад, в 1951-м. К концу пятилетки объем механизированной добычи увеличится по сравнению с прошлым годом почти в два раза.

Думая об этих грандиозных перспективах роста механизированной угледобычи, ясно видишь, как сильно увеличится отряд горных комбайнеров, какое большое место займет он в шахтерской армии, как изменит ее облик.

III

Пройдем на другой участок той же шахты имени Челюскинцев, познакомимся с работой комбайнеров-проходчиков. Первая партия штреко-буровых машин выпущена Копейским заводом недавно. В ноябре прошлого года на шахту прибыл первый образец такой машины. В начале этого года несколько экземпляров проходческих комбайнов поступило с Урала в Донбасс. Не прошло и пяти месяцев, а добрая слава о новой машине прокатилась по всему угольному бассейну — от Северного Донца до запорожских равнин, от Азовского моря до Старобельских степей.

В чем же дело? Почему так быстро проложила себе дорогу в шахту эта новая машина? Конечно же, в первую очередь потому, что всякая машина в нашем обществе сберегает труд людей, потому, что советский человек любит машину: она облегчает ему труд и повышает материальный уровень его жизни. Не случайно и то обстоятельство, что проходческий комбайн появился на том этапе развития угольного Донбасса, когда шахтеры испытывали острейшую потребность в такой машине, когда на повестку дня жизнь поставила вопрос о коренном изменении системы горных работ в угольной промышленности.

Тысячи проходчиков мечтали о такой машине, которая бы, подобно угольному комбайну, одновременно разрушала породу в забое, дробила ее, погружала на конвейер и дальше — в вагонетки.

...Мы шагаем по коренному штреку пласта «Алмазный», пройденному новой машиной. Нас сопровождает инженер А. А. Могилевский — автор проходческого комбайна. Он освещает ярким лучом рефлекторной лампы высокий, крепленный стальными арками и затянутый горбылем свод подземной галереи.

Это работа горного комбайна.

Идем по штреку сто, двести, пятьсот, семьсот, наконец, восемьсот метров. И всюду он так же прочен, просторен, сух, надежен, как и у ствола. Боковые его стены словно отделаны искусным резчиком: след зубков проходческого комбайна похож на красивый орнамент.

Мы увидели новую машину в глубине штрека. Она во много раз больше и сложнее угольного комбайна «Донбасс». Работа ее, коротко говоря, основана на принципе бурения. Победитовые резцы прорезают в толще породы глубокие канавки. Специальный скалыватель отламывает гребни, оставшиеся между канавками, три лопасти загребают разрушенную породу, несут наверх, сбрасывают на конвейер, откуда она поступает в вагонетки. Ручной труд здесь ликвидирован совсем и навсегда.

Комбайном управляет механик Николай Куприянович Сербинович, потомственный шахтер, коммунист. Ему 35 лет, но выглядит он совсем не намного старше своих юных помощников. У него мужественное лицо, умные, спокойные глаза мастера, твердо уверенного в том, что он находится на своем месте.

Сербинович и его сменщики Николай Фоменков, Григорий Коломойцов и Николай Кочерга быстро освоили новую машину. Всего только три дня они держали ее на экспериментальном режиме. На четвертый уже перешли на нормальную ее эксплуатацию и сразу же стали перевыполнять план. При задании в 100 погонных метров в месяц они давали в среднем по 162. В некоторые дни проходили более 9 метров. Это в несколько раз больше того, на что способны были лучшие проходческие бригады, вооруженные старой техникой.

Проходческий комбайн — большое событие в жизни не только одной шахты, но и всего Донбасса. Сербинович, Фоменков, Коломойцов и Кочерга сейчас находятся в центре внимания шахтерского коллектива. Резко — вдвое — повысился их заработок. Пятимесячная работа на сложнейшей машине многому их научила. Немалую долю своего труда вложили и машинисты. Они усовершенствовали некоторые агрегаты. Работая на машине, они не переставали быть исследователями, накапливали для конструкторов и завода богатый материал. Разумеется, новая серия машин будет сделана на основе опыта эксплуатации первых образцов.

IV

Комбайн «Донбасс», как известно, создан для работы на мощных пластах — от 80 сантиметров и выше.

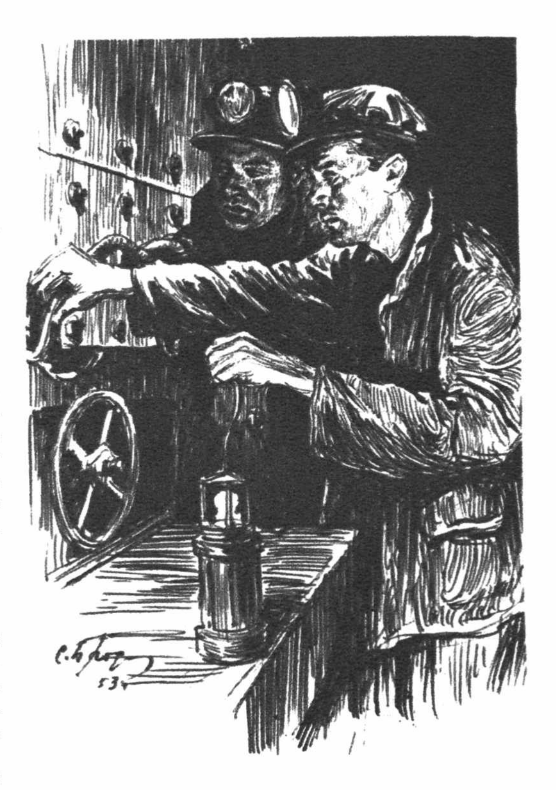
В этом году шахтеры получили комбайн «Горняк» (авторы — Сукач и Хорин) для разработки трудоемких тонких пластов. Горловский машиностроительный завод создал комбайн, способный рубить совсем тонкий пласт, мощностью от полуметра до 35 сантиметров. Следует сказать, что большинство пологих пластов в Донбассе особо тонкие. Между тем уголь тонких пластов, как правило, высококачественный, коксующийся. Стало быть, новые машины, с одной стороны, во много раз облегчают условия труда горняков, а с другой,— дают возможность резко увеличить добычу угля, в котором так остро нуждается наша бурно растущая металлургия.

Появились в забоях Донбасса и два опытных экземпляра комбайна «Шахтер» (автор — инженер Ковалев). Эта оригинальная машина отличается от других тем, что не имеет специального грузчика. Зарубная цепь одновременно и рубит и грузит уголь.

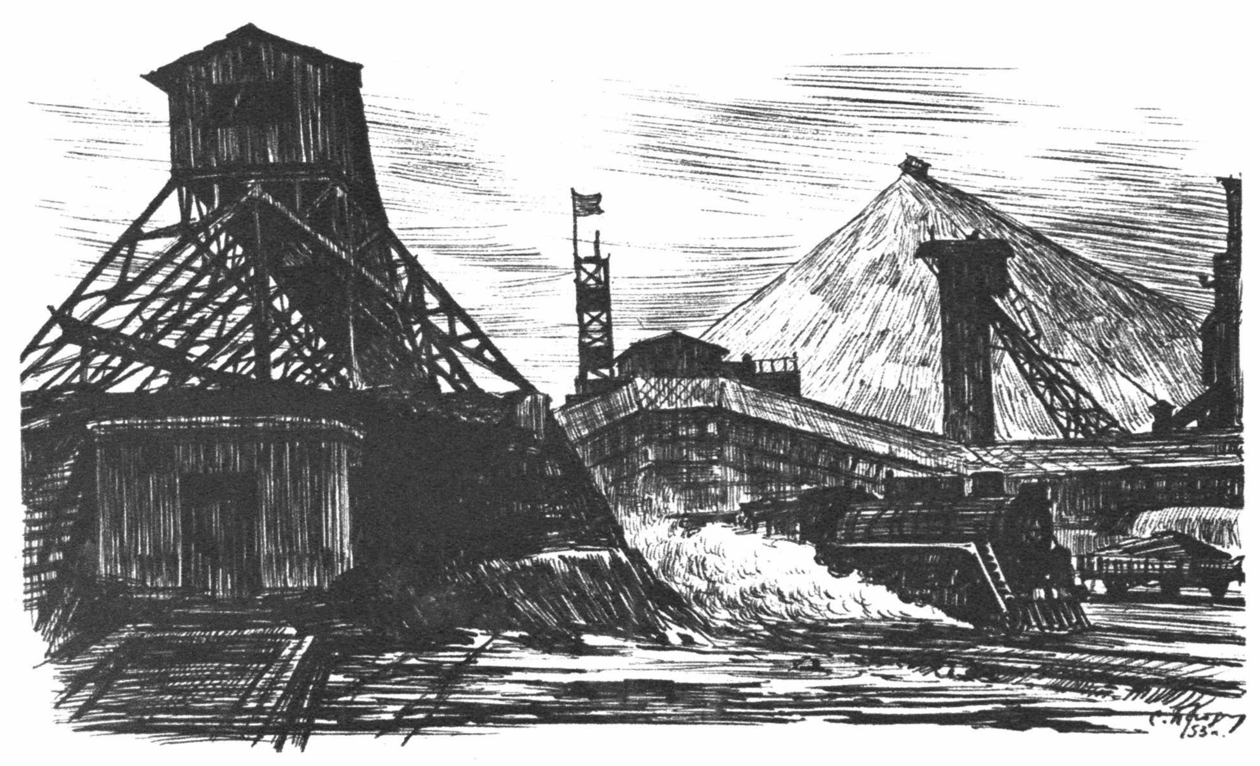
Так постоянно совершенствуется техника добычи угля.

Рассказ о том, как наша Коммунистическая партия и социалистическое государство проявляют заботу о безопасности труда, о культурном и высокопроизводительном труде шахтеров, был бы далеко не полным, если бы мы не упомянули о Макеевском научно-исследовательском институте. Собственно, это уже не институт, а целый научный городок, расположившийся на большой территории, имеющий бюджет в десятки миллионов рублей, сотни научных сотрудников, тысячи всевозможных приборов, аппаратов, машин, станков.

Инженер — кандидат технических наук А. М. Котлярский, научный руководитель института, проработавший здесь четверть века, в течение многих часов показывал нам институтские станции. Их много: станция по борьбе с внезапными выбросами в горных разработках, станция вентиляции и газа, станция по борьбе с пылеобразованием, физико-химическая, по борьбе с подзем-

Изобретатель проходческого комбайна А. А. Могилевский и машинист комбайна Н. К. Сербинович (на первом плане).

Шахта имени Челюскинцев.

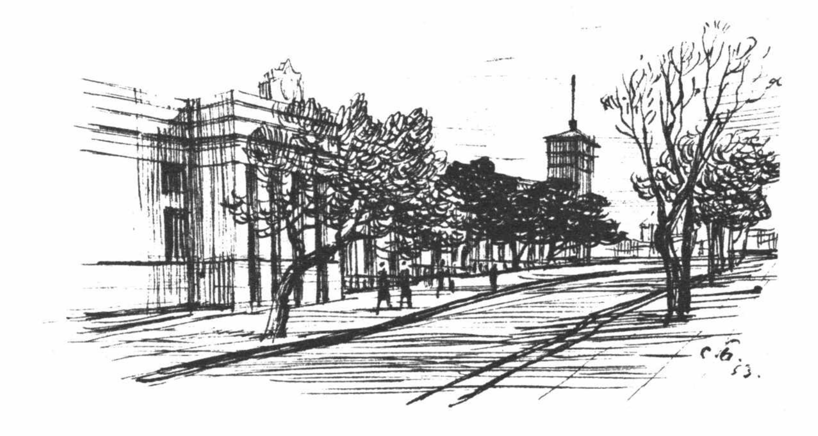
ными пожарами, взрывных работ и материалов, рудничного транспорта, по борьбе с обвалами и обрушениями, электрооборудования, механическая станция.

Каждая из этих станций, все ее лаборатории работают в самом тесном содружестве с производственниками. Все сотрудники института бо́льшую часть своего рабочего времени проводят на шахтах, в забоях. По всему угольному Донбассу разбросаны опорные пункты института.

Нет ни одной шахты в Донбассе и на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, которая бы не воспользовалась в той или иной степени трудами Макеевского института либо Восточного института по безопасности работ в угольной промышленности, выросшего, между прочим, из бывшего филиала Макеевского института.

В стенах института спроектирован и подземный трамвай (он ежедневно перевозит по шахтам Донбасса сто пятьдесят тысяч шахтеров), и шахтные парашюты, и прибор для связывания взрывоопасной пыли в горных выработках, и оросительные устройства на комбайне «Донбасс», создающие водяную завесу в забое.

Все, что делает институт, все его большие и малые дела, труд каждого научного работника, каждый рубль из огромных средств, отпущенных государством институту, — все служит одной благородной цели: шахтер должен трудиться в абсолютно безопасных условиях, с наименьшим физическим напряжением.

Главный корпус научно-исследовательского института по технике безопасности в Макеевке.

V

Города и рабочие поселки шахтерского Донбасса раскинулись более чем на двести километров с востока на запад, с юга на север, на дальних подступах к Дону и Днепру, на берегах Донца, Миуса и Кальмиуса, на Донецком кряже и по его склонам, по многочисленным долинам, в лесах, на равнине, открытые всем ветрам и солнцу.

Едете вы по донецкой земле пять, десять, пятнадцать часов, день, два, три — и перед вами непрерывно тянутся сотни улиц: Ленина, Артема, Мира, Никиты Изотова, Комсомольская, Пионерская, Гоголя, Пушкина, Шевченко, Маяковского... Тысячи и тысячи светлооконных, белостенных, с черепичными или шиферными крышами домов выросли после войны на этих шахтерских улицах. Почти всюду, как принято на юге, — веранды и террасы, балконы. В палисадниках — цветники, деревья, кустарники.

В этом году беспрестанно растущий город Сталино начинается уже там, где совсем недавно был обширный пустырь: центральная магистраль города — улица Артема — удлинилась на несколько километров. Заканчивается строительство десятков больших домов и целых ансамблей, каждый из которых украсил бы любой город нашей страны. Размахнулся Сталино и на восток, в сторону Макеевки, Щегловки и Буденновки.

Поезжайте по любой дороге, в любую сторону, и всюду вы увидите великую заботу социалистического государства о человеке, о его труде и быте.

Около четырех миллионов квадратных метров жилой площади восстановлено и построено в угольном Донбассе после войны. Новые дома созданы по проектам лучших архитекторов Сталино, Ростова, Киева, Ленинграда, Москвы.

Широкий размах получило также индивидуальное строительство. Только в послевоенные годы шахтеры построили на государственные кредиты более тридцати тысяч домов.

В угольном Донбассе сооружены сотни больших домов гостиничного типа, в которых живет главным образом шахтерская молодежь. Познакомьтесь с двумя — тремя общежитиями и интернатами на шахте имени Челюскинцев, на Щербиновке, в Снежном — и перед вами предстанут трудолюбивая, жизнерадостная Киевщина и Полтавщина, Ровенщина и Закарпатье, Одесская и Винницкая области.

Прекрасными шахтерами стали вчерашние колхозные украинские парни — машинистами врубовых машин, запальщиками, крепильщиками, электрослесарями, комбайнерами. Ее, певучую Украину, слышишь на донецкой земле и в шахтах.

Заботливая государственная рука щедро благоустраивает все шахтные поселки: на окраинах Донбасса и в центре за два последних года проложены сотни километров асфальтированных дорог и около трехсот тысяч квадратных метров тротуаров. В шахтерских городах и поселках Донбасса появилось более ста молодых парков и скверов. Высажено до миллиона деревьев. Один за другим возникают водоемы, стадионы и бесчисленные спортивные площадки.

Во имя счастья человека! Такие слова, кратко и ясно выражающие основной закон нашего социалистического строя, незримо начертаны над входом сотен шахтерских клубов и дворцов культуры, над поликлиниками, больницами и школами, над детскими яслями и садами, над домами отдыха и санаториями, над каждой дверью квартиры горного комбайнера и проходчика, навалоотбойщика и электрослесаря, инженера и мастера.

Праздник песни

В жаркий июньский день в Свердловском парке культуры и отдыха имени В. Маяковского на праздник песни собрались десятки тысяч человек.

Поднялось алое полотнище, в воздухе блеснули ракеты. Сводный хор, состоявший из 12 тысяч певцов, под управлением дирижера В. Глаголева исполнил Гимн Советского Союза.

В программу праздника были включены песни советских композиторов, произведения уральских авторов. Выступление закончилось торжественным «Славься» из оперы М. Глинки «Иван Сусанин».

На площадках парка были исполнены песни народов СССР: русские, украинские, белорусские,— а также народов Чехословакии, Польши, Болгарии.

* * *

Праздники песни состоялись в Томске, Горьком, Тюмени, Кисловодске, Артемовске и многих других городах Советской страны.

Выступление хора под управлением В. Глаголева на празднике песни в Свердловске.

Фото И. Шубина.

ОНИ РАБОТАЮТ И УЧАТСЯ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. УМНОВА.

Тринадцать тысяч студентов, свыше 300 профессоров и преподавателей, 26 учебно-консультационных пунктов по всей стране, 9 факультетов, готовящих инженеров 42 специальностей, — таков Всесоюзный заочный политехнический институт.

Студенты-заочники — таких почти не знала старая Россия. Такого размаха заочного высшего образования, как у нас, не знает и сейчас ни одна страна мира.

Не только в промышленных центрах, но и в отдаленных рабочих поселках и колхозах вы можете встретить студентов заочного политехнического института. Это люди, которые работают и учатся. Шесть лет они долгие часы проводят за учебниками, работают в лабораториях, слушают профессоров на воскресных лекциях, сдают зачеты и экзамены, представляют чертежи и контрольные работы. Они получают диплом инженера, становятся специалистами по металлургии, строительству, химии, электрофизике, энергетике, горному делу и другим отраслям промышленности.

Среди заочников института люди 36 национальностей, самых разных возрастов. В нынешнем году на первый курс будет принято 5 тысяч человек.

Твердо решил стать инженером слесарь-наладчик Автозавода имени Сталина Сергей Сергеевич Егоров. Еще в 1936 году, окончив шесть классов, он вынужден был поступить на работу, но учиться не перестал: посещал вечернюю школу рабочей молодежи. Получив среднее образование, Егоров стал студентом заочного политехнического института. Ему пришлось пройти конкурс: тяга к заочному образованию так велика, что и здесь происходит отбор самых способных.

Егоров теперь на втором курсе. Мы засняли его днем на производстве, а вечером в читальном зале филиала Всесоюзной библиотеки имени Ленина при Дворце культуры Московского автозавода. Он углубился в книги, готовясь к очередному экзамену.

— Трудно даются знания? — спросили мы его.

— Нелегко, конечно. Ни одной свободной минуты, особенно в экзаменационный период. Но условия для занятий создают и завод и институт.

Воскресенье — единственный день в неделю, когда заочники-москвичи встречаются друг с другом. На нашем снимке вверху — аудитория Московского института цветных металлов и золота, отданная на воскресный день в распоряжение заочников. Среди них увидишь немало людей пожилых, вышедших из обычного студенческого возраста.

Такие встречи возможны лишь в больших городах. Но немало заочников живет в рабочих поселках, на отдаленных железнодорожных станциях, в селах. Это одиночки. Им приходится познавать сложную инженерную науку главным образом с помощью учебников и методических пособий.

Адрес института: «Москва, центр, проезд Серова, 3» — хорошо знают почтовые работники. Сюда ежедневно поступают тысячи писем, пакетов с чертежами, посылок с книгами, и столько же отправляется отсюда во все концы.

Каждый студент получает из института программы, методические указания, контрольные задания, пособия и учебники, если он не может их достать в своем городе.

А студентов, как мы уже сказали, 13 тысяч! Огромный поток корреспонденций идет и на институтские факультеты, где ведется учет успеваемости каждого студента.

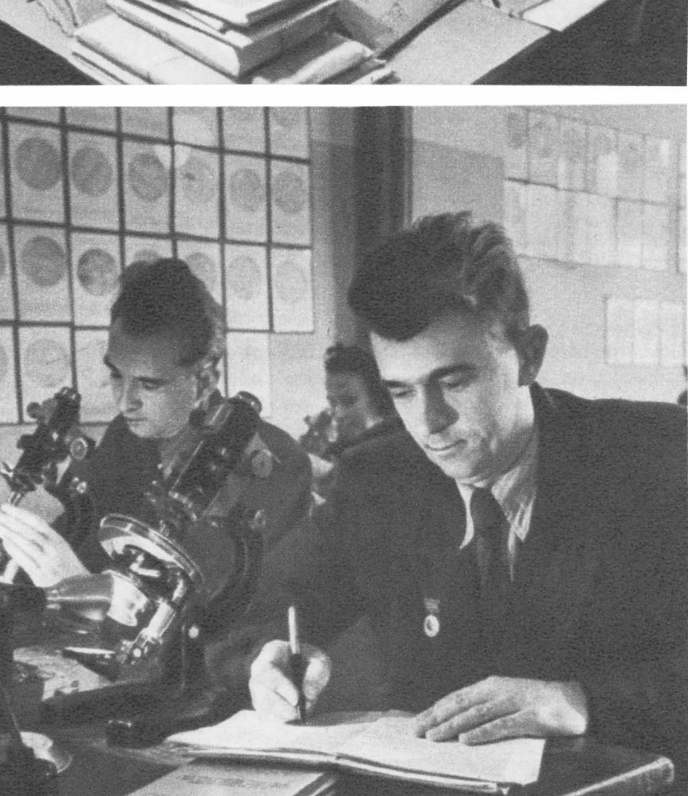
Контрольные работы студентов поступают в рецензионное бюро; тут их проверяют профессора и преподаватели факультетов. За прошлый год студенты-заочники прислали более четверти миллиона работ.

На снимке слева: экспедиция института в час, когда корреспонденция готова к отправке.

Мы посетили одну из столичных лабораторий института, когда в ней занимались заочники (снимок слева — второй сверху). За столом справа вы видите лауреата Сталинской премии Дмитрия Ивановича Овчинникова. Он приехал в Москву из Колымы в отпуск и использует его для сдачи экзаменов.

В 1935 году Дмитрий Иванович окончил техникум. С тех пор он живет и работает на Колыме. У него жена и трое детей. Старшая дочь уже кончает десятилетку.

— И на Колыме можно, как видите, учиться,— говорит он.— Года через полтора думаю окончить институт.

Перед нами еще одна группа заочников. Они выбрались на часок погулять по скверу на площади Свердлова. Это студенты-дипломники, приехавшие в Москву на четыре месяца.

Собрались они из разных городов. Николай Петрович Меренков работает в Сталино начальником сталелитейного цеха. Начал он со сталевара, учился, но война прервала учебу на долгие годы. Теперь он возмещает упущенное. Поступив в заочный институт на третий курс, он все годы сдавал экзамены в самом Сталино, где есть учебно-консультационный пункт института, а для защиты диплома приехал в Москву.

Назиб Садыкович Якубов — из Казани, Николай Алексеевич Николаев — из Магадана, Василий Александрович Иваненко — из Мелитополя, Ната Романовна Крайняя — лаборант металлургического завода в Ворошиловграде.

В Москве этой весной побывало около двухсот дипломников института.

На снимке справа: Н. П. Меренков, В. А. Иваненко, Н. С. Якубов, Н. Р. Крайняя, Н. А. Николаев.

Для многих радостный день получения диплома об окончании высшего учебного заведения уже наступил. Александр Спиридонович Чесноков рассматривает диплом, врученный ему директором института И. С. Герасимовым (первый слева).

Новый инженер — костромич. Родители его были ткачами. Александр Спиридонович — отец семейства, у него двое детей. Работает он начальником смены Костромской ТЭЦ. Теперь, в связи с окончанием института, ему предложили пост дежурного инженера станции. Диплом он защитил на «отлично».

— Каковы ваши планы на будущее? — спросили мы Чеснокова.

— Буду учиться дальше. Так втянулся в учебу, что без нее скучно будет. Думаю еще и иностранные языки изучать и в университет марксизма-ленинизма поступить. Влечет меня к научной деятельности.

— Приглашаем в заочную аспирантуру,— сказал директор института.

— Кафедра уже предлагала мне это. Через год прошу считать меня аспирантом-заочником.

— Значит, до скорого свидания!

ЭТО СТАЛО ОБЫЧНЫМ

М. А. ШАТЕЛЕН,
член-корреспондент Академии наук СССР

Недавно у нас, в Ленинградском политехническом институте, побывала студенческая делегация из Англии.

«Многие ли из студентов вашего института получают стипендии?» — спросил один из английских юношей. «У нас больше шести тысяч стипендиатов, — ответили ему. — Каждый хорошо успевающий студент получает государственную стипендию. И так во всех высших учебных заведениях Советской страны».

Гости не могли скрыть своего удивления. Еще больше были они поражены, узнав, что каждый наш студент после окончания института получает назначение на работу по специальности, что профессора решают важные научные проблемы в содружестве с рядовыми рабочими, цеховыми инженерами.

Придя домой, я рассказал о встрече с английскими студентами своей правнучке, школьнице Наташе. Как бы невзначай она заметила: «Для нас это кажется таким простым и обычным, а у них вызывает удивление...»

И впрямь, многое в нашей жизни, такое привычное и простое, является в то же время поистине удивительным...

У меня, научного работника, много воспоминаний и раздумий, много самых радостных чувств вызывает широко распространившееся в Советской стране движение творческого содружества людей науки и производства.

Мне помнится время, когда в сосновом бору на окраине Петербурга воздвигалось здание политехнического института, строились дома для профессуры. Это было не так уж давно — пятьдесят с лишним лет назад. Между институтским городком и пышным центром Петербурга раскинулась рабочая Выборгская сторона с ее заводами и фабриками, принадлежавшими в большинстве своем иностранным акционерам, и убогими хибарками. Царское правительство, фабриканты и заводчики делали все, чтобы рабочий человек не мог приобщиться к культуре, просвещению. На весь нынешний наш район была одна бесплатная библиотека, помещавшаяся в небольшом полутемном домике. Только пятая часть детей рабочих получала начальное образование. Остальные бросали школу и шли работать, чтобы добыть кусок хлеба.

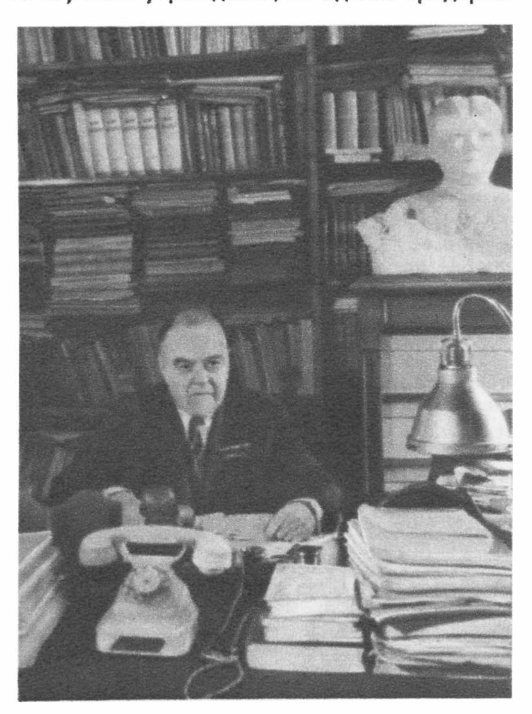
И разве могли мы, ученые, в ту пору даже помыслить о том, что придет время, когда люди науки будут собираться вместе со сталеварами, литейщиками, токарями и обсуждать сложные технические проблемы, решать их в одном творческом коллективе!

Да и положение самих ученых было — увы! — незавидным, а часто и унизительным. Мне довелось участвовать в деятельности Русского технического общества, организованного в конце прошлого века П. Н. Яблочковым, А. Н. Лодыгиным, В. Н. Чиколевым и другими выдающимися электротехниками. Как часто эти талантливые люди сталкивались с бездушием царских чиновников! Чтобы применить свою «свечу» для освещения петербургских улиц, Яблочкову пришлось самому создать мастерскую, где готовились его знаменитые «свечи».

В Русском техническом обществе еще до Октября 1917 года родилась идея использования гидроэнергетических ресурсов Волхова, но власть имущие отвергли ее. Один из главных доводов был такой: владельцы земли, примыкающей к реке Волхов, не позволят строить там гидростанцию.

И сразу же вспоминается другое. Вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин поручил нам, электротехникам Петрограда, начать разработку материалов к плану ГОЭЛРО. И вот мечта о строительстве Волховской гидростанции, вчера еще казавшаяся недостижимой, стала практическим, неотложным делом. Ученые не только разрабатывали сложные теоретические проблемы, связанные со строительством Волховской ГЭС, но и помогали создавать на заводах мощные для того времени генераторы, масляные выключатели, трансформаторы и другие сложные машины и аппараты. Так уже в первые годы жизни Советской страны зарождалась творческая дружба людей науки и производства. А ныне она благодаря великим победам социализма, огромному росту культурно-технического уровня рабочего класса распространилась с необычайной силой.

Сейчас вы не найдете в Ленинграде ни одного научного учреждения, ни одного предприятия, которое не использовало бы в борьбе за технический прогресс силу творческого содружества науки и производства. В послевоенные годы эта сила сыграла огромную роль в освоении производства сотен новых сложных машин, аппаратов, приборов, станков. Ученые помогли заводским коллективам разработать прогрессивные методы обработки металлов токами высокой частоты, освоить скоростную обработку металлов резанием, широко внедрить автоматизацию.

М. А. Шателен.

У нас вырос новый тип рабочего — человека, пытливо проникающего в существо производственного процесса, отлично владеющего техникой. Расскажу об одном из таких рабочих Выборгской стороны — медеплавильщике завода «Красный выборжец» А. С. Подмосткове. Работая у медеплавильной печи, он начал вести опыты по извлечению меди из шлаков. Стахановец знакомился с литературой по металлургии, консультировался с инженерами, профессорами и добился замечательных результатов. Ученые, выступавшие на заседании технического совета завода, где А. С. Подмостков докладывал об итогах своих опытов, дали им высокую оценку.

Товарищ Подмостков — это типичная фигура советского рабочего наших дней. И ученый испытывает огромное удовлетворение, когда ему приходится вести исследования и внедрять в практику их результаты, опираясь на опыт таких рабочих, как Подмостков.

В Ленинграде связь ученых и производственников становится все многообразнее и глубже. Это можно показать на примере политехнического института имени М. И. Калинина. Около ста предприятий и учреждений страны заключили с институтом договоры творческого содружества. Более пятисот научных сотрудников ведет исследования, связанные с запросами производственников.

Несколько лет назад доцент нашего института А. В. Щеголев и фрезеровщик Кировского завода лауреат Сталинской премии Е. Ф. Савич создали комплексную бригаду, которая занялась разработкой новых режимов обработки металлов. Это дало лишь по фрезерному участку завода 1 миллион 300 тысяч рублей экономии. Сейчас в Ленинграде сотни комплексных бригад, в которые входят инженеры, рабочие, научные сотрудники института.

Постоянными участниками технического совета завода «Электросила» имени С. М. Кирова стали член-корреспондент Академии наук СССР М. П. Костенко, доктор технических наук А. Е. Алексеев и другие. Они помогают разрабатывать конструкции новых машин, аппаратов, прогрессивные технологические процессы.

Ленинградскому металлическому заводу имени Сталина поручили создать невиданные в мире по своей мощности и конструктивным качествам турбины. Это не только сложная производственная, но и научная задача. Над ее решением вместе с коллективом завода трудятся ученые многих научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений. И теперь, когда конструкции гигантских турбин уже созданы, можно смело сказать: эти самые совершенные и мощные в мире гидравлические турбины — плод огромных и совместных усилий не только ее непосредственных творцов, но и ученых, помогавших им.

Жизнь поставила перед наукой и такую задачу, выдвинутую производственниками, — сооружение, оборудование и обеспечение работы линии электропередачи от Куйбышевской ГЭС в Москву. Исследованием всех этих вопросов заняты сотрудники высоковольтной лаборатории политехнического института, той самой лаборатории, которая в свое время помогла сооружению первой линии электропередачи в 110 тысяч вольт из Волхова в Ленинград. А теперь дело обстоит гораздо сложнее: надо передать энергию на расстояние не в 130 километров, а в тысячу километров и при напряжении не 110 тысяч вольт, а 400 тысяч вольт.

Нужно отметить одну замечательную особенность совместного труда ученых и производственников: он ведет к взаимному обогащению науки и практики. Научные работники ряда ленинградских институтов, сотрудничая со сталеварами заводов Кировского, Невского машиностроительного имени В. И. Ленина и других предприятий, получили ценные данные для дальнейших исследований и теоретических обобщений в области улучшения процессов сталеварения.

Сталевар, подсказывающий ученому пути дальнейшего развития науки! Так может быть лишь в стране социализма, в стране, где стало обычным, что стахановец оканчивает вечерний техникум или институт, цеховой инженер защищает научную диссертацию.

Перед каждым советским человеком, стремящимся к знаниям, культуре, у нас открыты все дороги. Я приведу один факт, с виду незначительный. Работала в нашем институте уборщицей в лаборатории девушка Вера Березина. «Учись, Вера»,— посоветовали мы ей. Вера начала посещать школу рабочей молодежи и успешно окончила ее. «Иди в вуз»,— сказали ей друзья. Березина стала учиться в вечернем институте, продолжая работать в лаборатории, уже старшим лаборантом, помогая научным сотрудникам в подготовке опытов. Сейчас Березина заканчивает институт. Не сомневаюсь, она станет в нашей лаборатории ассистентом, а впоследствии получит и ученую степень.

Так широчайшие массы приобщаются к науке, так ликвидируются в советском обществе существенные различия между трудом умственным и физическим.

Грузинский мрамор

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Я
в долгу...
перед вами,
багдадские небеса...
В. Маяковский.

В горах Имеретии все зацвело:
Гранат и инжир с айвою...
В зеленых садах затерялось село
За молодой листвою.

Быки шагают мимо ворот,
Солнце бока им гладит...
За поворотом еще поворот,
Из маленькой Шроши дорога идет,
Дорога ведет
в Багдади.

Кавказских небес глубокая синь,
Реки белопенный вал...
Наверно, в детстве
лесничего сын
В Шроше с отцом бывал.

Вот здесь с ореховой палкой в руке
Бродил он целыми днями,
Рвал ежевику и на реке
Ловил бычков под камнями,
Следя, как с накидкой и в зной и в дождь
Идут по воде рыбаки.
Впервые здесь пробовал
голоса мощь
Под шум вот этой реки...

Над гулкой Дзирулой
до поздней поры
Работают каменотесы,
Куски откалывают от горы
И катят их вниз с откоса.

На что он, добытый в горах над рекой,
Спавший в земле веками!
И вспомнила я,
где встречала такой
С прожилками красный камень.

Хранящим звучание первых строк,
Звеневших от ветра хлесткого,
Им облицованы
стены метро
Площади Маяковского.

И люди, в столицу издалека
По разным делам приехав,
Слышат в метро,
как поет река
И вторит ей горное эхо.

В подземном дворце, где светло,
как днем,
На мрамор грузинский глядя,
Слышат:
звучит еще голос в нем
Мальчика из Багдади.

В СТРАНЕ ГЕРОЕВ

В. ЛАТОВ

Есть на скалистых отрогах хребтов Тэбэксана «высота 1211». Она находится в центре одного из районов, занимаемых Корейской Народной армией. За прошлый год на каждый квадратный километр этого района артиллерия противника выпустила свыше 520 тысяч снарядов, авиация сбросила более 4 100 бомб; почти две тысячи раз район подвергался пулеметному обстрелу. За два года боев «высота 1211» стала ниже на 15 метров: камень, покрывающий ее, не выдержал шквала стали и напалма, превратившись в песок и пепел. Но выдержали люди, защитники высоты, выдержали корейские крестьяне, рабочие, студенты — солдаты и офицеры Народной армии. Вот уже свыше двух лет они прочно занимают этот важный в стратегическом отношении горный район Восточного фронта.

Народ-герой, армия героев! Сознание справедливости цели, во имя которой они сражаются,— вот что дало солдатам и офицерам Корейской Народной армии силу и решимость для свершения бессмертных подвигов. Не раз по примеру русского солдата Александра Матросова корейские воины бесстрашно закрывали своей грудью амбразуры вражеских дзотов, чтобы товарищи могли успешно выполнить боевой приказ командования. На страницы истории освободительной отечественной войны корейского народа навеки занесены имена таких героев, как Ким Чан Гволь, Син Ги Чер, Ли Су Бок, и многих других. Один из героев, ефрейтор Ким Сан Чжин, чудом остался жив: пули прошли в нескольких миллиметрах от сердца. Сейчас он лечится. «Берегите мой автомат!» — пишет герой своим боевым друзьям.

Плечом к плечу с мужественными воинами Корейской Народной армии — отважные сыны китайского народа — добровольцы, полные горячего желания обеспечить мир в Корее и на Дальнем Востоке. Их совместная борьба — образец высокого патриотизма и пролетарского интернационализма.

Ким Хо Бин — герой КНДР. В оборонительных боях на Восточном фронте за высоту 384,2 отделение под командованием Ким Хо Бина приняло на себя атаку противника численностью до двух рот и в ожесточенной схватке уничтожило более 80 вражеских солдат.

Бойцы китайских добровольческих отрядов с захваченным у противника реактивным орудием типа «Базука».

Сержант Народной армии, стрелок — охотник за вражескими самолетами — Ким Кен Хак награжден орденом Государственного знамени всех трех степеней. Он сбил индивидуально и в группе шесть самолетов противника. На снимке: Ким Кен Хак в стрелковой ячейке.

Вся Корея и Китай знают имя китайского добровольца Ло Шен-цзяо, отдавшего свою жизнь, чтобы спасти тонувшего в воде бурной реки корейского мальчика. Во время ноябрьских боев прошлого года в горах около Кымхва на всю страну прозвучало имя корейского крестьянина Пак Чжа Гына. Он по собственному почину вызвался помогать перевозке раненых китайских добровольцев с фронта в тыловые госпитали. Колонна машин с красными крестами находилась в пути, когда ее стали бомбить вражеские бомбардировщики. Пак Чжа Гын прикрыл своим телом раненого китайца. Осколком бомбы корейский крестьянин был убит. Китаец-доброволец был спасен. Таких примеров много, очень много.

Фронт показывал пример тылу. В нерушимом единстве фронта и тыла — разгадка непонятного кое-кому на Западе «чуда» героической борьбы свободолюбивого и гордого корейского народа.

Река Тэдонган в районе Пхеньяна.

Июньский полдень

СЕ МАН ИР

Июньский зной, трепещущая зелень.
Утих огонь, растаял душный чад:
Чужие самолеты пролетели...
И люди снова на поле спешат.

Кружатся пчелы меж цветов каштана,
Отвесный луч пронзает синеву.
И шелкопряды гложут неустанно
Тутовника обильную листву.

Стоит в раздумье одноногий аист...
А там, где бомбы только что рвали́сь,
Крестьяне, над бороздками склоняясь,
Старательно пропалывают рис.

Мотыгами воронки засыпая,
Они войны уничтожают след,
Они стоят на страже урожая,
И это нашим недругам ответ.

А у ручья, где желт песчаный берег,
Где глубина просвечена до дна,
Детишки крепость возвели и верят,
Что это поле защитит она.

Уборки риса ждать уже недолго.
И шелкопряд всё, знай себе, прядет...
Здесь будет вдоволь и еды и шелка
Для тех, кто с фронта в мирный день придет.

Перевел с корейского
Яков **ХЕЛЕМСКИЙ**.

Южные ворота древней крепостной стены Пхеньяна в районе горы Моранбон.

Из года в год, несмотря на неслыханные разрушения, растут и развиваются в Корейской Народно-Демократической республике промышленность, транспорт, сельское хозяйство. В прошлом году выпуск валовой продукции промышленности увеличился почти на одну пятую по сравнению с 1951 годом. Валовой сбор зерновых культур в прошлом году превысил на 340 тысяч тонн урожай 1951 года и на 130 тысяч тонн урожай 1948 года, наиболее урожайного в истории земледелия Кореи за последние десятилетия. В этом году решено достичь еще лучших результатов.

ЦК Трудовой партии Кореи и Народное правительство неустанно заботятся о том, чтобы облегчить и улучшить жизнь трудящихся. Беднейшее крестьянство республики освобождено от уплаты натурального налога. Увеличены нормы продовольственного снабжения семей трудящихся. Открыта дополнительная продажа продовольствия семьям рабочих и служащих по сниженным ценам. Сделано все, чтобы снабдить рабочих, служащих, студентов одеждой. Введено бесплатное лечение трудящихся.

В стране, где воздушными налетами противника разрушены города, сожжены тысячи сел, превращены в руины театры, школы, высшие учебные заведения, культурная жизнь не замирала ни на один день. Сейчас в республике работают все 16 высших учебных заведений. Недавно в университете имени Ким Ир Сена состоялся первый за годы

Девушки — танкистки Народной армии — у «Хебантхапа», монумента, воздвигнутого на горе Моранбон в честь освобождения Кореи Советской Армией в 1945 году.

войны выпуск специалистов. Не прекращены и занятия в школах. Неграмотность — тяжелое наследство, оставшееся со времени японской оккупации,— почти ликвидирована.

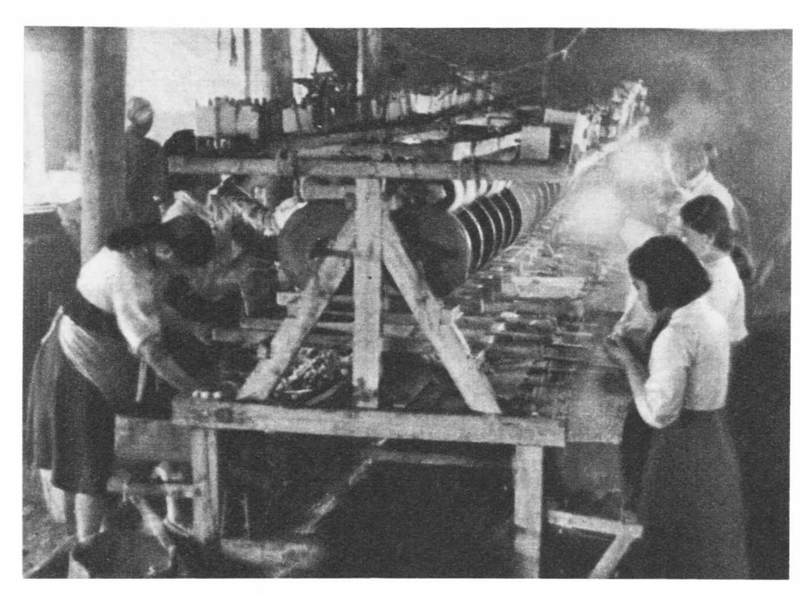
Созданная в дни войны Академия наук становится руководящим штабом всей научно-исследовательской работы в республике.

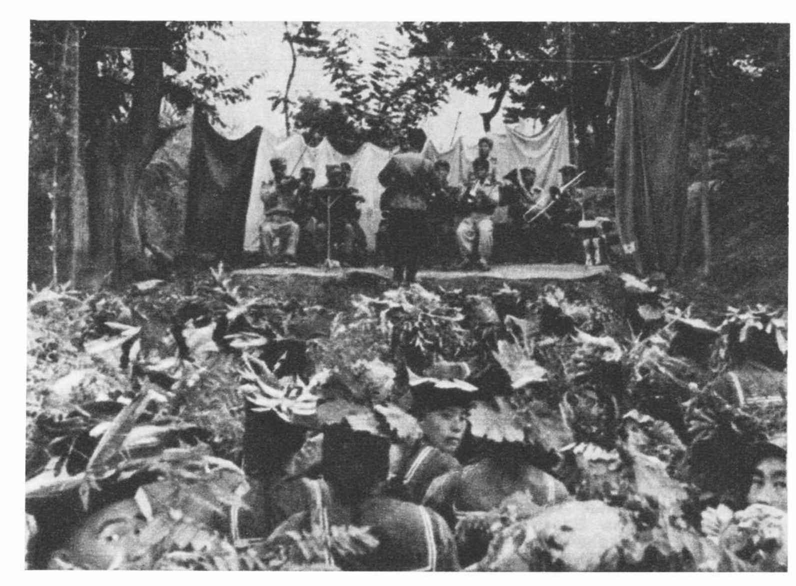
Напряженной творческой жизнью живут писатели, художники, актеры и музыканты. Они несут в народные массы произведения, правдиво отображающие жизнь и борьбу корейского народа. Сейчас в стране работает около 30 оперных и драматических театров и ансамблей.

Корейский народ исполнен твердой решимости завоевать под руководством Трудовой партии Кореи и Народного правительства долгожданный мир. Мир — это слово, равнозначащее словам жизнь и счастье. И героический народ Кореи вправе твердо верить, что мир и счастье будут на корейской земле. Ибо с этим законным желанием миллионов корейцев сливается желание всего свободолюбивого человечества.

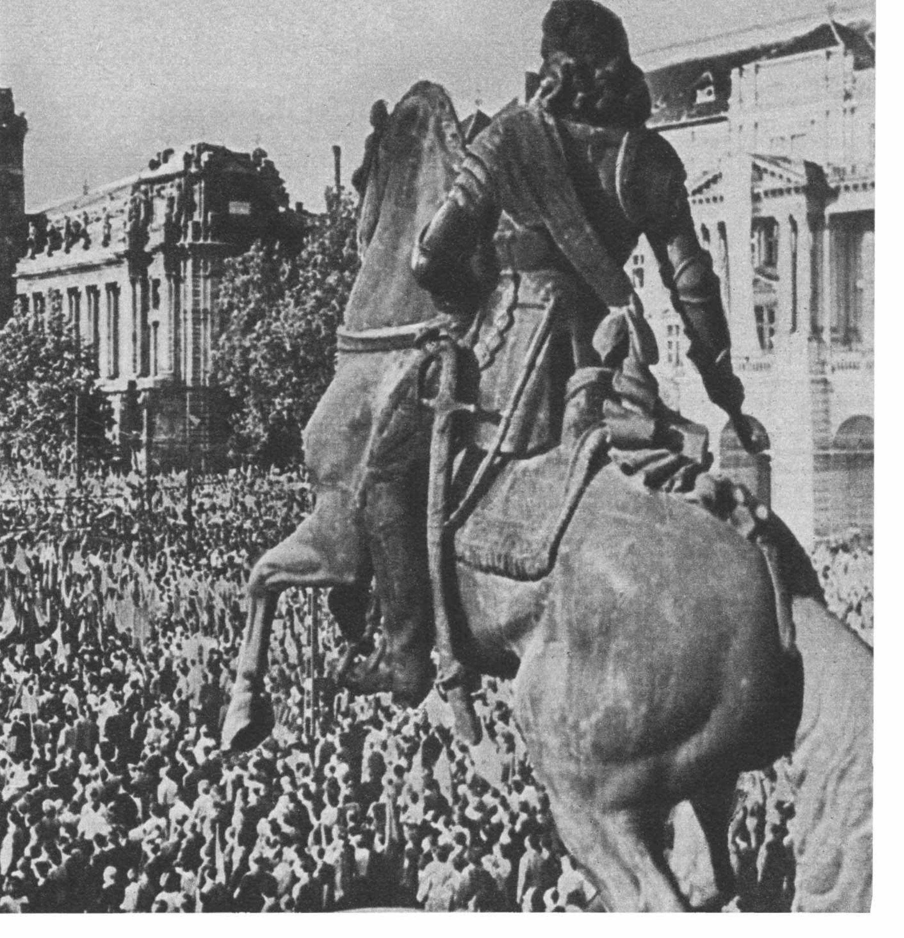
В республике работают тысячи школ, в которых учатся все дети школьного возраста. Вечером в школах работают кружки ликбеза. На снимке: занятия кружка ликбеза в селе Сенбукри, провинции Южный Пхенан.

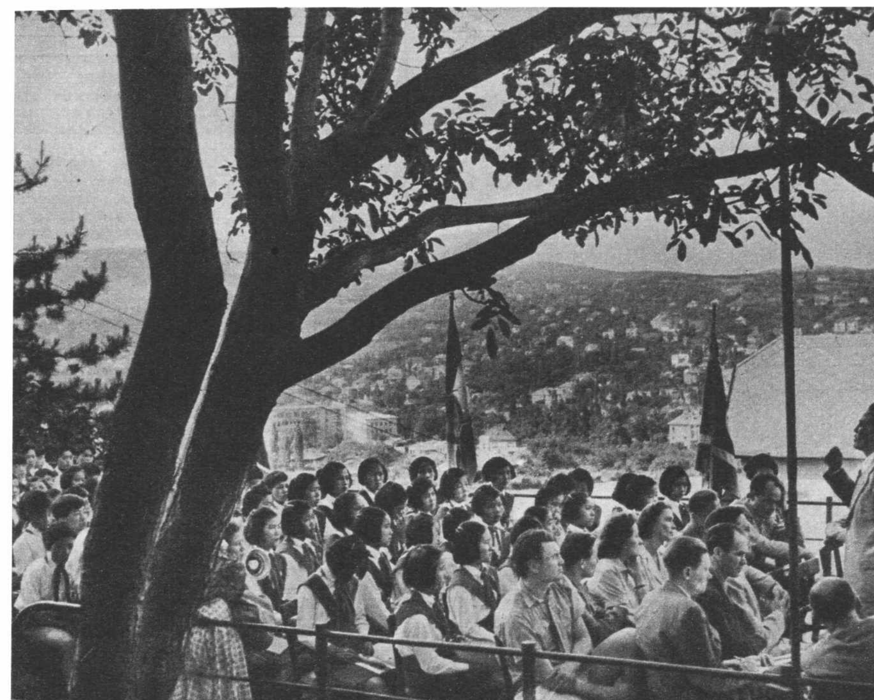

Слева: рабочие подземной фабрики выпускают обмундирование для Народной армии. Справа: ансамбль Народной армии, оперный и драматический театры, заводские кружки художественной самодеятельности — частые гости у солдат и офицеров Народной армии. На снимке: музыкальный ансамбль выступает с концертом на восточном побережье перед моряками береговой охраны.

В этом году крестьяне Северной Кореи решили вырастить урожай, намного превышающий богатый урожай 1952 года. На снимке внизу: крестьяне одной из деревень прифронтовой провинции Хванхэ пересаживают на поля рассаду риса.

Стотысячный митинг на площади Кошута в Будапеште в честь сессии Всемирного Совета Мира.

Представитель героического корейского народа писатель Хан Сер Я посетил в Будапеште школу имени Ким Ир Сена, где учатся корейские дети. Хан Сер Я передал своим маленьким соотечественникам привет от родной страны, от родного народа.

В эти дни мы торжественно призываем народы требовать от своих правительств, чтобы они путем переговоров пришли к согласию.

Мы должны поддержать любое начинание любого правительства, имеющее целью мирное разрешение конфликтов. Мы должны помешать действию тех, кто препятствует или затягивает достижение соглашения.

Победа мира близка. От нас зависит добиться ее».

Столь же единодушно сессия приняла Декларацию об открытии всемирной кампании в пользу переговоров. В ней Всемирный Совет Мира призывает народы удвоить свои усилия, чтобы были начаты переговоры в целях мирного разрешения спорных международных вопросов. «Только народы, — говорится в Декларации, — могут, непрерывно борясь, добиться переговоров, согласия и мира».

На заключительном заседании делегаты в глубоком молчании выслушали бельгийца Дассеса. Он сообщил о казни супругов Розенберг в Соединенных Штатах Америки. Я думаю, сказал он, что выражаю наше общее чувство: гибель супругов Розенберг увеличивает нашу ответственность и обязывает нас еще настойчивее бороться за торжество принципов мира во всем мире.

* * *

Венгерские рабочие, крестьяне, посланцы мирных строек ежедневно посещали зал, где происходили заседания сессии. Во время своих встреч с делегатами разных стран они говорили о непоколебимом стремлении к миру и обещали твердо стоять на его страже.

19 июня на площади Кошута в Будапеште состоялся многолюдный митинг. Население венгерской столицы приветствовало членов Всемирного Совета Мира.

Миклош ВАШАРГЕЛИ,
главный редактор
журнала «Венгрия».

Будапешт, 20 июня.

Пандит Онкар Наф Такор, известный индийский певец. 19 июня, на митинге венгерских трудящихся, он исполнил Песню о мире.

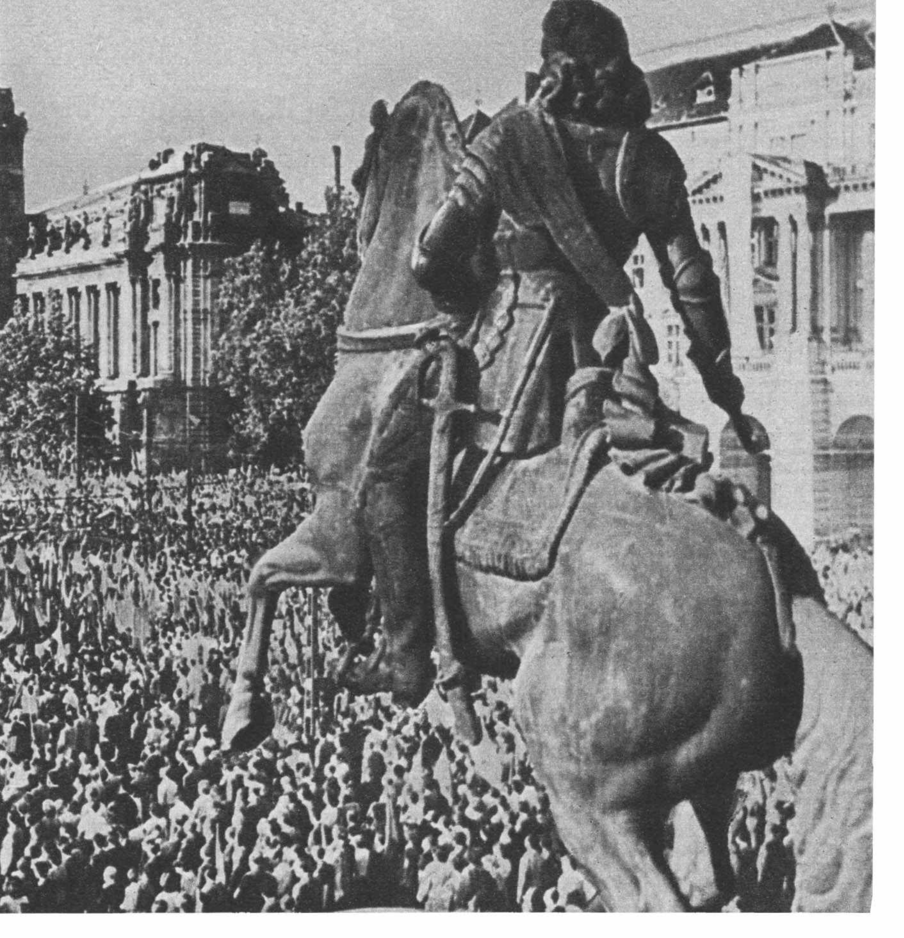
Венгерские дети приветствуют члена Всемирного Совета Мира Монику Фелтон.

Война для людей труда означает гибель того, что создано их руками. Поэтому с таким вниманием и надеждой трудящиеся всех стран следили за сессией Всемирного Совета Мира, выработавшей программу борьбы за мир. На снимке: представители венгерских трудящихся слушают выступления участников сессии.

Венгерские пастухи преподносят подарок председателю Советского Комитета защиты мира Николаю Тихонову.

В эти дни мы торжественно призываем народы требовать от своих правительств, чтобы они путем переговоров пришли к согласию.

Мы должны поддержать любое начинание любого правительства, имеющее целью мирное разрешение конфликтов. Мы должны помешать действию тех, кто препятствует или затягивает достижение соглашения.

Победа мира близка. От нас зависит добиться ее».

Столь же единодушно сессия приняла Декларацию об открытии всемирной кампании в пользу переговоров. В ней Всемирный Совет Мира призывает народы удвоить свои усилия, чтобы были начаты переговоры в целях мирного разрешения спорных международных вопросов. «Только народы, — говорится в Декларации, — могут, непрерывно борясь, добиться переговоров, согласия и мира».

На заключительном заседании делегаты в глубоком молчании выслушали бельгийца Дассеса. Он сообщил о казни супругов Розенберг в Соединенных Штатах Америки. Я думаю, сказал он, что выражаю наше общее чувство: гибель супругов Розенберг увеличивает нашу ответственность и обязывает нас еще настойчивее бороться за торжество принципов мира во всем мире.

* * *

Венгерские рабочие, крестьяне, посланцы мирных строек ежедневно посещали зал, где происходили заседания сессии. Во время своих встреч с делегатами разных стран они говорили о непоколебимом стремлении к миру и обещали твердо стоять на его страже.

19 июня на площади Кошута в Будапеште состоялся многолюдный митинг. Население венгерской столицы приветствовало членов Всемирного Совета Мира.

Миклош ВАШАРГЕЛИ,
главный редактор
журнала «Венгрия».

Будапешт, 20 июня.

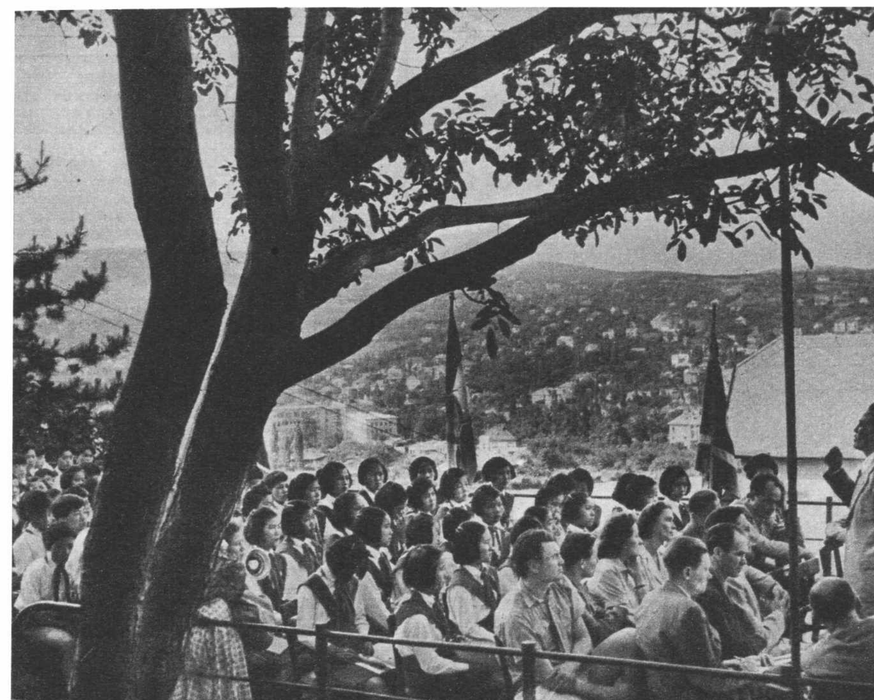
Стотысячный митинг на площади Кошута в Будапеште в честь сессии Всемирного Совета Мира.

Пандит Онкар Наф Такор, известный индийский певец. 19 июня, на митинге венгерских трудящихся, он исполнил Песню о мире.

Война для людей труда означает гибель того, что создано их руками. Поэтому с таким вниманием и надеждой трудящиеся всех стран следили за сессией Всемирного Совета Мира, выработавшей программу борьбы за мир. На снимке: представители венгерских трудящихся слушают выступления участников сессии.

Представитель героического корейского народа писатель Хан Сер Я посетил в Будапеште школу имени Ким Ир Сена, где учатся корейские дети. Хан Сер Я передал своим маленьким соотечественникам привет от родной страны, от родного народа.

Венгерские дети приветствуют члена Всемирного Совета Мира Монику Фелтон.

Венгерские пастухи преподносят подарок председателю Советского Комитета защиты мира Николаю Тихонову.

Вскоре мы увидели современных косцов.

НА ПОДМОСКОВНЫХ ЛУГАХ

Роса давно сошла, а на лугах, окаймленных лесами, все так же свежо и прохладно. Кажется, что и солнце сюда не проникает. В Подмосковье — разгар сенокоса. Но косцов нигде не видно. Правда, говорят, сегодня они уже успели свое отработать, и сейчас скошенную ими пахучую траву сгружают возле силосных ям. Впрочем, в колхозах, обслуживаемых Солнечногорской машинно-тракторной станцией, одними косами ничего не поделаешь. Поля многолетних трав и естественные луга, раскинувшиеся здесь, занимают около трех с половиной тысяч гектаров.

Еще недавно стоило произнести слово «сенокос», как перед глазами вставали ряды косцов, женщины с граблями, слышался характерный звон молотков, отбивающих иступившиеся косы.

Пока мы разглядываем обширные клеверные поля, к директору МТС Петру Алексеевичу Гапееву подходит тракторист.

— Иду клапаны затачивать,— говорит он.

— Не затачивать,— поправляет его директор,— а шлифовать, не с косой дело имеешь. Вот вы спрашивали,— обращается он уже к нам,— чем отличаются нынешние сенокосы от прошлых. Бывало, в эту пору только и слышно было о точильных брусках, а сейчас возьмите хоть этого паренька: ведь и он, в сущности, тоже косец, но косец на тракторе. Если б я был художником, обязательно изобразил бы такого вот паренька на тракторной косилке, это и был бы современный косец.

Вскоре мы увидели подобного косца. На краю поля показался обутый в резиновые шины маленький трактор, чем-то напоминающий легковую автомашину. Но при помощи этой «малютки» тракторист справляется с работой, которая вряд ли была бы под силу десятерым.

Тракторные косилки все время в движении. Наступает срок, и тем же механизированным способом сгребают сено, ворошат его, доставляют готовые копны к стогам. Тут уж слово принадлежит другим машинам — стогометателям.

Странным казалось, что рядом с такой богатой техникой уживаются косы. Но их могло бы быть меньше, если бы подмосковные колхозы серьезно взялись за приведение в порядок естественных лугов, которые пока еще изобилуют кочками, пнями, кустарниками.

В колхозе имени Кирова мы собирались познакомиться с механизированной закладкой силоса. Но нам «не повезло»: кировцы успели к этому времени закончить силосование. Пришлось довольствоваться лишь осмотром «запечатанных» ям. Вскроют их зимой.

Неподалеку шло строительство большого кирпичного здания будущей молочной фермы колхоза, и директор МТС заметил, что это имеет прямую связь с нынешним сенокосом: увеличиваются посевы многолетних трав, повышается плодородие земель, народ смелее берется за постройки.

На сенокосе мы повстречали трактористов, которые сами сеяли многолетние травы и сейчас их косили. Травосеяние прочно вошло в жизнь сельских механизаторов.

...Заготовку кормов мы застали в другом колхозе — имени 8 марта. К зданию молочной фермы одна за другой подходили машины и повозки со свежей травой. Ее быстро сгружали вилами, и она тотчас же попадала на транспортер силосорезки, которая приводилась в движение тракторным мотором. После измельчения зеленая масса стремительно вылетала из специальной трубы прямо в выложенную кирпичом силосную яму. Всей техникой тут управляли две девушки-трактористки — Таня Кораблева и Лида Свиридова. Случайно мы оказались свидетелями перепалки, происшедшей между ними и дояркой Варварой Поликарповной Васильевой.

Закладку силоса начали с рассвета, и Васильева, как только справилась со своими коровами, вышла поглядеть на работу подруг. То и дело она заглядывала на дно ямы.

— Надо бы получше утрамбовать,— подсказывала она.

— О консервах для Цыганки все заботишься, Варвара Поликарповна,— усмехнулась Лида, стоявшая у транспортера.

Цыганка — любимица Васильевой, лучшей доярки колхоза. Впрочем, доярка и остальных своих подопечных коров в обиду никому не даст.

Но вот теперь Васильева припомнила трактористкам, что в прошлом году силос плохо утрамбовали, и коровы не стали его есть.

— Трамбуем как следует,— успокаивает ее Лида.

— Не давайте траве просыхать,— и женщина протягивает руку в сторону силосной ямы.

— Как ни старайся, а силос — он и останется силосом,— говорит Таня Кораблева.

— Как это так! — возмущается доярка. — Одно дело, когда мы яму вскроем и от него яблочным духом потянет, другое,— если кислой овчиной. Если б не придирчивость наша, не попали б мы с 26-го места на почетную доску района. Смотрите, как бы опять на «камчатку» не угодить!

Но вот все наладилось, и Варвара Поликарповна сразу успокоилась. Вскоре можно было увидеть, как она переливает в высокий бидон ведра с пенящимся молоком.

— Трава и трава, а хорошенько подумать, все это — молоко,— объясняет Васильева.

...На другое утро мы попадаем в детский сад Московского завода шлифовальных станков в тот самый час, когда каждый малыш занят своим стаканом молока. Если писать об этом стакане молока, рассказ следовало бы начать с того, что мы увидели на обширных подмосковных лугах и полях многолетних трав: с сенокоса, с заготовки кормов, с перепалки между колхозницами.

З. ХИРЕН

Фото Дм. Бальтерманца.

— А хорошо ли утрамбовали? — спрашивает Варвара Поликарповна (справа) у трактористок Тани Кораблевой и Лиды Свиридовой.

Вклады новаторов производства

Инициаторы соревнования инженеров и техников на Коломенском паровозостроительном заводе имени В. В. Куйбышева — В. Садофьев (слева) и С. Горбунов.

Фото О. Кнорринга.

— Каждый инженер и техник может внести свой творческий вклад в производство! — с таким призывом обратился к своим товарищам комсомолец Сергей Горбунов — старший технолог чугунолитейного цеха Коломенского паровозостроительного завода имени В. В. Куйбышева.

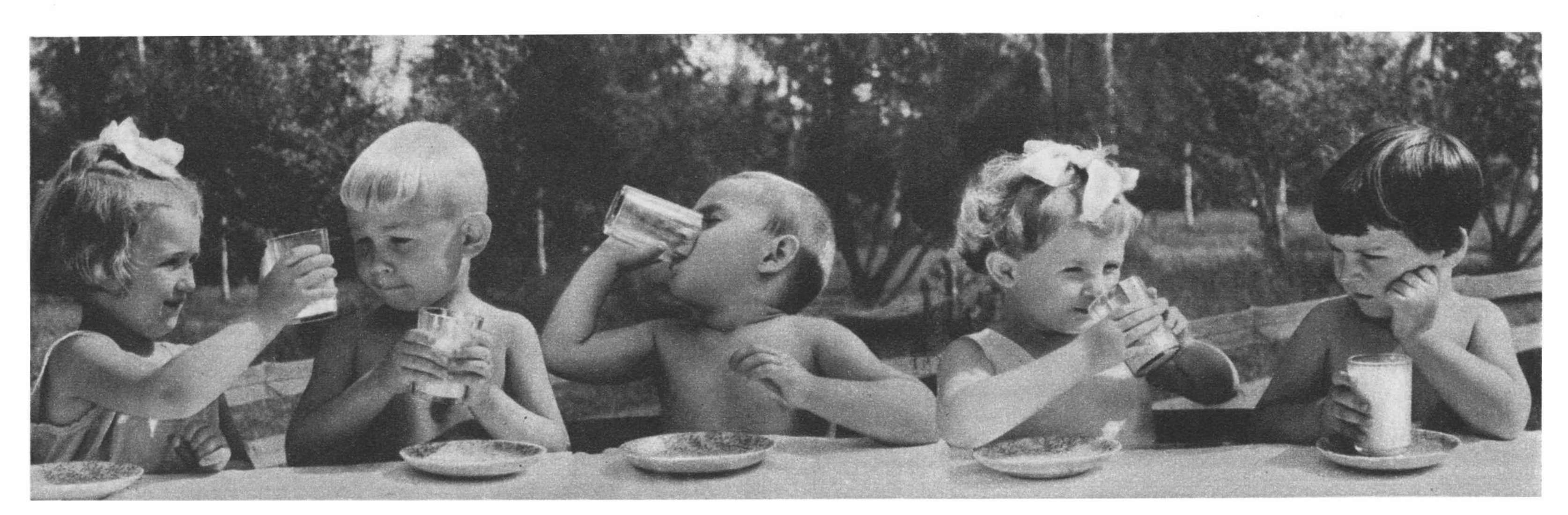
Начальник бюро подготовки производства молодой коммунист Владимир Садофьев поддержал почин друга. Вместе с Горбуновым учился он в техникуме, вместе с ним пришел на завод, вот уже седьмой год вместе они трудятся в цехе.

По инициативе С. Горбунова и В. Садофьева ручная формовка была заменена в цехе машинной. Это позволило значительно сократить производственный цикл. Если раньше отливки некоторых деталей формовались в течение двух суток, — теперь эта работа выполняется за два часа. Внедрив станочную формовку стержней и усовершенствованных вентиляторов, С. Горбунов и В. Садофьев повысили производительность труда в два с лишним раза и резко сократили брак.

Примеру технологов-литейщиков последовали и в других цехах. Так, в машинном отделе сократили время на изготовление вкладышей.

Более 150 командиров производства уже осуществляют на практике свои рационализаторские предложения.

С. МЕСЯЦЕВ

Каждый малыш занят своим стаканом молока.

ДОКУМЕНТЫ ДРУЖБЫ

Многие англичане подъезжали на катерах, чтобы посмотреть вблизи советский корабль.

На крейсере «Свердлов», вернувшемся из заграничного похода, снова наступили дни напряженной учебы. Но в свободный от вахты час в кубрике и кают-компании моряки все еще вспоминают о встречах на Спитхедском рейде, на улицах Портсмута и Лондона.

На улицах Портсмута. Прохожие знакомились с советскими моряками и просили их сняться с ними на память.

Старшина второй статьи Леонид Абрамов возвращается к любопытному эпизоду, который произошел в портсмутском парке Виктория.

— Как только,— рассказывает он,— на аллеях парка появлялся кто-нибудь с нашего корабля, со всех сторон слышались возгласы: «Рашен сейлорз!» — «Русские матросы!»

Неожиданно к нам подошел молодой английский парень и сказал по-русски, что он и его друзья желают познакомиться с нами. Едва мы успели поговорить с ними, как около нашей группы оказалась англичанка, высокая, худая, лет под пятьдесят, очень просто одетая. «Я тоже,— сказала она,— хочу с вами познакомиться. У вас красивая страна, и я много читала о ней». Разговор зашел о борьбе за мир, и я сказал англичанке: «Наша страна не только хочет мира, но и борется за него».

Она услышала это, схватила мою руку, стала трясти, а потом осторожно дотронулась до моей матроски и объяснила, что, по старинному английскому обычаю, если женщина дотрагивается до матроски, это приносит счастье...

А вот другой эпизод. Группа советских моряков как-то зашла в полутемный книжный магазин в Портсмуте. Хозяйка торопливо дала морякам книги, которые они просили, и сказала, что она очень спешит. Но узнав, что к ней пришли советские матросы, заявила: «Теперь я никуда не спешу. Расскажите мне о вашей стране, о ваших впечатлениях, ну, и о себе расскажите, пожалуйста».

— Да, много было таких встреч, которые запомнятся надолго,— говорит капитан первого ранга Олимпий Иванович Рудаков, командир крейсера «Свердлов».

В каюте командира лежит толстая пачка английских газет и журналов со статьями и фотографиями, посвященными крейсеру «Свердлов» и его экипажу.

— Но самое интересное,— говорит Олимпий Иванович,— вот здесь.— С этими словами Рудаков вынул из письменного стола синюю папку с письмами и телеграммами, адресованными крейсеру «Свердлов» со всех концов Англии.

Каждое утро со связного судна, на котором собиралась почта для иностранных моряков, прибывал почтальон. Он подходил к трапу «Свердлова» на почтовом катере и, вручая вахтенному офицеру очередную пачку телеграмм и писем, говорил: «Вас снова приветствует Англия, сэр!»

Что же это за письма и о чем они говорят? Приведем некоторые из них.

Доктор Дороти Николс пишет:

«Как гражданка Портсмута, я счастлива приветствовать вас и экипаж вашего корабля в нашем порту. Нечего и говорить о том, что я всегда смотрела на СССР с величайшим восхищением и любовью, и я надеюсь, что узы дружбы между моей страной и вашей будут все время укрепляться».

С английского корабля «Мейдстоун» доставлено такое послание:

«Шлем вам самые сердечные приветствия и поздравления в связи с вашим прибытием в Англию. Мы надеемся, что вы будете хорошо себя чувствовать у нас, в Англии, и вернетесь на свою родину с хорошими воспоминаниями. Да здравствует дружба и взаимопонимание между народами Британии и СССР!

Т. Кук».

И вот еще одно подкупающее своей искренностью письмо. Автор его — Томас С. Томас. Профессия неизвестна. На маленьком измятом листке адрес: госпиталь Дирмосс, Салор, Англия.

«Дорогие товарищи! Могу ли я так назвать вас? Я лежу много времени в госпитале и еще, наверное, долго буду здесь лежать. Это ужасно, что я не могу встать и пойти посмотреть на советский корабль и пожать руку советским людям. Ведь это мечта моей жизни. Не можете ли вы прислать мне в госпиталь маленький сувенир на память о вашем визите? Любую вещь. Даже коробку спичек с написанным на ней именем вашего корабля. Я буду хранить ее до последних дней моей жизни, которые, наверное, наступят раньше, чем мне хочется».

Томасу С. Томас советские моряки послали подарок с пожеланием скорейшего выздоровления.

Все эти письма вместе с подарками, которые преподнесли нашему экипажу посетившие его делегации, бережно хранятся на корабле. Это живые и волнующие свидетельства крепнущей англо-советской дружбы.

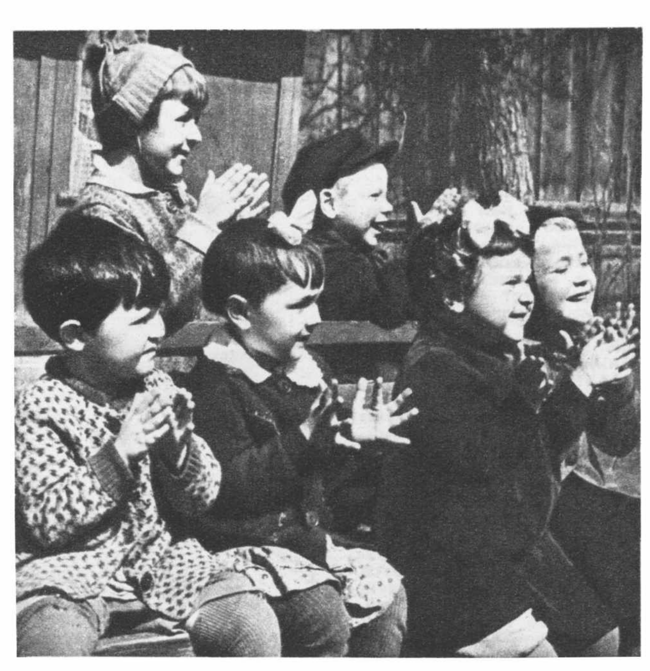
Командир крейсера «Свердлов» О. И. Рудаков встречает английских гостей.

К. НЕПОМНЯЩИЙ
Борт крейсера «Свердлов».

Хьюлетт Джонсон среди советских моряков.

Самодеятельный кукольный театр

Юные зрители на спектакле.

Фото И. Шубина.

Ребята умолкли, наблюдая, как гневается Баба-Яга. А когда дед, бабка и внучка торжествуют победу, дети горячо и долго аплодируют.

Маленькие зрители собрались в свердловском детском саду имени В. И. Ленина, где создан собственный кукольный театр, недавно отметивший первую годовщину.

Год назад «театральный сезон» здесь начался с постановки маленькой пьесы «Гусенок». Вслед за тем детям была показана «Репка», а потом — «Медведь и девочка», миниатюры «О собачке», «О коте», «О петушке». Больше всего понравилось зрителям последнее представление — «Гуси-лебеди».

Первый сезон закончился. Летом кукольный театр будет выезжать к детям на дачи.

Самодеятельные кукольные театры организуются в нескольких детских садах Свердловска.

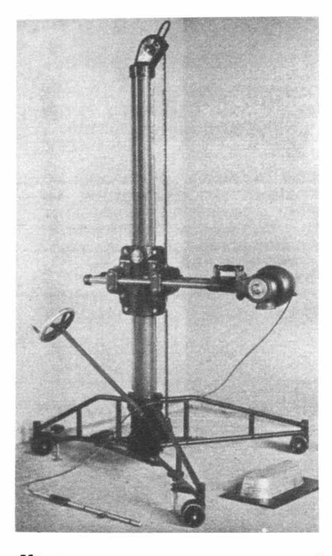

Сквозь металл

Лаборатория дефектоскопии металлов Московского высшего технического училища имени Баумана. Техник передвинул рычажок гибкого вала на положение «съемка» и включил секундомер. Внутри защитной свинцовой головки аппарата скользнула ампула с радиоактивным веществом и остановилась над окошечком. Невидимый поток гамма-лучей заструился вниз, туда, где на большой кассете, заряженной фотопленкой, помещена массивная стальная отливка толщиною около 250 миллиметров.

В лаборатории так тихо, что кажется, будто аппарат не работает. Лишь слышны мерные удары часового механизма. Но вот резкий звонок хронометра возвестил: экспозиция выдержана, съемка окончена. Через некоторое время техник показал нам проявленную пленку.

— Перед вами снимок детали, которая снаружи казалась вполне доброкачественной. С помощью гамма-лучей мы как бы заглянули в ее «внутренность». Вот легкие темные разводы, говорящие о «рыхлости» металла, а это черное пятно свидетельствует — в металле раковина, газовый пузырь.

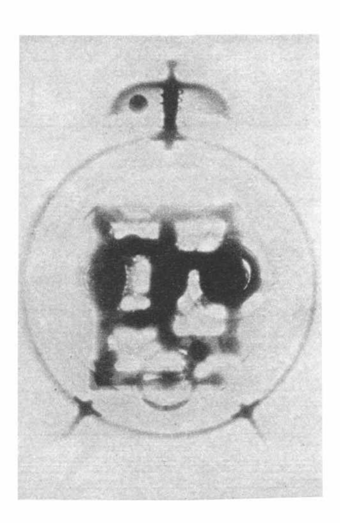
Установка для промышленной гамма-дефектоскопии.

Гамма-лучи представляют собой электромагнитные колебания очень короткой длины волны, излучаемые ядрами атомов радиоактивных элементов. Гамма-лучи обладают свойством проникать сквозь непрозрачные материалы и, что особенно важно, действовать на фотопластинку. Там, где металл оказывается недостаточно плотным, где имеются пустота или трещина, гамма-лучи меньше поглощаются и сильнее влияют на пленку, изображение здесь получается более темным.

Гамма-дефектоскопия металлов развивается в нашей стране параллельно с рентгеноскопией. Но гамма-лучи имеют ряд преимуществ.

Рентгеновский аппарат — это сложная по конструкции высоковольтная (200 тысяч — 400 тысяч вольт), дорогая установка: аппарат средней мощности стоит более 30 тысяч рублей, не считая больших расходов на электроэнергию. К тому же он способен обнаружить дефект в стальном предмете сравнительно небольшой толщины.

Гамма-лучи проникают в стальную деталь на глубину до 300 миллиметров. Промышленная стоимость аппарата для гамма-дефектоскопии немногим превышает 2 тысячи рублей. Для просвечивания здесь не требуется никакой внешней энергии, электрической или механической. Процесс происходит сам по себе. Ампула, расположенная в защитном свинцовом кожухе, в течение более пяти лет способна излучать электромагнитные волны. После того как препарат «погаснет», его заменяют новым.

Снимок, полученный на пленке в результате просвечивания часов гамма-лучами.

Ампулу с радиоактивным веществом можно поместить в портативный переносный контейнер-облучатель, который легко устанавливается в малодоступных местах металлических конструкций: в стальном цилиндре, внутри парового котла или в сварном узле каркаса высотного здания.

Гамма-просвечивание может применяться в разнообразных областях техники. В частности, этот метод смогут широко использовать при контроле сварных соединений крупных газопроводов, корпусов кораблей и в строительстве.

Мст. МИКРЮКОВ

Уборка зерна в колхозе имени Калинина, Бардинского района.

Фото М. Фришмана.

Первый хлеб государству

На полях Азербайджана идет уборка озимых хлебов. Замечательный урожай пшеницы вырастили в этом году хлеборобы Бардинского района. Массивы созревшей пшеницы радуют колхозников.

На Бардинский заготовительный пункт привезли хлеб колхозники артели имени Берия. Они сдали первые 300 пудов хорошо очищенного, высокосортного зерна. По 200 пудов доставили колхозы имени Молотова, Орджоникидзе, Калинина и другие артели.

Стенд с игрушками на выставке товаров ширпотреба.

Фото Ю. Яковлева.

Слово покупателей

Индустриальный Сталинград славится тракторами, землесосными снарядами, стальным прокатом. Сталинградская марка стоит на экскаваторах, буксирных пароходах, баржах. Но кроме этих изделий, которые расходятся по всей стране, в городе вырабатывается продукция, не выходящая за пределы области: мебель, культтовары, обувь, одежда, посуда. Об удовлетворении запросов населения заботятся предприятия местной и кооперативной промышленности. В городе постоянно организуются выставки товаров широкого потребления.

На очередной выставке, состоявшейся в июне, была представлена продукция около 50 предприятий — 800 экспонатов. За десять дней у стендов побывали тысячи людей.

Выставка порадовала обилием и разнообразием товаров. Зрители с одобрением рассматривали изделия металлообрабатывающих предприятий — чугунную, оцинкованную и алюминиевую посуду артели «Металлург», завода «Красная застава», литейно-механического завода Горместпрома.

Большое оживление наблюдалось у стенда с игрушками промкомбината Дзержинского района. В этом году комбинат освоил производство 20 новых видов игрушек. Многие из них хорошего качества. Многие, но не все. На выставке разыгралась такая сценка. Одна из домохозяек попросила представителя комбината показать ей игрушечную лейку в действии.

— Пожалуйста, — ответил он и, наполнив лейку водой, наклонил ее носик над раковиной. К великому конфузу, вода полилась не отдельными струйками, а сплошной струей, словно из крана...

Знакомясь с выставкой, посетители оставляли в книгах отзывов критические замечания и предложения. Покупатель Новиков советует работникам артели «8 марта» выпускать трикотажные кофточки более ярких расцветок, организовать пошивку мужских рубашек с короткими рукавами. Домохозяйка В. Ф. Грошева требует от предприятий, вырабатывающих детскую резиновую обувь, ставить на нее доброкачественную подкладку. Столяр Галухин указывает, что гвозди артели «Металлург» обладают весьма «оригинальным» свойством: как бы прямо ни устанавливать их при забивке, они обязательно искривляются.

Комиссия Сталинградского горисполкома рассмотрела замечания и предложения посетителей выставки. Лучшие экспонаты приняты в качестве эталонов для местных предприятий.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Ученые на сцене

Все здесь ново: и клуб, и самый институт, главный учебный корпус которого еще одет в строительные леса, и драматический коллектив, созданный всего два года назад.

...На сцене идут последние приготовления к спектаклю. На переднем плане вход в кафе, в глубине бульвар. За чугунной решеткой высокий берег Волги, широкая гладь реки, а на отлогом противоположном берегу леса, степные просторы, деревеньки.

За кулисами прохаживаются, не торопясь, взволнованные артисты.

Зал не может вместить всех желающих. Сегодня идет спектакль «Бесприданница» А. Н. Островского. Исполнители — драматический коллектив профессорско-преподавательского состава Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта. Среди членов кружка профессора, доценты, преподаватели, аспиранты, лаборанты института. Нашлись и свой режиссер и свои художники-декораторы.

Недавно спектакль «На той стороне» А. Барянова, поставленный коллективом, на краевом смотре художественной самодеятельности получил премию. Свыше пяти тысяч зрителей просмотрело второй спектакль — «Разлом» Б. Лавренева. Спектакль с успехом шел в рабочих клубах города, на сцене городского театра драмы. Моряки Краснознаменной Амурской флотилии приняли живое участие в постановке.

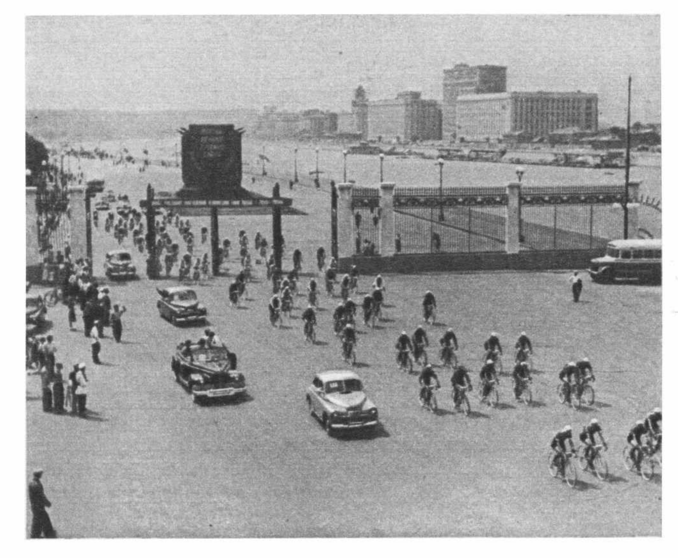
Когда коллектив приступил к постановке пьесы А. Н. Островского «Бесприданница», в институт пришел объемистый пакет из Всероссийского Театрального общества, узнавшего о работе самодеятельных артистов. В пакете было все необходимое: методические материалы по «Бесприданнице», стенограммы обсуждения ее постановок в центральных театрах, фотографии персонажей в исполнении лучших мастеров русского театра.

В работе над постановкой «Бесприданницы» самодеятельный драматический коллектив института заметно вырос, и хабаровский зритель по достоинству оценил его работу.

С. РОСЛЫЙ

НА ЭТАПАХ МНОГОДНЕВНОЙ ВЕЛОГОНКИ

Марк ДОНСКОЙ

Старт дан.

18 июня Парк культуры и отдыха имени Горького заполнили велосипедисты. Это участники многодневной гонки Москва — Харьков — Киев — Минск — Москва. 2 604 километра предстоит им пройти по территории трех советских республик.

Последние напутствия друзей и родных, последние речи, взмах судейского флага — и сразу с места на полной скорости гонщики начинают борьбу. Промелькнули людные московские улицы, и вот мы уже на загородном шоссе. Темп нарастает с каждым километром. Гонщики долгое время идут большой группой, но за Серпуховом, использовав тяжелый подъем, четыре спортсмена ЦДСА — Е. Клевцов, Р. Чижиков, В. Вершинин и В. Чернов — вырываются вперед. Первым финишировал в Туле Е. Клевцов. Наградой спортсмену была майка лидера. Средняя скорость победителя — 34,4 километра в час.

Скорость и еще раз скорость — таков девиз гонки этого года.

Несомненно, что тактика является важным элементом в спортивном состязании. Но нельзя повторять ошибку прошлых гонок, когда сильнейшие отсиживались за спинами более слабых товарищей и только за 200—300 метров до финиша начинали «борьбу»...

Туляки отлично встретили гонщиков. Были цветы и подарки, поздравления от всей души. А наутро снова старт, снова лента асфальтированного шоссе, снова борьба за скорость, за победу.

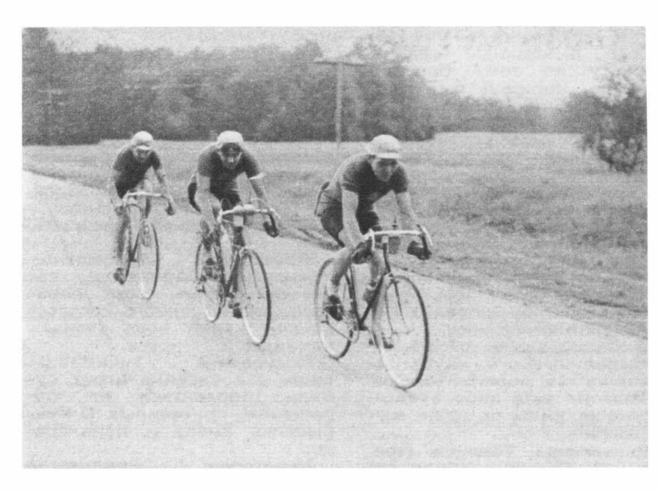
Кто будет первым в Орле? Е. Клевцова в оранжевой майке лидера «стерегут» другие гонщики: они не сводят глаз со спины, на которой четко написано «лидер».

Головная группа идет со скоростью 36 километров в час. Но как только спортсмены оторвались от ближайших соперников, Н. Матвеев, ведущий гонку, резко снизил темп. Досадно было смотреть на хорошо тренированных спортсменов, которые, идя на пониженной скорости, усердно уплетали апельсины.

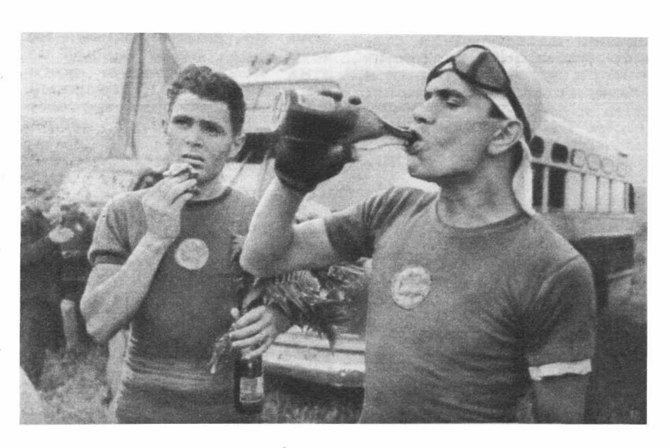
Нам думается, что Н. Матвеев, победитель второго этапа, не очень был рад своему успеху: на нем лежала главная вина в снижении скорости. И гонщики, видимо, понимая, что своими результатами гордиться нечего, взяв старт в Орле, сразу же рванулись вперед. В головной группе попрежнему велосипедисты ЦДСА-1-я, «Динамо», ЦДСА-2-я.

Клевцов и Чижиков несколько раз пытались оторваться, но безуспешно. Скорость временами достигала 50 километров. Во время одного из таких рывков лидер гонки Клевцов внезапно останавливается: прокол шины. Он отходит к обочине, и тогда словно по команде все гонщики ЦДСА останавливаются, чтобы помочь своему попавшему в беду товарищу. Мимо них проносятся динамовцы и исчезают за поворотом. Теперь 10 километров отделяют армейцев от лидирующей группы. Но вот машина Клевцова снова в порядке, и две команды ЦДСА буквально ринулись вдогонку, нагнали динамовцев, а затем вывели своего лидера вперед. На финише в Курске Е. Клевцов снова был первым с отличным временем — 4 часа 1 минута 14 секунд. Средняя скорость отличная — 38,4 километра.

На следующее утро Курск остается позади, впереди Харьков. Гонщики втянулись в борьбу. Сосредоточенные, неутомимые, пригнувшись к рулям своих легких машин, они смотрят только вперед, готовые ко всем неожиданностям трудного состязания. Но мы, сопровождающие их, видим не только борьбу на шоссе: мы видим десятки тысяч людей — жителей окрестных сёл, выходящих на дорогу приветствовать спортсменов. Мы видим, как постепенно подарки загружают машины. Придется, очевидно, выделить для подарков специальный грузовик.

На этапе Москва — Тула Е. Клевцов, В. Вершинин и Р. Чижиков (справа налево) возглавляют гонку.

После финиша в Туле. Победитель Е. Клевцов (слева) и В. Вершинин.

Несмотря на длинный путь и тридцатиградусную жару, гонка проходила в хорошем темпе. Только однажды скорость снизилась. Это произошло у памятника героям, павшим в боях на Курской дуге. Замедлив ход, почтительно привстав, проезжали спортсмены с поднятыми руками, чтя память героев. А потом велосипедисты сразу увеличили скорость, доведя ее до 36 километров в час.

Победитель харьковского этапа мастер спорта В. Вершинин (первая команда ЦДСА) преодолел 216 километров за 5 часов 58 минут 47,4 секунды, но Е. Клевцов сохранил майку лидера. Его время после четырех этапов — 20 часов 18 минут 34,7 секунды. На втором месте В. Вершинин: 20 часов 23 минуты 4,4 секунды.

Командный лидер гонки — ЦДСА, на втором месте — «Динамо».

Фото Е. Умнова и Н. Волкова

ПОСЛЕ ПЕРВОГО КРУГА

ТАБЛИЦА РОЗЫГРЫША ПЕРВЕНСТВА СТРАНЫ ПО ФУТБОЛУ (первый круг)

Номера п/п	Наименование команд	Город	Динамо-Т	Спартак-М	Локомотив-М	Динамо-М	Зенит-Л	Кр. Сов.-К	Торпедо-М	Локомотив-Х	Динамо-К	Спартак-В	Динамо-Л	Количество очков	Соотношение мячей
1	Динамо	Тбилиси	X	0:0	2:4	2:2	3:1	2:1	4:0	2:0	1:0	2:1	0:0	15	18:9
2	Спартак	Москва	0:0	X	3:3	2:2	3:0	0:0	1:1	0:1	3:1	7:0	3:1	13	22:9
3	Локомотив	Москва	4:2	3:3	X	1:3	0:1	0:2	1:0	4:1	1:0	0:0	2:1	12	16:13
4	Динамо	Москва	2:2	2:2	3:1	X	0:1	0:1	8:3	2:0	0:1	0:0	3:1	11	20:12
5	Зенит	Ленинград	1:3	0:3	1:0	1:0	X	0:0	1:2	2:0	0:1	1:0	1:0	11	8:9
6	Кр. Советов	Куйбышев	1:2	0:0	2:0	1:0	0:0	X	0:2	2:5	1:0	0:0	1:0	11	8:9
7	Торпедо	Москва	0:4	1:1	0:1	3:8	2:1	2:0	X	2:0	3:2	1:3	2:1	11	16:21
8	Локомотив	Харьков	0:2	1:0	1:4	0:2	0:2	5:2	0:2	X	1:1	2:0	2:0	9	12:15
9	Динамо	Киев	0:1	1:3	0:1	1:0	1:0	0:1	2:3	1:1	X	0:0	3:3	7	9:13
10	Спартак	Вильнюс	1:2	0:7	0:0	0:0	0:1	0:0	3:1	0:2	0:0	X	1:3	6	5:16
11	Динамо	Ленинград	0:0	1:3	1:2	1:3	0:1	0:1	1:2	0:2	3:3	3:1	X	4	10:18

Закончился первый круг розыгрыша первенства страны по футболу класса «А». На сей раз в нем участвуют лишь одиннадцать команд — на три меньше, чем в прошлом году. Это в какой-то степени предопределило остроту борьбы.

Не случайно поэтому в числе лидеров были и киевские динамовцы, и московские локомотивцы, и футболисты столичного автозавода — торпедовцы. В седьмом туре их догнали спортсмены общества «Крылья Советов» (Куйбышев), «Зенит» (Ленинград), «Динамо» (Тбилиси). Где-то рядом все время были московские спартаковцы.

Одержав четыре победы подряд, к финишу на первое место вышли тбилисцы. В непосредственной близости от них оказались московские клубы «Спартак», «Локомотив» и «Динамо».

В прошлом году «Спартак» лидировал с начала и до конца розыгрыша, а после десятого тура оторвался от своих ближайших соперников на 5—6 очков. В этом же сезоне ни одной из ведущих команд ни на одном из этапов не удавалось уйти вперед больше чем на одно очко. Лидеру всегда «наступали на пятки». Поэтому только игры последнего, десятого тура, проведенные минувшим воскресеньем, могли определить положение команд.

Каждый мяч — вбитый или пропущенный — мог либо поднять команду до первых мест либо сбросить ее в нижнюю половину таблицы.

Перед последним туром на второе место претендовали: «Спартак» (Москва), «Зенит» (Ленинград), «Крылья Советов» (Куйбышев), «Динамо» (Москва) и «Локомотив» (Москва).

Но «Крылья Советов» крупно проиграли харьковским железнодорожникам (2 : 5); «Зенит» потерпел поражение от футболистов московского автозавода (1 : 2); «Спартак», тбилисское «Ди-

намо» и столичный «Локомотив» одержали очередные победы, и команды стали в шеренгу по тому порядку номеров, который вы видите в турнирной таблице.

Групповое лидерство — это, пожалуй, самое характерное в борьбе нынешнего сезона.

Интересно, что динамовцы Тбилиси, стоящие на первом месте, всего на четыре очка опередили футболистов «Торпедо», занявших седьмое место. Четыре команды закончили круг с одинаковым количеством очков (11). Групповой финиш — показатель напряженной борьбы.

В большинстве своем состязания первого круга заканчивались либо ничейным итогом (14 игр) либо превосходством лишь в один мяч (19 игр).

Динамовцы Тбилиси (тренер — М. Якушин) вбили восемнадцать мячей, а пропустили девять. К сожалению, москвичи не имели возможности по достоинству оценить игру этой команды. Обе встречи, проведенные южанами на столичном стадионе (одна из них проигранная, а другая сведенная к ничьей), не давали основания видеть в них будущих победителей. Однако дальнейшие выступления в Киеве, Куйбышеве и особенно в Тбилиси вывели динамовцев на первое место.

Чемпион страны — московский «Спартак» занял второе место (тренер — В. Соколов). Он установил своеобразный рекорд: свел к ничейному результату пять встреч из десяти. Нападение «Спартака», в котором выделялись Н. Симонян и молодой Б. Татушин, вбило наибольшее число мячей — двадцать два.

Московский «Локомотив» (тренер — Б. Аркадьев), занявший третье место, порадовал осмысленной, согласованной игрой всех звеньев команды.

Московские динамовцы лишь в последних играх сумели оправиться от поражений, понесенных в Куйбышеве, Киеве и Ленинграде.

Некоторые команды — «Крылья Советов», «Зенит» — действовали по принципу «безопасность прежде всего!». Однако оборонительная тактика не принесла успеха. Они пропустили в свои ворота по девять мячей. Но зато нападающие каждой из этих команд забили всего по восемь голов. Тревожный факт! «Голобоязнь» все еще остается болезнью наших футболистов.

М. МЕРЖАНОВ

Новый рекорд А. Ануфриева

Рекордный бег на 3 тысячи метров. Впереди А. Ануфриев, за ним В. Окороков.

21 июня на московском стадионе «Динамо» состоялся бег на 3 тысячи метров, в котором приняли участие заслуженный мастер спорта Александр Ануфриев и группа молодых спортсменов.

Совсем недавно — 6 и 7 июня — мы видели Ануфриева на беговой дорожке. Тогда он установил два всесоюзных рекорда в беге на 5 и 10 тысяч метров. Теперь он намеревался улучшить еще один рекорд, принадлежащий москвичу Владимиру Казанцеву, пробежавшему 3 тысячи метров за 8 минут 18,4 секунды.

Сразу со старта Александр Ануфриев вышел вперед, так же как и в предыдущих рекордных забегах. Но если тогда он вел борьбу со временем один на один, далеко отбросив своих соперников, то теперь по пятам лидера неуклонно следовал молодой бегун В. Окороков, ученик заслуженного мастера спорта Н. Денисова. Несмотря на высокий темп, Окороков уверенно держался вплотную за Ануфриевым. А скорость была очень высока. Об этом говорили сообщения радиодиктора. Уже первые 800 метров были пройдены на 3 секунды лучше рекордного графика В. Казанцева. Половину дистанции бегуны преодолели быстрее Казанцева на 3,5 секунды, на следующих 500 метрах они отыграли еще 3 секунды.

Александр Ануфриев увеличивает скорость, но Окороков так же уверенно следует за ним. Только на последнем круге опытному бегуну удалось оторваться от своего молодого соперника. Первым пересек линию финиша А. Ануфриев с новым всесоюзным рекордом — 8 минут 11,6 секунды. Но и В. Окороков показал время, лучшее чем у Казанцева, — 8 минут 15,6 секунды.

Это большой успех спортсмена, который всего второй год занимается легкой атлетикой.

Дневник ОГОНЬКА

ВЫСТАВКА ДЕТСКИХ РИСУНКОВ

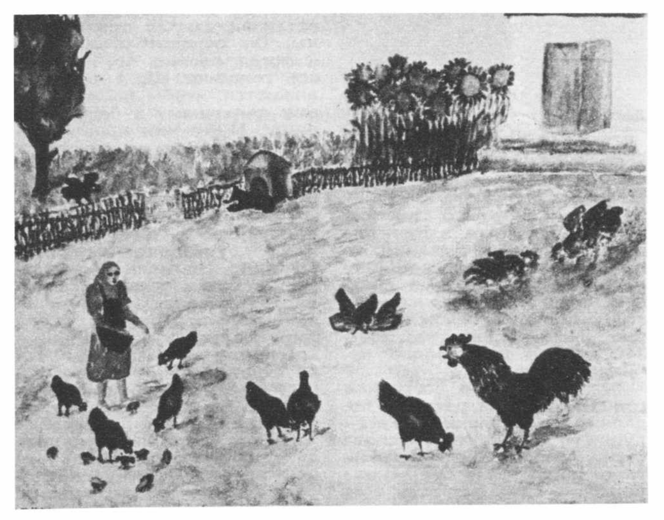
Разнообразие интересов наших ребят, наблюдательность, глубокое и верное ощущение сегодняшнего дня — все это наглядно предстает на выставке Детской художественной школы Московского городского отдела народного образования.

Помимо учебных работ, по которым можно судить об уменье, а в последних классах и о мастерстве учащихся, на выставке мы видим композиции на свободные темы. Ребята дают волю фантазии, говорят о своих впечатлениях. Даже самые маленькие, которым далеко не всегда удается нарисовать так, как задумано, стремятся к повествовательным рисункам.

О труде советских людей на заводах и в колхозах, о спорте, развлечениях и школьных занятиях очень непосредственно и лирично, всегда привнося свое собственное отношение к изображаемому, рассказывают ребята в рисунках.

На лыжах. Рисунок Олега Филатова, 14 лет.

Птицеферма. Рисунок Бори Прокудина, 10 лет.

Опытные педагоги руководят художественным воспитанием учащихся. В течение десяти лет здесь преподают основы рисунка, композиции, живописи. На последнем курсе начинается некоторая специализация. Так, например, желающие поступить на художественный факультет Полиграфического института учатся искусству иллюстрации, композиции обложек и переплетов, рисуют плакаты.

Немало талантливых ребят обучается в этой школе. Многие ее воспитанники закончили Высшее художественно-промышленное училище и архитектурный или полиграфический институты.

Н. АНДРЕЕВА

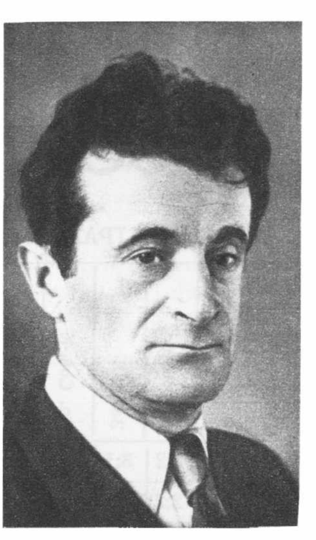
Михаил Светлов

О, первый мой ранний
  приход в комсомол,
Военный порядок
  неприбранных комнат!..
Куда бы мой возраст меня
  ни довел, —
Я буду, я буду, я буду вас
  помнить!

Я буду вас видеть
  издалека,
Вы будете песней звенеть
  молодою,
И тусклая лампочка
  у потолка
Светиться неугасимой
  звездою...

Это не просто лирическое отступление. В этих строках сказалась, пожалуй, самая суть поэтического таланта Михаила Аркадьевича Светлова.

Ровесник «комсомольцев первого призыва», он вдумчиво и зорко приглядывался к новым поколениям, рассказывал им «о прошлых днях, о первом наступленьи, о тех, кто шел в передовом ряду», славил черты, делавшие юношей и девушек тридцатых и сороковых годов достойными наследниками своих отцов и старших братьев. Недаром воспоминание о тусклой лампочке в комсомольском губкоме воскресает в памяти поэта, рассказывающего о судьбе Лизы Чайкиной.

Михаил Светлов.

Когда вы открываете книги Светлова, вас овевает свежий ветер романтики. Эта романтика не любит внешних эффектов и трескучих речей, и в самых драматичных местах прекрасной пьесы «Сказка» на фоне мрачных фантастических туч неожиданно встает сверкающая радуга авторского юмора. Это удивительно скромная романтика. Герои пьесы «Двадцать лет спустя», а вместе с ними и автор уверены, что «в Октябрьскую революцию можно сидеть на стуле и разговаривать, и все равно это будет возвышенно». Светлов воспевает «лучшую учительницу чувствам — русскую застенчивость», за которой скрывается героизм и большая душевная сила. Дуня, комсомолка 1919 года, наказывает автору будущей пьесы: «И если мне придется кого-нибудь огорчить своею смертью, сделай так, чтобы в эту минуту закрылся занавес».

И занавес закрывает ее смерть, так же как обрывается повествование о судьбе девушки, что шла в длиннополой шинели по горящей Каховке, а теперь покоится где-то в «братстве больших могил». Уплывает, тает в дали ковыльного моря диковинная для украинских степей песня о «Гренадской волости», и звучат мужественные слова поэта о новых песнях, придуманных жизнью.

Читатель знает и любит Михаила Светлова, поэта, драматурга, переводчика, с интересом встречает его новые произведения и сожалеет, если они появляются редко. Не сам ли Светлов заявлял:

...надо, чтобы поколенью
Мы сказали нужные слова
Сказкою, строкой
  стихотворенья,
Всем своим запасом
  волшебства.

Мы верим в запас поэтического волшебства Михаила Светлова, мы верим в то, что услышим от него еще много «нужных слов». И, поздравляя поэта с пятидесятилетием, напомним ему слова одного из героев «Сказки»: «За тобой — песня».

А. ТУРКОВ

А. И. Куинджи (1842—1910). ЛУННАЯ НОЧЬ НА ДНЕПРЕ. 1880 год.

Государственный Русский музей. Ленинград.

А. И. КУИНДЖИ

Бескрайные степные просторы, приволье широко разлившихся величавых рек, могучие леса, пронизанные солнечными лучами, замершие в ночной дремоте деревни — многообразны и неповторимы полотна одного из лучших русских пейзажистов, А. И. Куинджи (1842—1910). Каждое из них — это торжествующий гимн природе, ее богатству, роскошному расцвету ее сил. Темпераментная натура художника влечет его к романтически приподнятым, обобщенным образам. По своему эпическому размаху образы природы, встающие на картинах Куинджи, перекликаются с народными песнями и замечательными описаниями природы у Гоголя. Кажется, художник рисовал, проникнувшись настроением писателя, и невольно при взгляде на «Лунную ночь на Днепре», «Вечер на Украине», «Степь вечером» вспоминаются гоголевские слова: «Знаете ли вы украинскую ночь? о, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее: с середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете... Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя».

Трудным было начало творческого пути Куинджи. Сын сапожника, он рано остался сиротой и начал зарабатывать себе на жизнь, работая то пастушонком, то мальчиком на побегушках, то, наконец, ретушером в фотографии. Непреодолимая тяга к искусству привела Куинджи в Петербург. Здесь, борясь с жесточайшей нуждой, почти нищенствуя, он сумел попасть в Академию художеств. Но академического режима художник не выдержал и, оставив Академию, начал работать совершенно самостоятельно, участвуя в передвижных выставках. За картину «Осенняя распутица» в 1872 году ему было присуждено звание художника III степени.

Куинджи привлекает живая, реальная природа, он увлеченно рисует красоту окружающего его мира. Виртуозная живописная техника позволяет ему тонко передавать все эффекты освещения и цветовых сочетаний. Мотивы его картин всегда очень просты, он избегает перегрузки полотна деталями. И будь то бесконечная даль погружающейся в ночные сумерки степи («Вечер в степи») или небольшой уголок затерявшейся в густой зелени украинской деревни («Вечер на Украине»), Куинджи всегда стремится передать величие природы.

Картины Куинджи восторженно встречаются современниками. Каждое новое полотно превращается в событие художественной жизни. Куинджи устраивает выставки отдельных своих картин, и так год за годом появляются «Лунная ночь на Днепре», «Березовая роща», «Днепр утром». Репин вспоминал впоследствии об этих выставках: «Современники еще помнят, как на Большой Морской непрерывная масса карет запружала всю улицу; длинным хвостом стояла публика и на лестнице, в ожидании впуска, и с улицы, в обе стороны тротуара... Восторги зрителей переходят в какую-то молитвенную тишину; слышны только вздохи...».

Но так продолжалось недолго. В самый расцвет таланта и успеха Куинджи двери его мастерской закрылись для всех, даже для ближайших друзей. Последние тридцать лет жизни художник писал картины, не показывая их никому, и зрители их увидели только после смерти мастера. Но такой отказ от выставок, который сам Куинджи объяснял боязнью того, что дальше он не сумеет создать столь же прекрасные произведения, не был порожден желанием вообще отойти от художественной жизни. Эти десятилетия Куинджи отдает себя воспитанию молодежи, руководит пейзажной мастерской в Академии, откуда выходят такие талантливые художники, как литовский живописец Пурвит, польский художник Рушиц, пейзажист Рылов.

А. И. Куинджи. ОСЕННЯЯ РАСПУТИЦА. 1872 год.

Государственный Русский музей. Ленинград.

А. И. Куинджи. СТЕПЬ ВЕЧЕРОМ. 70-е годы XIX века.

Молотовская художественная галерея.

А. И. Куинджи. ВЕЧЕР НА УКРАИНЕ. Около 1880 года.

Государственный Русский музей. Ленинград.

ДОЛГАЯ НОЧЬ ШАХТЕРОВ ЛУНИ

В. КАНЕПА

Молодому итальянскому инженеру Кольвара не было никакой нужды спускаться в шахту: по профессии он гражданский инженер и занимается жилищным строительством. Но однажды он узнал, что 300 рабочих, выброшенных на улицу дирекцией шахт Луни, образовали кооператив, продолжают добывать уголь и не хватает им только руководителя работ. Кольвара запер контору и предложил шахтерам свои услуги. С тех пор он ежедневно спускается в шахту, проводит в ней целый день, а к вечеру поднимается наверх, чтобы подвести итог рабочего дня и обсудить дальнейшие планы. Мы познакомились с этим славным человеком внизу, в шахте. Сидя на корточках у входа в забой, мы услышали от него историю мужественной борьбы горняков Луни.

Промышленная компания «Маркино» десять лет разрабатывала каменноугольные шахты в Луниджиане. По словам Кольвара и шахтеров, добыча велась здесь хищническим образом. Не очень беспокоились хозяева и об охране труда: на шахте за последние годы погибло 35 рабочих. Капитальные работы по переоборудованию шахт требовали больших расходов, и, конечно, ни местные власти, ни «Маркино», которая получала от шахты немалые прибыли, об этом не думали. Когда началась война, уголь стал цениться на вес золота. Но после окончания войны в Европу хлынул американский уголь, и добыча на шахтах Италии начала сворачиваться — не без давления американцев, конечно. Компания решила закрыть шахты Луни, обрекая на голод триста семей горняков, — но какое до этого дело «Маркино»! Вот тогда-то шахтеры и объединились в своеобразный кооператив.

Шахтерский кооператив действует уже два года. За это время добыто 30 тысяч тонн угля — хорошего угля, почти без содержания серы. 270 миллионов лир было выплачено в качестве заработной платы, около 20 миллионов затрачено на обновление оборудования шахт. Разумеется, все это стоило немалых усилий и требовало от шахтеров большого самопожертвования. Средства иссякали. Тогдашний министр промышленности и торговли Тольи обещал отпустить кооперативу Луни 30 миллионов лир, но помощь эта так и не была оказана. Шахтеры буквально зубами держались за свою шахту: некоторые работали по две смены подряд, другие не брали заработной платы или брали только половину. И общими усилиями они спасли шахту от разрушения, от бездействия!

Все это рассказал нам инженер Кольвара. Он добавил. что производительность шахты неуклонно растет, что в ноябре прошлого года шахта Луни имела на балансе 320 тысяч лир прибыли.

Пятого декабря горняки не работали: они праздновали традиционный день св. Барбары, по преданию, покровительницы шахтеров. Женщины организовали вечер с танцами. Настроение было праздничное.

И тут неожиданно явились два карабинера со строжайшим приказом его превосходительства господина префекта полиции. Ссылаясь на «мнение геологического управления», а также учитывая некоторые другие, весьма туманные обстоятельства, префект объявлял, что «шахтеры технически с работой справиться не в состоянии», а потому шахта должна быть немедленно закрыта.

С этого дня началась полная драматизма борьба шахтеров Луни. Они единодушно решили не подчиняться приказу. Ежедневно в установленный час они спускались в шахту, добывали уголь. Шахтеры с еще большим упорством занимались усовершенствованиями, на которые уже было положено столько сил. Под землей продолжали по-братски работать шахтеры — коммунисты и социалисты, христианские демократы и беспартийные: ведь речь шла о том, чтобы устоять против насилия, спасти шахту, обеспечить хлеб семьям.

К середине января положение обострилось. Власти усилили репрессии, руководителям горняцкого кооператива грозил арест. Шахтерам пришлось запереться в шахте, на глубине 300 метров. Добыча угля продолжалась. Люди попрежнему работали по восемь часов в смену. Сирена попрежнему возвещала о конце рабочего дня, но горняки располагались на отдых не в своих домишках, а тут же, в забоях.

Кольвара рассказывает мне интересные подробности борьбы. Телефонный провод связывает шахтеров с внешним миром, с женами, переселившимися почти на постоянное жительство в старую кузницу шахты. То и дело телефон доносит взволнованные голоса: жена беспокоится — у мужа нет теплой фуфайки. Мужья, в свою очередь, спрашивают о детях: не болит ли горло у дочки, не развалились ли башмаки, как с питанием? О себе шахтеры предпочитают не говорить: они щадят своих жен и скрывают от них, что в шахте кусок хлеба за несколько часов превращается в студенистую сероватую массу, пропитанную сыростью. Отвечают на расспросы домашних коротко: «Все хорошо, держимся!»

Я спрашиваю у Гарбузи, члена христианско-демократической партии и активиста католического профсоюза: почему он решил засесть в шахте? Он отвечает, что выполняет этим долг рабочего и долг итальянца. Из шахты он пишет письма секретарю местной организации христианско-демократической партии и руководителям своей профсоюзной организации. Он пишет о том, что прекрасно ладит со своими товарищами — коммунистами и социалистами — и что «долг защищать шахту стоит выше политических разногласий...»

Жены и дети горняков постоянно толпятся у входов в шахты. Они организовали несколько демонстраций. Полиция в Кастельнуово зверски расправилась с демонстрантами, ранила нескольких женщин, а нескольких увезла в Сардзану. Жены шахтеров пошли походом в Сардзану, требуя освобождения арестованных. Полиция преградила им путь. Тогда они пошли в обход — по полям, по холмам, спустились по склону Фортецца, вышли на городскую площадь, явились в полицейский комиссариат и добились своего: их подруг освободили.

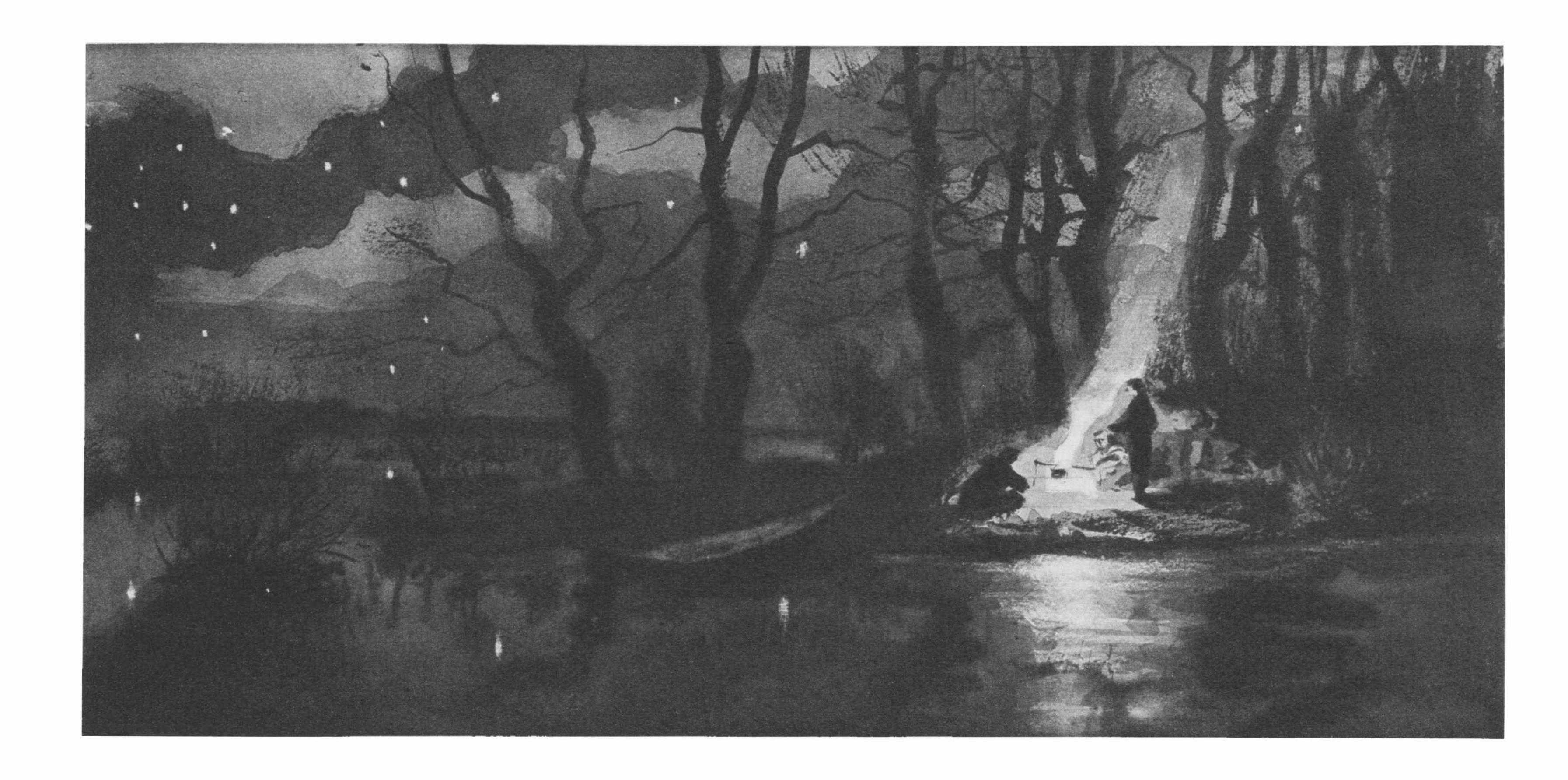
Подробности успешной войны жен шахтеров с полицейскими передаются по телефону вниз. Шахтеры еще раз убеждаются в том, что у них достойные подруги и матери. А тем временем продолжается ежедневная, — правда, скромная — добыча угля: по 30—35 вагонеток. «В шахте угля хватит на десять лет, — говорят нам шахтеры, — и если понадобится, мы просидим здесь еще десять лет!»

С шахтерами — их профсоюзные руководители, с ними — инженер Кольвара. В самую большую шахту — номер 5 — спускались депутаты парламента Баронтини и Барбьери, главный редактор генуэзского издания газеты «Унита» Джелазио Адамоли; он передал горнякам теплые слова солидарности от рабочих Генуи. В шахту спустились однажды журналисты, приглашенные... на пресс-конференцию. Это была одна из самых необычных пресс-конференций: она состоялась на глубине 200 метров. Шахтеры сообщили свое решение: «Мы останемся здесь до тех пор, пока не будет гарантировано справедливое и конкретное решение вопроса». Сидя на корточках вдоль узких и низких переходов, ведущих к разработкам, горняки пишут заметки для рабочей печати, для «внешнего мира». В одной из заметок сказано: «Только у нас, в Италии, над которой тяготеет, как проклятье, ее теперешнее правительство, люди вынуждены прибегать к подобным формам борьбы, чтобы завоевать себе право на труд!»

Попрежнему по телефону они отвечают женам: все в порядке, шахта богата, надо лишь уметь с ней обращаться — терпеливо и любовно, а не хищнически. Горняки заявляют, что ничто не заставит их покинуть шахту до тех пор, пока префект не признает за кооперативом давно завоеванное им право добывать уголь. В ответ на слова одобрения, которые несет им с поверхности земли телефонный провод, шахтеры кричат: «Старайтесь бороться и вы... Старайтесь рассказать всем о нашей борьбе!»

Женщины украдкой вытирают слезы и думают: «Наши мужья — самые хорошие люди на свете!»

Перевод с итальянского.

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунки О. Верейского.

На дубовой гриве, в землянке, выстроенной некогда колхозными пастухами, выгонявшими на все лето скот в пойменные луга, ночевали охотники.

Днем было холодно, и несколько раз принимался моросить дождь, но к вечеру облака растянуло; заря, предвещая хорошую погоду, раскрасила небо и остекленевшую поверхность полых вод в розовые и золотые тона, а когда совсем стемнело, неярко заблестели редкие весенние звезды. Стало очень тихо, лишь в затопленных кустах журчала и булькала вода, да на гриве перекликались совы, словно дули в пустую бутылку. Потом пролетели гуси. Их тихий говор, постепенно удаляясь и замирая, долго был слышен над гривами, плесами и перекатами...

Охотников было трое: колхозник Вася и два инженера из города — Алексей Иванович Потапов и Валентин Вахрушев. Они разложили возле землянки костер и готовились ужинать.

Вахрушев стоял, помахивая над огнем мокрыми носками, морщился от дыма, кашлял и изредка бранился. Он был среднего роста, плотный и широкоплечий; лыжный костюм делал его подтянутым и стройным, но полное бледное лицо, вялый, без блеска взгляд, жидкая улыбка на пухлых губах ясно говорили о том, что он уже начал толстеть, мягок и медлителен. Дождь нагнал на него уныние, и ему почему-то вспомнилось, как совсем еще недавно он шел по ночной Москве в компании веселых, подвыпивших студентов, как они спросили постового милиционера, где в его районе находится созвездие Кассиопея, и потом дружно смеялись, и милиционер смеялся вместе с ними...

На охоту Вахрушев попал случайно. Когда он окончил институт и был направлен на завод в город В., его мать вспомнила, что там у нее есть двоюродный брат Алексей Иванович Потапов. Ему было написано письмо, и он встретил Вахрушева и его жену Наташу на вокзале. Потапов неподдельно обрадовался племяннику, которого никогда не видел, теребил его, хлопая по плечу, и с гордым изумлением говорил:

— Вот, чорт возьми, какая молодежь растет! Значит, к нам на завод? Гоже!

Дома он достал из буфета бутылку с водкой и, открывая ее, покрякивал, причмокивал, приговаривал:

— Сейчас мы перцу в нее, перцу... Аня, где у нас перец? Наташа, достань в левом ящике... Привыкай хозяйничать, жить-то пока вместе будем.

— Зачем перцу? — осторожно спросил Вахрушев.

— Не пробовал?! — изумился Алексей Иванович.— Это для огня. Попробуй — душу выжигает. Гоже!

— Чародей! — сказал Вахрушев и выпил.

Ему хотелось понравиться дяде, потому что он знал по опыту, что если людям понравишься, то от них меньше беспокойства.

Выпив, Алексей Иванович стал еще разговорчивее. Опершись локтем на стол, он близко придвинул свое лицо к лицу Вахрушева и говорил:

— Ты, милый мой, по ровной дорожке в жизни шагал: от няньки — в детский сад, из сада — в школу, из школы — в институт. И жил ты в Москве с любящими родителями — это тоже много значит... А я в Москву пешком пришел по булыжной мостовой, да. А как учился! Днем — элементы высшей математики, а ночью — капусту грузишь и получаешь за это сырыми кочанами... Ты, наверно, полагаешь, что жизнь — эскалатор: встал на ступеньку — и поднимает до высот. Как бы не так! Она, милый мой, мудреная штука.

Был он уже немолод — лет пятидесяти трех — и самой заурядной внешности: высок, худощав, жилист и плохо побрит. Вахрушев уже знал, что у него четверо детей и больная жена, что он много работает на заводе, а потом бежит еще в вечерний техникум читать лекции, и вся его жизнь казалась Вахрушеву серой, будничной и неинтересной. Заметив на стене ружья, он спросил:

— Охотой занимаетесь?

— А как же! — сказал Алексей Иванович с оттенком удивления в голосе, словно считал охоту чем-то жизненно необходимым, о чем даже спрашивать не принято.

Вахрушеву опять захотелось понравиться дяде, и он сказал, что тоже любит охоту. На самом же деле Валентин был на охоте всего один раз, и с тех пор при воспоминании о ней в нем неизменно оживали ощущения скуки и утомления, которые он переживал тогда.

Алексей Иванович сейчас же стал показывать ружья, позвал гончую собаку и хвастался:

— Профессор на охоте, доктор! Высшее образование! Ты только послушай голос каков — симфония! Заливай, голос!

— Гав, гав! — ответила собака и больно ударила Вахрушева хвостом по ноге.

С тех пор часто и много говорили об охоте, но поехать удалось не скоро, потому что Алексей Иванович был очень занят. А когда наконец собрались, между ними не было и тени прежних добрых отношений. Алексей Иванович уже не хлопал племянника по плечу, а Вахрушев больше не старался понравиться дяде, но ни тот, ни другой из вежливости не высказывали своей неприязни и продолжали жить вместе, потому что Вахрушев все еще не получил квартиру.

На охоте Алексей Иванович как-то сразу и неожиданно преобразился. Его внешность уже не казалась такой заурядной; напротив, обутый в крепкие с раструбом сапоги, одетый в стеганку и шапку, из которых клочьями торчала вата, он выглядел очень эффектно и был похож на древнего зверолова, жителя лесных избушек, шалашей и землянок — сильного, ловкого и мудрого. Когда пролетели гуси, он нес к костру котелок с водой, остановился и долго, как зачарованный, стоял, прислушива-

ясь, потом вздохнул глубоко, радостно и сказал:

— На север полетели...

Все звуки были предельно чисты. То же ощущение чистоты вызывали и колко-свежий воздух, и лучистый свет звезд, и тонкий, едва уловимый запах вербной пыльцы.

По всей повадке Алексея Ивановича — по тому, как он чутко вслушивался и даже вздрагивал при каждом звуке, как улыбался без видимой причины, как втягивал ноздрями воздух, как благоговейно и трепетно рубил дрова, разжигал костер, доставал из мешка кружку, ложку, соль, — по всему было видно, что ему не часто удается выбраться на охоту, что сейчас он наслаждается и до томления счастлив. Приладив котелок над костром, он хлопнул в ладоши, крепко потер их одна о другую и, видимо, опять обрадованный чем-то, весело сказал:

— Гоже!

К восторгам Алексея Ивановича Вахрушев относился недоверчиво, не находя ничего красивого в этом скопище черных, точно мертвых деревьев и в оловянном блеске воды, а если бы и находил, то все равно считал, что красивое должно восприниматься и познаваться молча.

— Право, завидую я Ваське,— сказал Алексей Иванович, обращаясь к Вахрушеву.— Неделями тут живет. Ты только посмотри на него! Скиф! Дитя природы!

Васька сидел тут же и чистил, положив на весло, крупную щуку. Его лицо, обожженное солнцем, обветренное, закопченное, обросшее щетиной, казалось совсем черным, и только зубы да белки глаз красновато блестели в живом, беспокойном свете костра. Ваську знали все охотники, бывавшие в этой пойме. Он жил неподалеку в деревне, которая днем была видна на противоположном высоком берегу реки, и каждую весну приезжал сюда охотиться и ловить крыленами и сетями рыбу. Он хорошо знал пойму, и все ее обитатели были для него словно добрые знакомые, с которыми он поддерживал свои короткие, интимные отношения.

— Снова кричит,— говорит Васька.— Надоела она мне, чертовка!

Или, заслышав в ночной тишине какой-то шорох по сухому прошлогоднему листу, кивал в ту сторону и объяснял:

— Барсучишка. Старик. Нора у него здесь недалеко. Осторожный, каналья!

Был Васька молод, красив, удачлив в охоте, всегда спокоен, и казалось, что в жизни для него все ясно, просто, понятно, устроено как нельзя лучше и что в ней он так же удачлив, как и в охоте.

— Рассказал бы что-нибудь, Василий,— попросил Алексей Иванович.

— Чего же рассказывать-то? — усмехнулся Васька. — Соловья баснями не кормят. Вот сейчас уха будет, а потом уж и рассказывать можно.

Пока они ели, Алексей Иванович не переставал любоваться Василием, толкал Вахрушева под локоть и говорил:

— Нет, ты посмотри, как он ест! Ты посмотри!

А ел Васька шумно, смачно, с хрустом и опять же, по мнению Вахрушева, вовсе некрасиво.

Опьянев от еды и усталости, охотники легли у костра. Пора было устраиваться на ночлег, но по всему телу растекалась необоримая лень, никому не хотелось подняться, чтобы затопить в землянке печь, и все трое продолжали лежать, глядя на игру огня сонными глазами.

Алексей Иванович старался думать о предстоящей охоте, о том, где еще нужно поставить шалаши, где сесть самому, где посадить Вахрушева, но мысли не слушались его, и думалось совсем о другом — о том, что в природе, порождая обманчиво близкие звуки, совершается своя жизнь, богатая и прекрасная, и ему неожиданно пришли на память стихи:

Теперь, я чай, птица и всякий зверь
У нас на Руси веселится.
Сквозь лист прошлогодний пробившись, теперь
Синеет в лесу медуница!

И невыразимое чувство умиротворения, любви и нежности вдруг охватило его, ему захотелось быть добрым другом всех людей, ласкать их, жалеть и любить, любить, любить бесконечно, и, уверенный, что Вахрушев поймет его, он взял и молча стиснул его руку.

— Постой! — сказал вдруг Васька.— Кажется, кричит кто-то...

Охотники насторожились. До их слуха явственно донеслись сначала удары весел о воду, скрип уключин, а потом долгий, протяжный крик.

— Оп! Оп! — коротко отозвался Алексей Иванович.

— Плутает кто-то,— сказал Васька.— Ничего удивительного. Я всю пойму вдоль и поперек знаю, а тоже вот один раз закрутился ночью: куда ни ткнусь — всюду кусты. Напугался. Небо чернущее, вода бурлит... Большая в тот год была вода... Привязал лодку к кусту, так и сидел до рассвета. Продрог — аж все тело свело! А другой раз понесло в потемках на корягу. Ботничек легонький — кувырк, конечно. Купался, ружье утопил... Потом, когда вода маленько сошла, достал.

— Никак, моя баба! — удивленно сказал Васька, поднимаясь.— Любка!— крикнул он.— Ты, что ли?

— Я...

— Кой чорт тебя носит!

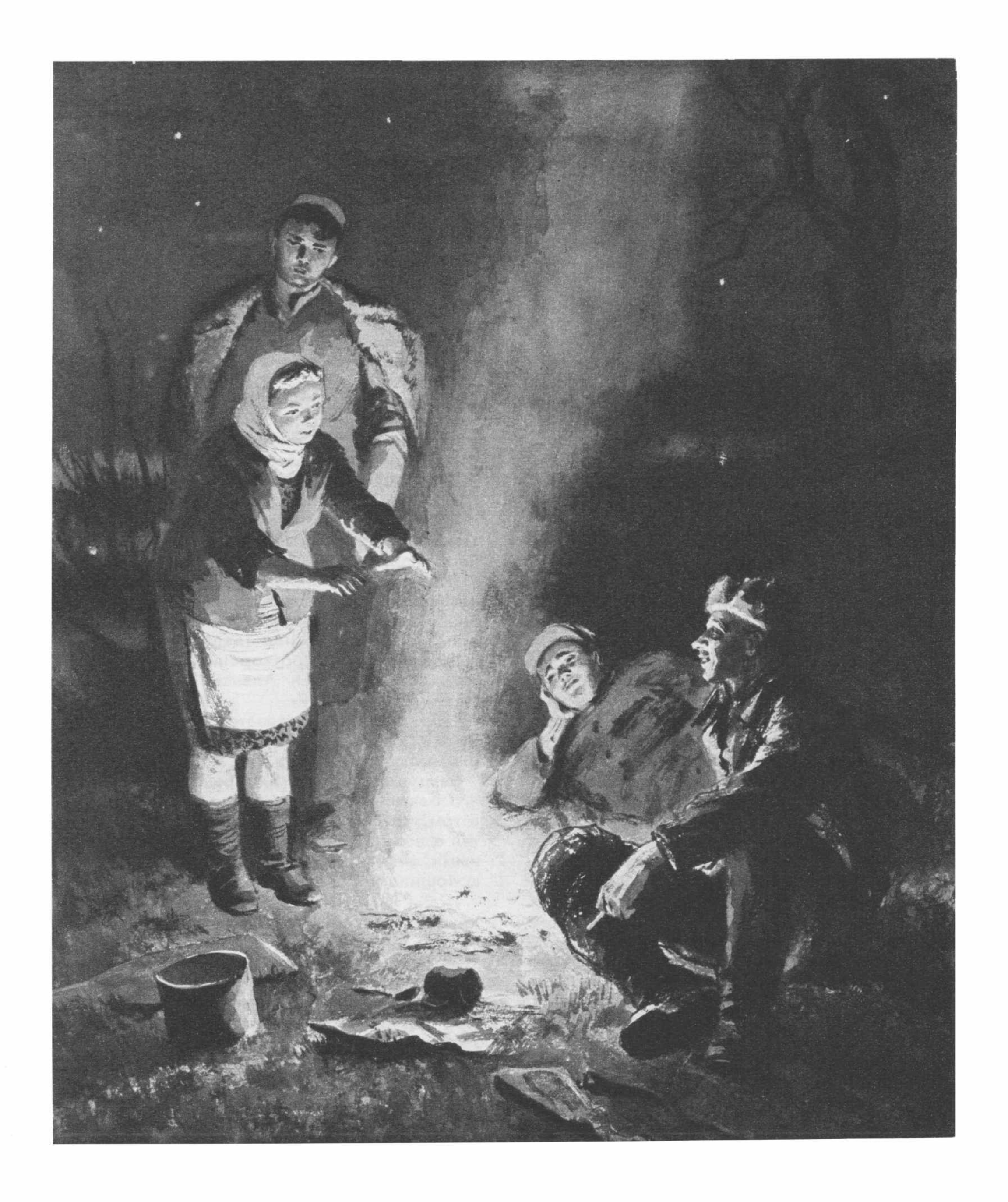
С лодки не ответили. Васька подошел к самой воде. Его острые глаза, очевидно, различили что-то в темноте, и он со спокойной насмешкой в голосе говорил:

— Куда ты через кусты-то ломишься? Вон чистое место. Правым! Правым гребани... Ну, завертелась, как на карусели. Давай двумя сразу!

Лодка ткнулась в берег, и, выходя из нее, женщина спросила:

— Не один ты здесь?

К костру она подошла несмело, поздоровалась и протянула над огнем руки, но было видно, что она и без того разгорячена и сделала это просто от смущения. Она была маленькая, круглая, все на ней казалось слишком узким, и даже голенища тонких хромовых сапожек обтягивали ее ноги туго, как чулки. Она запыхалась, дышала часто и жадно.

— Оп! Оп! — снова отозвался Алексей Иванович.

Казалось, что весла скрипели и плескали очень близко, но на самом деле лодка была далеко, и еще долго над поймой носились многократно повторяемые эхом крики — один протяжный, зовущий и другой короткий, ответный: «Оп! Оп!»

Наконец совсем рядом, из-за кустов, женский голос позвал:

— Василь!

«Ноздрями шевелит, плутовка! Жизни в ней — на три века!» — подумал Алексей Иванович. Она вызывала в нем то же чувство восхищения, что и Васька, и он думал о том, что оба они — здоровые, молодые, свежие — взбудоражены сейчас весной, ее буйной силой возрождения, ее пьяным воздухом, и что это тоже прекрасно и необходимо, как сама весна, как жизнь.

— Пойдем-ка, брат, спать, — сказал он Вахрушеву.

В землянке они затопили дырявую печку и, оставив дверь открытой, чтобы вытягивало дым, легли в мягкое сено, собранное с прошлогодних стогов. Алексей Иванович засыпал медленно, зыбкая дремота колыхала его, как на волнах, он то проваливался в беспамятный сон, то просыпался. Словно издалека слышались голоса Васьки и его жены, споривших о чем-то, но смысл их слов не доходил до сознания, и с чувством недоумения Потапов думал сквозь сон: «Зачем они спорят? Ведь все так хорошо...» Но вдруг он услышал плач — по-детски громкий, всхлипывающий — и, поднявшись на локте, тряхнул головой, сбрасывая дремоту.

— Тише, не реви,— говорил Васька.— Люди услышат...

— Перед людьми тебе совестно! — крикнула Люба.— А мне не совестно? Обо мне ты подумал? Я людям-то в глаза смотреть не могу...

Она замолчала и после короткой паузы заговорила, словно причитая:

— Ах, Васька, Васька! Такой-то молодой, красивый такой, посмешищем себя сделал! Я на свадьбе с тобой рядом сидела, так меня радость под облаками несла... Люди «горько» кричали... Вот когда горько-то мне! Ох, горько...

— Рыба ищет, где глубже, а человек, — где лучше,— пробормотал Васька.

— Лучше ли так-то, Вася?! Если уж порыбачить да селезней пострелять тебе охота,— ну, сходи на зорьке, никому это не заказано. А ты ведь наловишь, настреляешь, продашь и начинаешь проклятую водку трескать, а потом — опять в пойму... По утрам бригадир проверяет выход на работу и непременно спрашивает: «Васьки Лоскутова нет?» Нет, мол. «Ну, ни пуху ему, ни пера...» Смеются все, Вас-ся! Сегодня в нашу бригаду председатель приезжал. Я как увидела его машину, так у меня сердце захолонуло. Сам знаешь, строгий он... Разве я о том думала-мечтала, когда за тебя шла, чтоб бояться да стыдиться? За что ты меня обижаешь? За что?

— Спать пора,— устало сказал Васька,— скоро уже светать начнет...

— Да ты не слушаешь меня! — изумленно и с болью в голосе сказала Люба.— Каменный ты, что ли?

Алексей Иванович сел и толкнул Вахрушева:

— Слышишь?

— Давно уже слушаю...

— Вот подлец!

— Скиф! — насмешливо сказал Вахрушев.— Дитя природы!

В чуть светлеющем проеме двери показалась плечистая васькина фигура. Он с натугой втиснулся в землянку и сказал шепотом:

— Приляг тут. Будет светать — поедешь.

Люба все еще не могла успокоиться, всхлипывала и вздыхала, а потом Алексей Иванович почувствовал, как нары стали мелко и часто подрагивать: она снова плакала, стараясь сдержать рыдания.

— Послушай-ка, Васька,— сказал вдруг Алексей Иванович,— я, конечно, не имею никакого права вмешиваться в твои дела, но, надо тебе сказать, ты поступаешь нехорошо.

«Не так я ему говорю,— подумал он.— Не так и не то!»

— Еще чего? — усмехнулся Васька.

— Вы не плачьте,— сказал Алексей Иванович Любе.— Тут слезами не поможешь, нужно с ним построже...

— Пристыдите его хорошенько,— сказала Люба, доверчиво подвигаясь к нему.— Поверите ли, изверелась я через него. Он и в поле придет или на ток, так все равно немного от него радости: все шуточки-прибауточки, а работы на грош не найдешь. На правление его вызывали, наставляли на путь — ну, поработал в полную силу недолго, а потом снова...

— Не плачьте,— повторил Алексей Иванович и, протянув наугад руку, погладил Любу по плечу.

— Ох, горько мне,— вздохнула она.

— Развели тут мокроту,— буркнул Васька из темноты.

— Не сметь! — крикнул Алексей Иванович.— Ты у меня... Уходи прочь отсюда! Сейчас же!

— Оставь ты его,— вмешался Вахрушев.— К чему затевать скандал?

Чтобы высказать человеку горькую и суровую правду о нем, нужно мужество, которого у Вахрушева не было. А так как в собственном недостатке трудно было признаться даже себе, то, прибегая, как и во многих случаях жизни, к самообману, Вахрушев выработал свой кодекс поведения, который гласил, что надо быть деликатным, то есть избегать бурных столкновений и не говорить людям обидных для них истин. Поэтому он, сдерживая Алексея Ивановича, настойчиво повторял:

— Да оставь ты его, оставь... Не станет он лучше от твоих внушений.

— Что же, молчать? — не унимался Алексей Иванович.— Прочь! Говорю тебе, прочь сейчас же отсюда!

— И то правда, уйду. Ну вас к чорту! Все равно спать не дадите,— сказал Васька и, волоча за собой полушубок, вышел из землянки.

Некоторое время все молчали, и было слышно, как с потолка осыпался песок.

— Ну зачем этот скандал? — снова сказал Вахрушев.— Какое тебе дело?

— Меня коробит невозмутимость этого трутня,— резко ответил Алексей Иванович.— И очень плохо, если ты равнодушен...

Ему вдруг захотелось высказать Вахрушеву все, что он думал о нем. Он видел, что Вахрушев тяготится работой на заводе, что ему решительно на все здесь наплевать, что чувствует он себя чужим и временным человеком и думает только о том, как бы поскорее прошли положенные два года и уехать в Москву, где была удобная квартира, заботливая мать и где ему грезилось найти легкую работу. И здесь, в отделе главного технолога, работа у него была нетрудной, но все же утомляла его, он был вял и, возвращаясь домой, капризно или раздраженно говорил жене:

— Наташка, давай обедать!

А пообедав, обмякнув еще больше и подобрев, говорил:

— Давай-ка, Наташка, спать...

Жена его очень любила, он знал это и научился извлекать из этого мелкие выгоды. Она тоже работала и кроме того занималась всеми домашними делами, но считалось, что работает только он и для него должны быть созданы все удобства. А когда их не было, когда его тревожили, он думал, что к нему относятся несправедливо, и обижался...

Это видел и понимал Алексей Иванович, у него наболело, и теперь, высказывая все это Вахрушеву, он чувствовал облегчение. На минуту Потапов вспомнил недавнее пожатие руки и свое чувство умиротворения, но оно осталось только в памяти, и Алексей Иванович подумал:

«Нет, надо ему сказать, надо сказать. Так лучше. Иначе он может прожить жизнь и не осознать, что жил не так...»

Вахрушев молчал. Ему было неприятно, что его разгадали, и хотя он не признавался себе в том, что Алексей Иванович прав, хотя и считал его слова несправедливыми и оскорбительными, неприятное чувство все же настойчиво копошилось в нем.

— Ты сам понимаешь, что после этого нам неудобно оставаться в одной квартире,— с достоинством сказал он наконец.

— Это как знаешь,— ответил Алексей Иванович.

Снова наступило длительное молчание.

— Вот как все получилось...— тихо сказала Люба. — Поеду я.

— Подождали бы до рассвета, опять плутать будете,— сказал Алексей Иванович.

— Выберусь как-нибудь.

— Ладно, я провожу вас.

Они вышли.

Костер уже догорел, возле него, завернувшись в полушубок, спал Васька. Было светло, потому что взошла луна, и на фоне посветлевшего неба удивительно четко вырисовывалась каждая веточка огромных черных дубов.

Алексей Иванович прыгнул в свою лодку и поплыл вперед Любы, выбирая путь покороче. На широком плесе, с которого было видно, как блестят при лунном свете крыши деревенских изб, он сказал:

— Ну, до свидания. Теперь уж не собьетесь.

— Всего вам доброго,— отозвалась она.— Хороший вы человек.

Ее лодка скользнула мимо. Алексей Иванович посмотрел ей вслед и повернул обратно.

Албанские стихи

СЕГОДНЯ

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Милая свобода, свобода,
Звуки родного языка,
Братского Советского Союза
Добрая, могучая рука!..

Бархатно-зеленая долина,
Белые большие облака...

Милая, милая свобода!
Братская могучая рука...
Гордые прохладные вершины,
Горная, кипучая река...

Вечная свобода, свобода
Сердцу, как любовь, дорога!..
Бархатно-зеленый темный клевер,
Мирные речные берега.

Милое крестьянское поле!
Воля, как земля, дорога...
Другу Советского Союза
Нечего бояться врага.

Только свобода, свобода
Вечно молода, хороша!
С севера веет свежий ветер,
Молодостью вечной дыша,—
Братского Советского Союза
Добрая могучая душа!

Алекс ЧАЧИ

НА БЕРЕГУ ТЕРЕКА

Бурно с белых гор несется Терек,
На свою он долю не в обиде,
Он поет душевно, откровенно
Обо всем, что слышал и что видел.

Горд Казбек, огромный и могучий,
Породивший реку-недотрогу,
Но ее колхозники смирили,
Вывели на добрую дорогу.

Выслушай-ка, Терек, человека:
Хорошо, светло тебе живется!
Было горе, было, да забылось,
Стало не с кем спорить и бороться...

Ты скажи спасибо за ученье
Тем, кто двери к счастью отворяет.
Чудеса творят простые люди,
Что бездушно — одухотворяют!

У тебя в Албании есть сестры,
И зовут одну из них Шкумбини...
Передам привет ей, чтобы знала,
Что ни ты, ни я не на чужбине!

ПЕСНЯ МАМИНАСКОГО СЕЛА

Жни быстрей, Нимэтэ, — все наше!
Жни! Ведь нам отрадно, мы правы!
То, что нам и песня и сладость,
Недругу вреднее отравы!

Жни быстрей, Нимэтэ, с любовью,
Потому что жизнь тебя любит!
Хлеб у нас, как золото жизни,
Хлеб на песнях замесить хотят люди.

Жни быстрей, Нимэтэ, ждет рабочий,
Ждет рабочий на комбинате,—
Он поднять страну скорей хочет,
Поглядеть родной стране в очи,
Нарядить ее в цветное платье!

Перевела А. АДАЛИС.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Рассказ

Исикэ СУКЭДЗИРО

Рисунки В. Высоцкого.

Японский писатель Исикэ Сукэдзиро родился в 1902 году в семье бедного крестьянина в префектуре Тиба. В 1921 году он переехал в Токио, где, преодолевая материальные невзгоды, пытался овладеть мастерством художника. В 1931 году в качестве бродячего художника Исикэ исколесил остров Тайвань. В 1942 году поступил на сталелитейный завод Като в городе Тиба. С 1947 года Исикэ стал печатать в местной прессе стихи, а затем опубликовал в демократических журналах два рассказа. В 1951 году Исикэ принимал активное участие в борьбе против увольнений рабочих с заводов.

— Эй, Набэ-сан! Что, не видно еще поселка?

У Исии давно побаливали ноги, и теперь он отставал на несколько шагов от Набэдзима.

— Хм... Да вроде вон там, на картофельном поле, есть кто-то.

— Да-а... В этих местах мы впервые и никого не знаем. Надо бы расспросить кого-нибудь...

Зная, что у Исии больные ноги, Набэдзима нес весь груз: коробку с завтраком на двоих он привязал к поясу, а узел с карамелью положил на плечо. Он продолжал идти молча. Ему не хотелось говорить, наверное, от усталости, которую вызывала эта ежедневная торговля в разнос. Они прошли уже более одного ри[1] по узкой проселочной дороге, пересекая заливные поля и пашни.

Июльское солнце нестерпимо печет, зелень кругом поникла. Пот течет так, как будто кто-то выжимает мускулы на спине. Исии останавливается на минутку и вытирает пот, стекающий прямо на глаза. У него, кажется, совсем затекли ноги.

«И все эти муки приходится выносить потому, что заправилы-предатели сговорились с руководством компании, а нас, членов профсоюза, выгнали с работы. Как бы ни было тяжело, а дело нужно доводить до конца»,— так думает Исии, и в душе у него поднимается волна негодования. Он продолжает свой путь, усилием воли подавляя минутную слабость.

Потемнело от усталости и лицо Набэдзима, выражающее, кажется, одну лишь мысль: «Держись, старина! Ведь эту борьбу нельзя проиграть».

— Как раз началось жаркое время в этом году. Я и то уж раскис,— Набэдзима переводит дыхание и вытирает пот, льющийся со лба.

Когда на заводе Ито началось увольнение, члены рабочего профсоюза так повели борьбу, что о них заговорили во всей округе. Борьба требовала средств, и они разделились на группы по два человека и приступили к мелочной торговле в разнос. Однако большинство молодых членов профсоюза, не питая никакой склонности к уличной торговле, предпочло торговать на фабриках и в учреждениях. Но ограниченные возможности этой затеи сразу же дали себя знать, и поэтому Исии, не обращая внимания на больные ноги, решил предпринять более отдаленное путешествие. Он не очень-то верил, что уличная торговля принесет успех, но ведь, если людям открыть свое сердце, должны же найтись сочувствующие... Поделившись этими мыслями с молодым Набэдзима, он пригласил его с собой.

Вот наконец они добрались до первого дома на краю деревни и приободрились. По всему двору была рассыпана сушившаяся на солнце пшеница. Перед самым домом две девушки быстро крутили веялку, издававшую громкий дребезжащий звук.

Не успели они промолвить «добрый день», как на них с громким лаем бросилась собака. Оба замерли на месте. Однако, увидев, что собака на цепи, они успокоились.

— Мы члены законного рабочего профсоюза завода Ито, но нас уволили, и теперь мы требуем, чтобы нас всех восстановили на работе. А борьба ведь требует средств, вот и пришлось нам прибегнуть к мелочной торговле карамелью. Не купите ли? Всего десять иен...

С этими словами Исии низко поклонился.

Девушки пробормотали что-то и стыдливо замолкли. У Набэдзима лицо покраснело.

В полутемных сенях старик лет шестидесяти вместе с сыном завязывал мешки пшеницы.

— Как с пшеницей-то у вас в этом году? — начал разговор Исии.

— Да что там говорить!.. Крестьянину не слаще безработного... Чтобы вырастить эту пшеницу, работали в такую жару от зари до зари. Уродилась она не хуже прошлогодней, а ее нынче всю как есть признали низкосортной и закупили по дешевке... А ведь цены и на удобрение и на все прочее держатся высокие. К тому же налоги задушили, ума не приложишь, как с ними справиться. Не можем купить ребенку даже и леденца за какие-нибудь десять иен.

Так отвечал старик. Он будто стыдился своих слов, и морщины на его лице стали еще более глубокими. Речь старика задела за живое Исии, крестьянина по рождению. Ему вспомнился его собственный брат. Год назад вернулся он в родные места, и наконец-то ему довелось превратиться из арендатора в собственника земли, а теперь он думает, что снова придется продать землю...

«Да, все это правда, что говорит старый крестьянин»,— думал Исии.

Полный глубокого сочувствия к этим людям, он не находил в себе силы сказать: «А купите все-таки леденец».

Они обходили дом за домом, стараясь объяснить жителям, что бедственное положение крестьян имеет непосредственное отношение и к жизни рабочих и мелких торговцев в городах, что средние и мелкие предприниматели разоряются, а безработные наводняют города и деревни; что одновременно с этим богачи ведут роскошную, праздную жизнь. Они стремились поведать о том, что и их собственная борьба так или иначе направлена на изменение порядков в этом мире. Однако распродать леденцы им все-таки не удалось.

Но вот они оказались около дома, предназначенного, видимо, для сходок. Дом с покосившейся крышей, с обвалившимися стенами. В полутемных сенях обедало человек пять — шесть. По виду это были землекопы.

Опасаясь собак, Исии вошел, пугливо посматривая по сторонам. Навстречу ему поднялся человек и прямо спросил, не из профсоюза ли они с завода Ито. Лицо этого человека было совершенно черным от солнца.

— Да,— промолвил Исии и тут же бросил взгляд на нагруженного карамелью Набэдзима, как бы желая ему сказать: «Смотри, нашлись люди, готовые поддержать нас».

Исии, почти выбившийся из сил, обратился к обедающим и заявил, что ему необходимо продать карамель: ведь борьба за восстановление требует средств.

— Сейчас наш старший придет, а вы пока отдохните в прохладном местечке,— с этими словами землекоп узловатыми руками подал им по чашке чаю. Исии и Набэдзима почувствовали себя спасенными и прихлебывали чай, поглядывая по сторонам.

Вот они и встретились с полубезработными, о которых уже не раз приходилось слышать.

— Да, действительно, у тех людей отзывчивое сердце, кто в поте лица трудится,— тихо переговаривались они между собой.

В глаза им бросилась вывеска: «Управление дорожно-строительных работ». В комнате находились инспектор с длинными усами и два конторщика, все трое с некоторой подозрительностью поглядывали в их сторону.

В этот момент раздался голос старшего, еще совсем молодого человека, только что вошедшего в сени:

— А-а, видать, из профсоюза с завода Ито? Среди нас, полубезработных, тоже немало таких, кто был уволен с предприятий. Нам хорошо известно, что это за штука — увольнение. Живем мы так: из трех дней один без работы. Платят нам в день от 150 до 200 иен. Прокормить жену с ребятами мы не в состоянии, а случись захворать — совсем беда: ложись и помирай. А что до этих начальников из контор по найму, прислужников властей, так мы для них вроде собак или кошек. Было у нас тут собрание, так вот и наш брат тоже сказал свое слово: мы ведь тоже люди, так пусть и наш заработок даст нам возможность существовать, пусть и нас обеспечивают каждый день работой. На этом-то собрании мы и узнали о незаконном увольнении рабочих вашего профсоюза. Здорово это нас тогда возмутило!

Так, по-дружески просто говорил старший, которого они видели впервые в жизни.

И он тут же начал предлагать всем леденцы, словно сам был членом профсоюза с завода Ито.

В сенях началась бойкая торговля; люди доставали последние гроши. Кто-то просил взаймы десять иен, кто-то говорил: «Я могу одолжить»... Прямо на глазах Исии и Набэдзима творилось чудо.

А старший так и не прикоснулся к пище.

— Сейчас все обедают, самое удобное время. Идемте-ка, я провожу вас,— сказал он.

Исии и Набэдзима последовали за ним, едва скрывая переполнявшее их чувство радости.

[1] Ри — мера длины, около 4 км.

Слой пыли, покрывавший дорогу, был так толст, что в ней тонула обувь. Исии, Набэдзима и старший миновали строительные мастерские, прошли сквозь заросли, достигавшие почти человеческого роста, и оказались прямо перед крутым обрывом, высотой около десяти метров. По верхнему краю обрыва была прорыта траншея, вдоль нее стояли вагонетки. Вокруг росли высокие деревья. Рабочие, одетые в рваные штаны, полуголые, меднокрасные от солнца, лежали группами по десять — двадцать человек в тени сосен. Несколько десятков лопат и кирок, воткнутых в землю, словно охраняли их. Рабочие поднялись навстречу нежданным гостям, лица их были совершенно черными от пота и грязи.

При слове «землекоп» воображение невольно рисует фигуру человека крепкого телосложения; эти люди были невероятно худы: кожа да кости. Они были страшно изнурены тяжелой работой. Сейчас землекопы отдыхали.

«Да вправе ли я урывать хоть минуту отдыха этих людей?» — подумал Исии и растерялся. Но он тут же пришел в себя и, выступив на шаг вперед, по приглашению старшего, поклонился, как того требовал обычай, и сказал:

— Простите меня за беспокойство, друзья, на чью долю выпал такой тяжкий труд. Мы члены профсоюза с завода Ито. Как вам известно, наше увольнение — на редкость несправедливое дело: ведь тут рабочих натравили на своих же братьев. Если уж рассказывать все по порядку, то еще во время забастовки в 1947 году часть руководства профсоюза пошла на сговор с администрацией и, чтобы сорвать забастовку, решила прибегнуть к массовому подкупу рабочих. Вслед за этим было создано «Общество друзей восстановления». Вот с этого все и началось, пошли тут в нашем профсоюзе споры да разногласия. В октябре прошлого года «Общество друзей восстановления» вместе с некоторыми другими людьми сумело расколоть наш профсоюз и создало вместо него свой, раскольнический. Вожаки его то под угрозой прямой расправы, то путем лести и уговоров переманивали на свою сторону рабочих. На днях этот профсоюз заключил с администрацией соглашение, по которому требует увольнять всякого, кто не вступит в ряды раскольников. И вот, не предупредив, сунули нам бумажки об увольнении. Каждый может понять, как далеко зашло беззаконие, если рабочий пошел против рабочего.

Лицо у Исии горело от негодования, он стиснул губы. Набэдзима, стоя сбоку, изредка дополнял речь Исии.

— Мы, все сорок человек, обратились в суд, требуя отмены увольнения. Нас поддерживают другие профсоюзы, и теперь мы продолжаем борьбу.

Тут Исии прервал свою речь и тяжело вздохнул. Он хотел было заговорить о карамели, которой им приходится торговать, чтобы собрать денежные средства, но голос у него сорвался, и расслышать его уже было невозможно. Да и как мог он сказать этим потным, грязным, уставшим до боли в костях людям, чтобы они оторвали хотя бы десять иен из своего грошового заработка!..

Старший, не раз кивавший головой в знак согласия со словами Исии, тут же добавил от себя:

— Это дело касается не только завода Ито. Я думаю, что оно касается всех рабочих. Карамель стоит 10 иен штука. Желающие, а ну побыстрее!..

Несколько рабочих начали о чем-то шептаться друг с другом, а затем один из них с некоторым смущением обратился к старшему:

— Исивара-сан, вот только денег-то у нас нет. Может быть, можно купить в долг до получки?

Старший Исивара объяснил Набэдзима, что поденную плату приносят около трех часов, и тогда он сам соберет деньги.

— Да не беспокойтесь, как удобнее, так и поступайте,— ответил Набэдзима и начал раздавать леденцы — по одному, по два, кто сколько просил.

Нетерпеливые тут же молча съедали их, люди постарше бережно убирали леденцы в коробки, видимо, оставляя их детям.

Ободренные так, словно кто-то сказал им: «Держитесь крепче»,— оба наши разносчика в сопровождении старшего пошли на следующий участок в лощину. Спуск шел по крутизне, и при малейшей оплошности можно было скатиться вниз. Спускаться следовало при помощи веревки, и Исии, у которого болели ноги, совсем растерялся. Заметив это, старший взял Исии за руку и, поддерживая, повел вниз. Набэдзима, нагруженный узлом с карамелью, передвигался с большим трудом.

В лощине чернорабочие тоже отдыхали. Здесь в траве извивался ручеек. Глина, сбрасываемая с обрыва, местами образовывала холмики.

Ощущая горячее сочувствие старшего, Исии с большим подъемом рассказал о происходящей борьбе. На этом участке было много женщин. Обожженная солнцем кожа морщилась на их лицах: это были лица людей, вконец измученных жизнью. Женщины подходили друг за другом и, покупая леденцы, говорили:

— Если чем-нибудь можем помочь героям с завода Ито, мы всегда готовы сделать это. Держитесь же крепче!

Исии и Набэдзима испытывали глубокое чувство благодарности к своим неожиданным друзьям. Им хотелось плясать от радости при виде такого участия. Они горели желанием как можно скорее поделиться радостью со своими товарищами.

Теперь Исивара проводил их до половины дороги, сказав, что им придется сделать крюк, но зато впереди безопасная тропинка.

— Не ходите вы дальше, отдохните хоть немного,— сказал Исии.

— Значит, будем поддерживать друг друга? У рабочих людей одни думы...— большая рука Исивары крепко сжала руку Исии.

Ответив столь же крепким рукопожатием, Исии испытывал такое чувство радости, как если бы вновь встретился со своей матерью, которая до самой смерти только и беспокоилась о больных ногах сына. За свои сорок пять лет он впервые сам испытал столь глубокое чувство дружбы, связывающее организованных рабочих.

Исии и Набэдзима шагали теперь домой, все время оборачиваясь и махая рукой старшему, который стоял на месте и глядел им вслед.

Перевела с японского
В. ЛОГУНОВА.

МУЗЕЙ ЮНЫХ КРАЕВЕДОВ

Школьники рассматривают строение торфа.
Фото Н. Семина.

Школа стоит в окружении каштанов и лип. От нее во все стороны расходятся тихие узкие улицы. Они петляют по старинному латвийскому городу Цесису и выходят дальше, на просторы Видземе, на берега Гауи. Сколько там нехоженых троп, цветов и трав, камней с отпечатками животных и растений, существовавших до нашей эры!

В нескольких учебных комнатах 2-й Цесисской семилетней школы разместился большой музей с подробными описаниями многочисленных экспонатов, собранных учащимися во время туристских походов по родному краю.

Ученики этой школы проводили в походах каждое лето. Разросшиеся коллекции превратились в краеведческий уголок. А теперь тут настоящий краеведческий музей.

Здесь есть серьезные работы — результаты тщательных поисков; описания, сложившиеся после прочтения многих книг; интересные данные по географии и экономике Цесисского района.

Вот коллекция полезных ископаемых — известняк, торф, доломит, глина. Рядом — стенд с фотографиями мест находок и участников похода. Все снимки сделаны учащимися — членами фотокружка. Над коллекцией — вычерченная ребятами карта района с маршрутом похода, посвященного поискам полезных ископаемых. От мест находок, особо отмеченных на карте, синие ниточки тянутся к экспонатам, расположенным в аккуратной коллекции. Это работа целого пионерского отряда.

Вот лежат окаменевшие остатки чешуи девонской рыбы; ракушки, собранные по берегам Гауи пионером Янисом Мейерсом; гербарий трав и цветов, растущих у Гауи,— работа Астры Штейнберг. Находка Мары Стангайне — цветок альпийской жирянки, реликтового растения ледникового периода. Мара нашла ее на берегу Рауны, на известняках. И еще сотни экспонатов, рассказывающих об истории, географии, топографии, животном и растительном мире Цесисского района...

На больших стендах показан сегодняшний день района: фотографии лучших работников колхоза «Циня», его птицефермы, свинофермы. Около каждого стенда — подробное описание колхоза.

Есть в школьном музее и живой уголок: в аквариуме плавают местные породы рыб, карликовые сомики, привезенные из Киева, и уроженцы Северной Америки — аксолотли. В ящике из проволочной сетки поселились морские свинки.

Многие ребята уже окончили школу. Но они часто бывают в музее, где их имена записаны на табличках коллекций. Юные краеведы переписываются с другими школами Латвии и с краснодарскими краеведами.

Наступило лето — пора новых экскурсий. К ним готовится вся школа во главе с педагогами Э. Швинка, А. Швинка и Э. Эйхвальд, которые руководят походами и обработкой коллекций. К осени в музее юных краеведов прибавятся новые экспонаты.

Н. ХРАБРОВА

„Европейская хроника"

«Европейская хроника» А. Арбузова в Московском государственном театре имени М. Н. Ермоловой. Сцена в парижском кафе. Слева направо: художник Шарлюс (заслуженный артист РСФСР В. Якут), Гаральд Хог (Л. Галлис), Эдвард Люне (заслуженный артист РСФСР И. Соловьев), Оге Лунд (В. Лекарев)

М. АЛИГЕР

Фото А. Гладштейна.

Писатель Алексей Арбузов поставил перед собой нелегкую задачу: написать пьесу о судьбах современной Европы, о ее людях. В основу пьесы положены не какой-либо эффектный случай, не частные обстоятельства частных человеческих судеб, а поворотные и решающие этапы истории, формирующие характеры, определяющие жизненные пути людей. Драматург развертывает судьбы своих героев на протяжении почти что двух десятков лет — и каких лет! — с 1936 по 1952 год.

Серьезный театральный коллектив вдумчиво прочел новую пьесу Арбузова, увлекся и заинтересовался ее темой, образами героев, своеобразием построения, и вот на сцене Московского театра имени Ермоловой появился новый спектакль — «Европейская хроника».

С героями «Европейской хроники» — писателем Эдвардом Люне, его невестой Дагни Киркегор, с журналистами Марией Иенсен и Яльмаром Бергстедом, с французом-художником Анри Шарлюсом, с рабочим-коммунистом Оге Лундом и, наконец, с циником и прощелыгой Гаральдом Хогом, которого автор именует «человеком различных профессий», — мы знакомимся в маленькой и мирной Дании ярким, солнечным днем лета 1936 года. Все они находятся в начале жизненного пути, они молоды, увлечены жизнью. А в это время за Пиренеями, в Испании, уже начался бой добра и зла, правды и лжи, бой между республиканцами и фашистскими захватчиками, который многое и надолго решил в судьбе Европы. Туда, в Испанию, и уезжают Эдвард Люне и Мария Иенсен с Яльмаром Бергстедом. Они все встретятся снова через два года на открытой веранде парижского кафе тем пронзительным вечером сентября 1938 года, когда, по словам Шарлюса, «где-то в Мюнхене четыре человека решают за нас наше будущее». Истекшие годы были прожиты насыщенно и тревожно: одни, такие, как Люне, как Шарлюс, как Мария Иенсен, возмужали и окрепли духом, иные устали, разуверились в жизни, отступили от идеалов юности. Эдвард Люне и Дагни Киркегор встречаются после трудной и долгой разлуки для новой и еще более трудной разлуки: их пути непоправимо разошлись. Бергстед и Мария Иенсен, ставшие в Испании мужем и женой, расстанутся в этот вечер навсегда: Бергстед стал ренегатом, и Мария никогда не простит ему этого.

Мария Иенсен (заслуженная артистка РСФСР Л. Орданская), Эдвард Люне (заслуженный артист РСФСР И. Соловьев) и Анри Шарлюс (заслуженный артист РСФСР В. Якут).

Зима 1940 года в Копенгагене. Новые испытания встают на пути Эдварда Люне: обыватели и реакционеры его родины травят его,— но у него достанет сил пройти и через это с высоко поднятой головой.

— Не думай, что мы сейчас одни в этом мире! — уверенно говорит он матери своего друга Оге Лунда, простой старой датчанке.

Нет, они не одни, за ними тысячи тысяч друзей — простые и честные люди Дании и всего мира, за ними великий друг всех этих людей — Советский Союз.

Проходят еще четыре года огромных событий. Идет вторая мировая война, но исход ее уже предопределен. От стен Сталинграда Советская Армия победоносно движется на запад. И в маленькой Дании лучшие ее люди героически сражаются с фашистами. Движение участников Сопротивления возглавляют коммунисты, такие люди, как Оге Лунд. Это они спасают из тюрьмы Эдварда Люне и в штормовую ночь по приказу партии переправляют в Швецию: его жизнь, его труд, его талант понадобятся еще родине.

И, наконец, последняя картина, 1952 год. Коммунист Эдвард Люне, зрелый и многоопытный чело-

век, в первых рядах борцов за мир, за правду, за счастье человеческое. С ним друзья его: Анри Шарлюс, Мария Иенсен и сын ее Расмус, несчетные друзья их — сторонники мира во всем мире. Против него: обогащающийся на войне безродный подонок общества Гаральд Хог, купленный на американские доллары фабрикант Аппель, Яльмар Бергстед, которого предательство интересов рабочего класса привело прямо в лагерь врагов. А где Дагни Киркегор? За океаном, в Голливуде, которому продала она свой талант певицы, свои молодые мечты, свое человеческое достоинство. А где Оге Лунд? Он погиб смертью героя.

Белинский в «Литературных мечтаниях» писал об одном из первых русских драматургов: «...он не был драматиком в полном смысле сего слова, он не знал человека».

Арбузов решил свою задачу потому, что в центре своего повествования поставил человека, разных людей, интересных людей, мыслящих и растущих в неразрывной связи со своим временем, со своим народом, людей с богатым душевным миром, сильными чувствами и глубокими переживаниями. Он сумел заставить зрителя полюбить этих людей, и именно это его умение дает нам право многое спрашивать с драматурга.

Эдвард Люне, талантливый писатель, пришедший в литературу из жизни и первой же своей правдивой книгой завоевавший признание и любовь народа, вырастает в идейного вожака своего народа. И чудесный артист И. Соловьев заставляет нас поверить в духовную силу и красоту этого человека. Но есть одна сторона духовной жизни Люне, в которой он неполноценен и малодостоверен,— это история его любви к Дагни. Мы видели эту любовь в ее начале и поверили в ее глубину и силу, мы увидели эту любовь после долгой разлуки. Возмужавший в боях Люне привез и любовь свою возмужавшей и окрепшей в испытаниях. Но эта встреча Люне и Дагни становится последней. Два человека, глубоко любящие друг друга, расстаются, и это оказывается непоправимо и бесповоротно. Эдвард Люне, сильный человек, не склоняющийся ни перед какими ударами судьбы, отказывается от своей любви под воздействием первых же обстоятельств, с которыми можно бы еще поспорить, отказывается без всякой попытки отстоять свою любовь. Нам кажется, это немыслимо для такого Эдварда Люне, каким он задуман и написан Арбузовым. Или, может быть, это была не такая уж большая любовь, может, это ошибка, которую исправила жизнь? Нет, такой цельный человек не может и не должен ошибаться в столь высокой сфере человеческих отношений, как любовь, тем более, что в его жизни нет другой любви, другой женщины, кроме Дагни. И вот эта невозместимая потеря, эта горькая пустота в его судьбе делает образ Люне каким-то бесплотным и отрешенным. С этим ощущением не хочется примиряться, так же как и с тем, что один из бойцов первого ряда армии лучших людей мира лишен на склоне лет всего того, чем наполняет жизнь человека большая и истинная любовь. Это несправедливо и незаслуженно, да и нежизненно, пожалуй. Такой человек, как Люне, боролся бы за свою любовь и был бы в ней так же прекрасен, как и во всей своей остальной жизни. И образ, созданный Соловьевым, был бы ярче и полнокровнее, если бы автор не обошел Люне этой великой жизненной радостью.

В прессе звучали упреки в адрес актрисы Л. Орданской, будто бы сыгравшей роль Марии Иенсен несколько холодновато. Думается, что этот упрек должен быть обращен не к актрисе, а опять же к автору, рассказавшему об интересной и сложной судьбе интересного человека, но несколько засушившему этот образ. Именно автор написал Марию человеком скованным и сдержанным даже в самых глубоких и ярких ее чувствах, и это, конечно, затрудняет работу актрисы, да и наше восприятие. Порой хочется вмешаться в действие, заставить людей заговорить прямее и жарче, не останавливая и не сковывая своих чувств. Так недостает пламенных слов о любви, которые сказали бы друг другу Мария и Оге! И какая бы это могла быть человечная и полная драматизма сцена, хотя бы в ту последнюю ночь перед боем, а драматург ее не написал! Строгие и целомудренные отношения Марии и Оге стали бы неизмеримо значительнее, если бы драматург дал им возможность сказать друг другу все, что переполняет их сердца, делает их сильнее и в бою и в повседневной жизни. Это очень облегчило бы задачу артисту Лекареву, который благороден и убедителен в роли Оге Лунда, дало бы ему возможность создать образ и более эмоциональный.

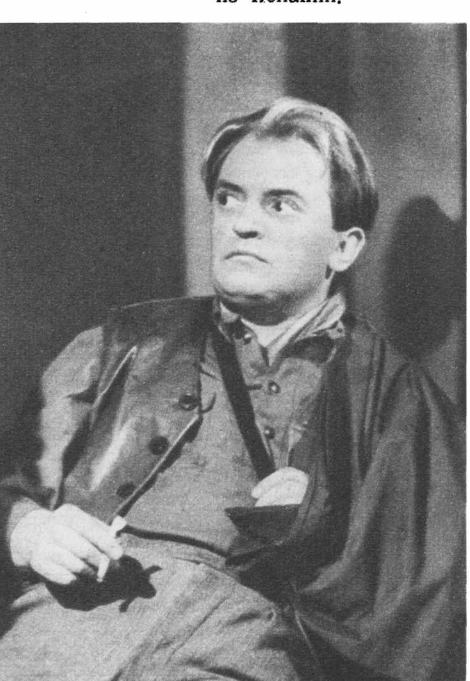
Люди большой идеи, великой любви к человеку — это вовсе не аскеты, отрешенные от всего земного, это люди больших и глубоких чувств. Так пусть они живут на сцене так же горячо и ярко, как в реальной жизни, пусть и в сложной области личных чувств и отношений учатся у них другие!

Еще о двух актерских образах, имеющих большое значение в решении авторского замысла, хочется сказать. Это прежде всего В. Якут — Анри Шарлюс — художник своего времени и народа. Шарлюс проделывает сложный путь — от беспредметности и формализма к искусству большой жизненной правды и глубины. И Якут показывает нам это, заставляя думать, что даже юношеские ошибки художника шли от его страстного желания найти свой личный путь к правде, к людям.

А вот у Хога, который в молодости притворялся человеком искусства, создавал видимость того, что он сочиняет что-то очень «левое», ни на что не похожее, все было только позой, маской человека, душевно опустошенного, лишенного идеалов и принципов, человека без родины и без родного народа. Артист Л. Галлис, играющий Хога, создает удивительно сильный образ. Оказавшись настоящим мастером перевоплощения, артист показывает, как меняется от картины к картине под влиянием своей уродливой жизни лакей капитала, очень быстро учуявший, какие наживы сулит его карману всякая война. Галлис играет чудовище, морального урода и врага человечества, и рядом с таким еще виднее душевная красота и сила Эдварда Люне и его друзей. А то, что образ, созданный Галлисом, страшен в своей убедительности,— это тоже его достоинство, а не недостаток. Нам нет нужды показывать врага ничтожным и слабым: это было бы неправдой, ибо враг еще и силен и страшен, хотя сила его зиждется на такой гнилой и мертвой основе, что крушение ее неизбежно. Враг будет разбит, и задачу эту решат сильные, здоровые, красивые и чистые люди, борцы за счастье человечества.

Мои впечатления от спектакля — впечатления зрителя, а не театральная рецензия. Не разбирая подробно деталей постановки, хочется сказать, что театр — в первую очередь режиссер А. Гончаров — решил сценически трудную задачу постановки пьесы-хроники, верно поняв писателя, его замысел, его приемы. Хроника всегда предопределяет некоторую эпичность решения; в эпосе же на первый план всегда выдвигаются события, в то время как в драме господствует человек, человеческая личность. Драматическая хроника есть сложное сочетание этих двух элементов, и для верного и цельного решения следует сделать твердый выбор, твердо решить, какому из них отдавать предпочтение, чтобы не получилось художественного разнобоя. Театр имени Ермоловой сделал тот же выбор, что и драматург: он выбрал человека, его личность, его судьбу, и это определило успех решения, сделав эпическую сторону произведения теплее и человечнее.

Оге Лунд (В. Лекарев), вернувшийся из Испании.

«Веселый паровоз»

Коллектив «Веселый паровоз».
Фото Ю. Добронравова.

Плавно раздвинулся тёмнокрасный бархатный занавес Свердловского Дома культуры железнодорожников. На сцену вышел высокий человек в форменном кителе.

— «Веселый паровоз»!— пронеслось по залу.

Сатирическую бригаду художественной самодеятельности «Веселый паровоз» транспортники встречают, как старого друга. Творческий коллектив был создан в 1950 году в паровозном депо станции Свердловск-пассажирская.

Талантливое исполнение, живой репертуар, острое слово критики завоевали коллективу популярность не только в Свердловске, но и на Егоршинском, Нижне-Тагильском, Камышловском и других отделениях дороги. Эстрадная группа «Веселый паровоз» дала уже около трехсот концертов в депо, клубах, на станциях, в школах; выступала и в столице — на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности, где участники бригады были отмечены премиями.

В адрес «Веселого паровоза» постоянно приходят письма, в которых железнодорожники приглашают приехать к ним, жалуются на неполадки.

...Бригада должна была выступать в электродепо станции Свердловск-сортировочная. Железнодорожники отсюда сообщали, что в депо неисправны ворота, в которые входят электровозы. Когда прошел слух о готовящемся приезде артистов, ворота немедленно были отремонтированы.

В темноте вспыхивают фары. Диктор объявляет:

— Скорый веселый поезд ведет бригада в составе: машинист — Демин, помощник машиниста — Рагозин, кочегар — Цыплятников, кондуктор — Попов.

Свисток— бригада отправляется в путь.

С насмешкой, а порой зло, с возмущением бригада рассказывает о том, что видела и узнала по дороге,— о непорядках на строительстве в городах и на станциях, о бракоделах и нерадивых. В зрительном зале часто вспыхивает смех. А в конце выступления звучат долгие аплодисменты.

У участников «Веселого паровоза» немалый стаж работы в художественной самодеятельности. В. В. Цыплятников, например, участвует в самодеятельности с 1922 года. Остальные тоже по двадцать — пятнадцать лет отдают досуг любимому занятию.

Н. РОЗИНА

Актриса рассказывает

Н. КРИЧЕК

Артистка Хэнаньского оперного театра Чан Сян-юй.

Большой Ханькоуский театр переполнен. Желающих попасть на спектакль так много, что к подъезду театра трудно пробиться. Сегодня идет старая китайская опера «Сисянцзи» («Пролитая чаша»). Роль Хуннян играет Чан Сян-юй. Ее полное чувства исполнение захватывает зрителей.

Это одна из первых ролей актрисы, она начала ее играть двадцать лет назад. Сейчас Чан Сян-юй двадцать девять лет, но со сцены грациозная и изящная актриса кажется совершенно юной.

Наше знакомство с Чан Сян-юй произошло в Пекине, во время первого Всекитайского фестиваля национального китайского театра. В комнату вошла среднего роста женщина в синей куртке и брюках. Простое и очень живое лицо, умные, выразительные глаза ее излучали такое тепло, что мы сразу подружились.

Ее рассказ нельзя было слушать без волнения. Это была повесть не только о самой Чан Сян-юй, но и обо всех китайских женщинах, которые обрели новую, светлую судьбу.

Чан Сян-юй родилась в провинции Хэнань в бедной крестьянской семье, где зачастую питались лишь дикими травами и корой с деревьев. Чтобы как-нибудь поддержать семью, отец Сян-юй нанимается на угольную шахту, где по 14—16 часов не вылезает из тесных, душных и темных нор, руками выламывая уголь. За этот каторжный труд Чжан Фу-сян получал гроши. И все же он мечтал о том, что дочь его станет актрисой.

В восьмилетнем возрасте девочка попала в театральную школу в городе Чжэнчжоу. На этом и кончилось ее короткое детство: в театре были свои жестокие обычаи и законы. Едва брезжил рассвет, труппа была уже на ногах, дети работали не меньше взрослых. За годы учебы Чан Сян-юй пришлось перенести немало побоев и ругани, терпеть голод и холод. Казалось, сама жизнь делала из нее актрису героического плана.

В одиннадцать лет девочка-актриса уже пользовалась популярностью. Ее темпераментное исполнение и красивый голос покоряли зрителя. Известность Чан Сян-юй росла, но жизнь ее делалась все трудней и горше. В старом Китае актер был презираемым человеком.

Юной актрисе приходилось постоянно менять города и театры. Ее антияпонские настроения вызывали ярость гоминдановских чиновников. На жизнь Чан Сян-юй покушались.

Когда Народно-освободительная армия изгнала гоминдановцев из Северо-западного Китая, для Чан Сян-юй началась новая жизнь. Артистка стала активной участницей великого дела строительства нового общества. Теперь китайский народ ее знает не только как выдающуюся актрису, но и как общественного деятеля — депутата собрания народных представителей провинций Хэнань и Ганьсу, активного члена федерации работников литературы и искусства.

Чан Сян-юй принадлежит заслуга реформы Хэнаньского оперного театра. Хэнаньская опера со старинной манерой пения только на высоких нотах была обеднена в мелодическом отношении, невелик был ее оркестр. Использовав достижения других оперных коллективов страны, Чан Сян-юй сумела добиться выразительного и мелодически богатого вокального и оркестрового исполнения в оперном театре, заметно обогатив его творческий опыт.

Знание народной жизни помогло самой Чан Сян-юй создать на оперной сцене целую галерею женских образов. Среди них выделяются Хуннян — из оперы «Сисянцзи» («Пролитая чаша»), Бай Су-чжэнь в спектакле «Сказание о белой змее».

Заслуги Чан Сян-юй перед китайским театром так же, как и других знаменитых артистов Китая, — Мей Лань-фаня, Чжоу Синь-фаня, Чэн Янь-цю, Юань Сюэфынь, Гай Цзяо-тяня и Ван Яо-циня — были отмечены премией «Славы».

Сегодня любимая роль артистки — Му-лань в опере «Хуа Му-лань». «Я люблю Му-лань за ее героический, мужественный характер,— говорит Чан Сян-юй.— Простая крестьянская девушка в грозный для родины час нашествия иноземцев взялась за оружие и вдохновила своим мужественным примером сотни людей. Таковы были и тысячи других безымянных героинь, уходивших в Народную армию отстаивать самое справедливое дело на земле. Вот почему наш народ так любит эту старую оперу, а я — эту роль».

Чан Сян-юй — Хуннян. Опера «Сисянцзи».

Чан Сян-юй в роли партизанки Му-лань. Опера «Хуа Му-лань».

ДРУЗЬЯ ПОЭТА

Марк ПОПОВСКИЙ

ОБОИ

...В Карабихе, в селе, где с 1863 года почти каждое лето бывал Н. А. Некрасов, в старинной барской усадьбе заканчивались восстановительные работы. Уже открылся литературный отдел, предстояло завершить восточный флигель — квартиру, где жил и работал Николай Алексеевич. Любовно собирали личные вещи поэта. Литографию «Свадьба в Малороссии», висевшую в кабинете, нашли у окрестных колхозников. О ней сообщила уборщица Наташа Новикова. В областном краеведческом музее удалось разыскать другую картину из кабинета, «Елизавета с арапчонком». Ярославский учитель Корнилов во время туристского похода со школьниками обнаружил в дальнем селе ружье, которое Некрасов подарил своему другу, крестьянину Осорину.

Больше всего хлопот доставили музейным работникам... обои. Какими обоями оклеивались некрасовские комнаты в 60—70-е годы прошлого века? Главный хранитель музея, опытный искусствовед Сатеник Ивановна Великанова обшарила все стены: хоть бы обрывочек, образец нашелся! Не оказалось и обрывка. Обратились к воспоминаниям современников. Жена брата Некрасова припоминала, что в зале обои были белые с золотом, в столовой — под дуб, а в кабинете — серые в зеленую полоску. Но рисунок обоев никто и нигде не описал. Оставалось одно: узнать, как выглядели обои того времени, и постараться сделать подобные им.

Поначалу Сатеник Ивановна отправилась в Ленинград. На полотнах Неврева, Крамского, Ге с лупой в руках разглядывала она и заносила в свой альбом интерьер комнат, цвет обоев, бордюра. На известной картине Крамского «Некрасов в период «Последних песен», где поэт изображен в своем петербургском кабинете, обои были темные, с золотом. Нет, в летней, загородной даче таких обоев не бывает. В «Воспитаннице» Неврева рисунок подходил больше, но был тоже несколько темноват.

Из Ленинграда Сатеник Ивановна поехала в Москву. Здесь она долго рылась в материалах Музея истории театра, пересмотрела множество фотографий, изображающих декорации театральных постановок 60-х годов. Все не то!

Случай привел Великанову в Управление художественной промышленности. Тут ее встретил старейший знаток обоев, ветеран этого дела Алексей Платонович Маркелов.

— Квартиру Некрасова оклеивать? — улыбнулся он.— Не случалось... Но не беспокойтесь! Для такого дела ничего не пожалеем...

И начал снимать с полок и раскладывать перед Сатеник Ивановной толстые альбомы обойной бумаги — целую коллекцию. До самого вечера листала их Великанова, сличала свои рисунки с рисунками образцов и наконец выбрала. И по мемуарам и по картинам художников-шестидесятников, кажется, подходит. Откуда они, продемонстрированные Маркеловым образцы? Алексей Платонович справился по книгам. Образцы изготовлены на Московской обойной фабрике. Валы старые, копия тех, которые печатали обои еще в середине прошлого века. Значит, рисунок тоже старый. Полоски нужных образцов (хоть и не полагается это) Алексей Платонович отрезал для карабихского искусствоведа из альбома. Пожелав удачи, предложил: «Если будут трудности с заказом,— заходите, все устроим. Впрочем, обойщики не такой народ, в грязь лицом не ударят».

Дом-музей Н. А. Некрасова в Карабихе.

И действительно. Директор Московской обойной фабрики, посмотрев образцы и заявку Карабихского музея, вызвал художника и главного инженера:

— Надо сделать. Видите, кто просит? Некрасовский заказ!

Сатеник Ивановне снова предложили альбомы обойной бумаги, и руководящие работники фабрики шумно заспорили о возможных красках и колере на никому неведомых обоях в усадьбе 60-х годов.

Но тут обнаружилось, что нескольких, как раз самых нужных, валов нет. После войны москвичи послали их на разрушенные немцами обойные фабрики в Минск и Боровичи. Часть заказа на обои пришлось послать туда.

На этом можно было бы и закончить рассказ, если бы не один документ, который вместе с обоями пришел в эти дни из Минска в адрес музея. Вот он:

«Обойная фабрика имени Воровского. Минск. Директору Музея Некрасова т. Тарасову.

Сообщаю, что сего числа по багажной квитанции № 625316 на станцию Ярославль Вам отправлено 60 кусков 12-метровых обоев по указанным в распоряжении образцам.

Считаю необходимым сообщить, что отправленные Вам обои изготовлены из сэкономленного сырья и материалов во внеурочное время и поэтому оплате не подлежат, а являются маленьким вкладом нашего коллектива в восстановление Музея славного певца земли русской Н. А. Некрасова. В изготовлении обоев принимали непосредственное участие следующие товарищи: бригада машинистов Шамко, Осташа, Холод, Байдак; катальщицы Петровская и Чураева, начальники смены тт. Липец и Лагуто под руководством начальника цеха т. Борисевича».

БАНДЕРОЛЬ

Ленинградский литературовед Александр Васильевич Попов долго упаковывал длинную бумажную трубу и наконец написал на ней адрес. В этой бандероли — плод многолетнего труда ученого: карты Ярославской области. Пройдя по Ярославщине, по местам, связанным с жизнью Некрасова, сотни километров, Попов убедился, что в поэме «Кому на Руси жить хорошо» зачастую описаны эти самые места. Оказалось, что большинство упомянутых в поэме сел действительно существовало и существует. Нашлось село Кузьминское, где странники попали на ярмарку, деревня Босово, где «Яким Нагой живет», и многие другие. Удалось даже проложить маршрут путешествия семи мужиков, которые «сошлися — и заспорили, кому живется весело, вольготно на Руси?»

Теперь Александр Васильевич по просьбе музейных работников отправлял свои карты в Карабиху для экспозиции. Он стоял у приемного окошечка почты и волновался. Карты получились слишком большими. Примут ли?

Бандероль едва влезла в окно, за которым сидела девушка-приемщица.

— Гражданин! — раздался ее тоненький, но строгий голос.— Бандероль не форменная, принять не могу.

Попов попытался объяснить, но девушка была неумолима.

— Да вы только на адрес посмотрите! — отчаявшись, воскликнул ученый.— Ведь в Карабиху посылаю, в Дом Некрасова...

Девушка бросила взгляд на адрес.

— Карабиха? — переспросила она и смешно наморщила лоб, будто что-то припоминая.— Это там, где он «Русских женщин» написал?

— Да, да! — обрадованно подхватил Попов.— И «Мороз Красный нос» и «Орину, мать солдатскую» там же написал. А это,— Попов доверительно наклонился к окошку,— я посылаю карту пути, по которому, помните, шли «семь временно обязанных».

— Это, которые уезда Терпигорева, Пустопорожней волости, из смежных деревень? — засмеялась девушка.— Ну, ладно, давайте вашу... трубу.

Она еще раз прикинула на глаз бандероль (ох, длинна!) и, вздохнув, принялась выписывать квитанцию...

БОЛЬШОЙ РАЗГОВОР

Множество людей пишут в Карабиху. Работник одной из московских детских библиотек обращается к директору музея с просьбой принять от него подарок. В течение десятков лет он собирал ноты на слова Некрасова. Среди собранного им немало редких изданий...

Молодой учитель из костромского городка Нерехты побывал в Карабихе прошлым летом и, вернувшись, рассказал ученикам о благородном труде музейных работников. И вот один из школьников напал на след... кровати из некрасовского дома. Учитель посылает ее примерное описание и обещает продолжить поиски.

Нетвердый детский почерк: «Мы, пионеры 5-го «А» класса 187-й мужской школы города Ленинграда...» Маленьких почитателей Некрасова интересует не только музей. Они просят сообщить, как выглядит Карабиха, как она изменилась за последние годы. А их ровесники из Алма-Аты готовятся приехать в музей всем литературным кружком.

Молод музей, ему всего лишь пять лет, но уже нередко обращаются к его сотрудникам за научной помощью и консультацией. Студент из Уральска работает над темой «Некрасов и декабристы». Он просит сообщить, какие именно портреты участников декабрьского восстания обнаружены были в свое время в подвалах дома в Карабихе.

...На бланках Всесоюзного общества культурной связи с заграницей — многочисленные списки литературы о Некрасове, вышедшей на польском, болгарском, чешском, румынском и венгерском языках, сообщения об издании его стихов в странах народной демократии. Читая эти документы, работники музея вспоминают о группе болгарских гостей, посетивших недавно музей. В книге записей они оставили взволнованные слова: «Мы благодарны Некрасову за то, что стихи его воспитали целую плеяду славных болгарских поэтов-демократов — Христо Ботева, Ивана Вазова и многих других...»

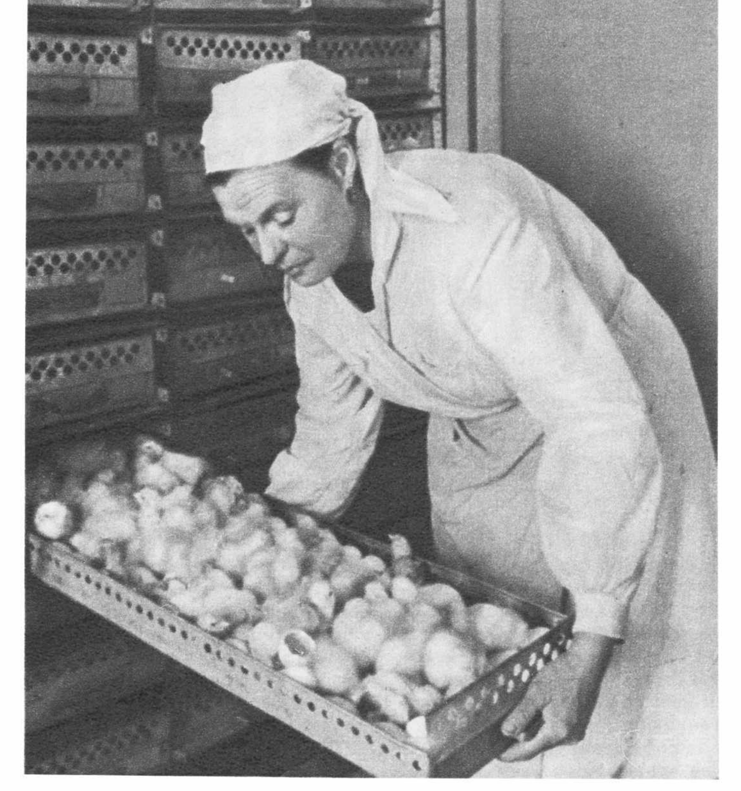
До глубокой ночи не гаснет свет в одной из комнат музея: Сатеник Ивановна отвечает на письма. Идет большой сердечный разговор с дальними и ближними друзьями — друзьями поэта.

Карабиха,
Ярославской области.

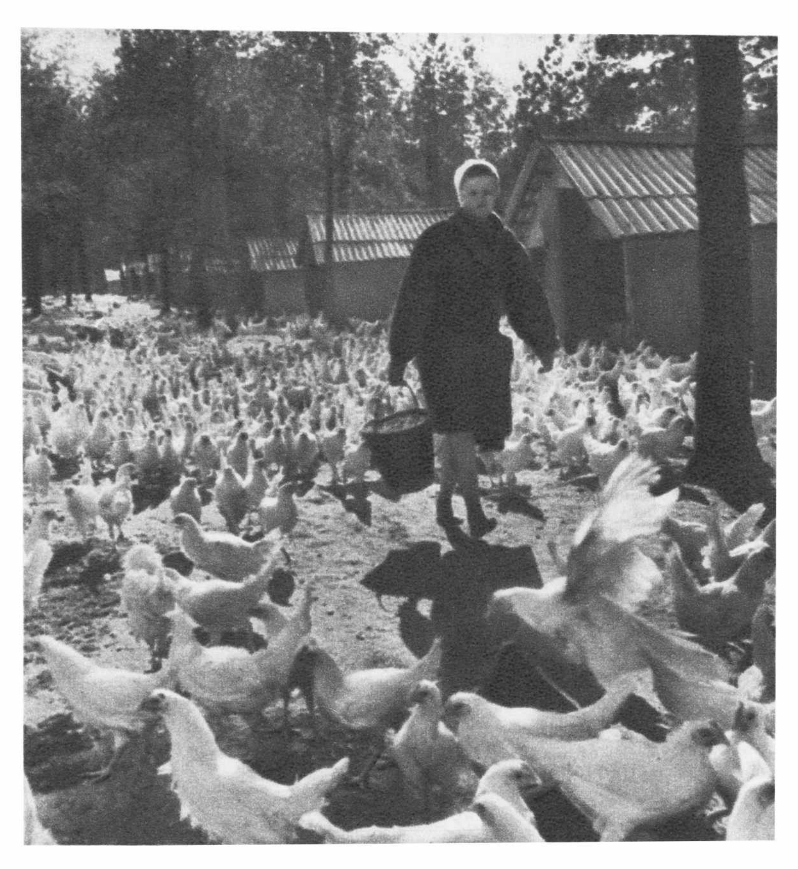
Фабрика цыплят

Фото О. Кнорринга.

Внешне инкубаторий напоминает зал электростанции. Людей не видно. Вдоль сверкающих белизной стен стоят высокие шкафы, окрашенные в кремовый цвет, время от времени над ними вспыхивают световые сигналы. Размеренно гудят невидимые электромоторы. Непрерывный приглушенный шум заполняет собой все вокруг.

Как противни из духовки, дежурный оператор вынимает лотки с новорожденными цыплятами.

Молодки спешат к кормушкам.

Получайте корм!

Подойдем ближе к переднему шкафу, прислушаемся, и ухо уловит звуки, совершенно неожиданные здесь, в царстве машин. Сквозь массивную, герметически закрытую дверь доносятся живые голоса: ничем иным не может быть это неумолкающее щебетанье. Существа, появившиеся на свет в тепле обогреваемого электричеством шкафа, еще не видели солнца, но они уже громко заявляют о своем стремлении двигаться, расти. Дежурный оператор, единственный человек в огромном зале инкубатория, открывает дверь шкафа и, как противни из духовки, выдвигает оттуда один за другим металлические лотки с новорожденными цыплятами. Покрытые желтым пухом крохотные птички отряхиваются от обломков яичной скорлупы, бесцеремонно толкая друг друга, и пищат, пищат...

Каждые четыре дня инкубаторий Томилинской птицефабрики выдает свою продукцию — десятки тысяч цыплят. Впрочем, если придерживаться терминологии, принятой на этом своеобразном предприятии, новорожденных цыплят правильней назвать «полуфабрикатом». Полноценной продукцией фабрики они станут позднее, недели и месяцы спустя, когда вырастут во взрослых кур и петухов.

Производственный цикл, начинающийся в инкубатории, продолжается в цехах и на фермах. Двухэтажные каменные корпуса посреди зеленых лужаек, окруженные кустарником птичьи дворы разбросаны по обширной территории, прилегающей к шоссе Москва — Куйбышев. Редкому проезжему не бросится в глаза нарядная чугунная решетка ворот с изображениями петухов и кур.

Расположенная по соседству со столицей Томилинская птицефабрика ежедневно отправляет в диетические магазины и столовые, в больницы и детские сады Москвы, в санатории Подмосковья свыше шестидесяти тысяч яиц, около тонны свежего куриного мяса.

За инкубаторием — корпус выращивания цыплят. Здесь стоят в шесть ярусов железные клетки, обогреваемые идущей по трубам горячей водой. В каждой клетке по 30 цыплят.

Просунувшиеся в круглые отверстия над кормушками желтые птичьи головки поднимаются и опускаются, словно заведенные автоматы. После шестидесяти дней, проведенных в корпусе выращивания, цыплята выглядят точно так же, как трехмесячные собратья, выросшие на воле. Желтый пушок сменился снежно-белым оперением, четко обозначились алые гребни. Пора молодняку и «на дачу».

Ни одной деревенской курице не снилась такая жизнь, как тут, на ферме, раскинувшейся на опушке соснового леса. Дощатые домики — жилища кур — тянутся рядами из конца в конец, образуя улицы. Сочная высокая трава разнообразит корм, заботливо приготовляемый из зерна, муки, молока. Быстро растут, развиваются молодки и петушки.

Усиленное питание, образцовый уход делают свое дело. Если в обычных условиях курица начинает нестись пяти месяцев от роду, то на Томилинской птицефабрике молодка становится несушкой уже в возрасте 130—135 дней. Норма — 180 яиц в год — обязательна для каждой несушки. На Томилинской птицефабрике немало рекордисток, дающих свыше 200 яиц в год.

После кудахтанья, от зари до зари оглашающего корпус несушек, расположенный неподалеку цех откорма поражает своей тишиной. Только изредка прозвучит здесь одинокое «кукареку». Петухи, жирные и сонные, лениво развалившись в клетках, не утруждают себя даже едой. Зачем клевать корм самим, если трижды в сутки к клеткам подъезжают откормочные машинки?

«А ну, Петя, покушай...» — Работница-птицеводка, привычным движением открыв клюв петуха, всовывает туда резиновую кишку. Две—три секунды, и зоб птицы загружен пищей.

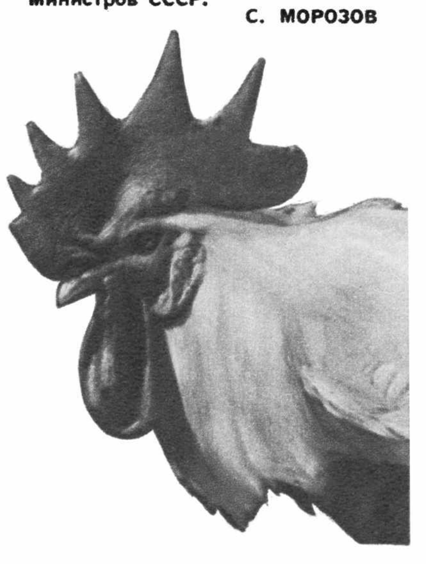
Принудительное кормление способствует быстрому росту, повышает продуктивность. После двадцати дней, проведенных в цехе откорма, молодой петух, достигнув веса взрослой птицы, идет на убой.

Томилинская фабрика дает стране не только куриное мясо и яйца, она снабжает совхозы и колхозы породистой племенной птицей. Более полумиллиона голов молодняка каждый год отправляют отсюда во все концы страны.

Племенное стадо — предмет особой заботы томилинских птицеводов-селекционеров. Из каждого выводка цыплят они тщательно отбирают на племя наиболее ценные экземпляры.

Из года в год коллектив крупнейшей в стране птицефабрики держит переходящее красное знамя Совета Министров СССР.

С. МОРОЗОВ

БАСКЕТБОЛЬНЫЙ АТТРАКЦИОН

Лицо буржуазного спорта

С. СПАНДАРЯН,
заслуженный мастер спорта СССР

Просматривая программу восьмого чемпионата Европы по баскетболу, проведенного недавно в Москве, я невольно вспомнил программу предыдущего европейского первенства, которое разыгрывалось два года назад в Париже.

Организацию этого чемпионата взяла на себя французская баскетбольная федерация, для чего ей были нужны кое-какие средства. В кассе же федерации совсем не густо. Вот тут-то и появились со своим кошельком братья Андре и Поль Дюбоне. Они готовы были покровительствовать чемпионату и выложить малую толику франков. При этом братья даже не требовали, чтобы их имя обозначали в официальной программе. Зачем лезть в программу, когда они не спортсмены? Братья Дюбоне — крупнейшие виноторговцы. О них зритель должен прочесть в другом месте.

Парижский Дворец спорта и внутри и снаружи оклеен огромными рекламными плакатами: «Дюбоне!.. Дюбоне!.. Лучшее вино Дюбоне!.. Пейте вина Дюбоне!» Если рекламы других фирм размещены только над трибунами, то щиты с плакатами Дюбоне подступают к самой площадке. Их видно с любого места. Франки уплачены недаром!

В любой спортивной газете среди статей и заметок, посвященных чемпионату, заверстано все одно и то же рекламное клише: «Дюбоне. Хинная». В фамилии братьев вместо буквы «о» — баскетбольный мяч. Появились и стихи, в которых баскетбол рифмовался с названием виноторговой фирмы: «Дюбо... Дюбон... Дюбонет... Дюбо... Дюбон... Да баскет...» И тут же шаржированное изображение человечков, опрокидывающих рюмку за рюмкой.

Крикливые рекламные плакаты Дюбоне разместились рядом с баскетбольной площадкой Дворца спорта и в тот вечер, когда мы посетили его. Здесь состоялись состязания с участием профессиональной негритянской команды «Гарлем», прибывшей на гастроли из США.

Вечер начался встречей полупрофессиональных команд, хотя они и были названы любительскими. Против чемпиона Франции 1951 года команды «Рессинг» выступала сборная команда из американских студентов южных штатов.

Так называемые «студенческие» баскетбольные команды в США не только полностью сами содержат себя, но и в значительной степени помогают существованию своих университетов. Только за сезон 1950—1951 года Кентуккийский университет, например, получил от своих баскетболистов 200 тысяч долларов дохода. Американские студенты открыто играют за деньги.

Капитан команды «Гарлем» Рич Татум.

Игра чемпиона Франции произвела просто удручающее впечатление. Ни одной тактической новинки! Старая, обветшалая техника и в довершение всего грубость на поле, ничем не прикрытая, откровенная грубость, которой французы, казалось, даже щеголяют.

Публика с нетерпением ждет негров. И вот наконец они появляются.

Любые выступления профессионалов рассчитаны до мельчайших подробностей на чисто внешний, зрительный эффект. Верны этому принципу и гарлемцы с первого же своего шага. Перед выходом из тоннеля стоит круглый бумажный экран, на котором написано название команды. Тр-р-рах!.. Бумага с треском рвется, и сквозь экран проскакивает капитан гарлемской команды, а за ним — остальные игроки.

Одеты негры необычайно ярко и пестро. Красные тренировочные куртки из блестящего атласа. Трусики с лампасами. Полосатые гетры. Цветные башмаки. Какие-то удивительные наколенники.

Все игроки очень высокого роста и атлетического сложения. В команде «Гарлем» собраны наиболее выдающиеся негритянские баскетболисты. Вот ее капитан Рич Татум из Арканзаса. Он начал свою спортивную карьеру с игры в бейзбол. Теперь же Татум — один из лучших баскетбольных «центров» Америки.

Нападающий Маркус Хейн из штата Оклахома считается сильнейшим в мире «дриблером», то есть специалистом по ведению мяча ударами о площадку. В совершенстве владеют баскетбольной техникой Вильям Броун, Кларенс Вильсон, Боб Мильтон и другие игроки «Гарлема». Самому младшему из них, Эрнесту Коллинзу, девятнадцать лет. Рост этого юноши — 2 метра 5 сантиметров.

Команда начинает разминку. Но разминка — лишь повод для показа прыжков и различных акробатических трюков. Затем несколько игроков становятся в круг и начинают демонстрировать технику приема и передачи мяча. Техника эта у гарлемцев исключительно высока.

Мяч как бы порхает от игрока к игроку. Движения рук мягки и точны. Чуть заметными касаниями ладоней негритянские баскетболисты заставляют мяч то словно парить по кругу, то убыстрять полет.

Неожиданно гаснет свет. Но оказалось, что мяч и перчатки на руках баскетболистов покрыты фосфором. В полной темноте продолжает свой полет светящийся шар, и будто танцуют вокруг него огненные руки. Эффектно? Да, пожалуй, эффектно! Но какое отношение имеет этот трюк к спорту? Абсолютно никакого.

Снова вспыхнул свет. На площадку выбегают противники «Гарлема» — профессиональная команда «Бостон» из белых игроков. Не так-то легко в Америке «продать» публике команду среднего уровня! У нее обязательно должна быть какая-нибудь рекламирующая ее особенность. «Бостон» отличается от других средних команд тем, что в ее составе играют шесть братьев Кларк — три пары близнецов.

У братьев есть еще и две сестры-близнецы. Не так давно все они выступали в одной смешанной команде, которая и называлась командой «Кларк». Но вот беда! Сестры изменили баскетбольному бизнесу и вышли замуж. Братьям пришлось присоединить к себе двух баскетболистов, не имеющих никакого отношения к знаменитому семейству Кларк из Индианы, пришлось назваться командой «Бостон» и отправиться на гастроли вместе с неграми.

После рассказа радиодиктора о неприятностях, постигших необычайных братьев, начинается состязание... Впрочем, нет! Какое же это состязание?

Мы видели не игру в баскетбол, а отлично поставленный спектакль, рассчитанный на показ различных технических и тактических приемов. Гарлемцы и в самом деле — великолепные баскетболисты. Их техника изумительна! Они безошибочно бьют по корзине из самых невероятных положений. Отобрать у них мяч почти невозможно. Они принимают и передают мяч исключительно точно. Маркус Хейн демонстрирует настоящие чудеса дриблинга. Почти каждый из игроков в совершенстве владеет так называемыми скрытыми передачами и обманными приемами.

Но чем внимательней присматриваешься к этому блестящему фейерверку отточенных до предела движений, тем яснее становится, что вся эта техника — только аттракцион.

Известно множество приемов штрафного броска по корзине противника. Но во всех случаях это бросок, мяч всегда направляется непосредственно в кольцо корзины. Один из гарлемцев бьет штрафной совсем по-другому. Он ударяет мячом об пол, но так, что, отскакивая, мяч попадает точно в корзину. Конечно, добиться такого фортеля было невероятно трудно. Ну, а для чего нужно это?

Другой пример. Вдруг с площадки неизвестно куда исчезает мяч. Все принимаются его искать. Страшно суетятся, ищут-ищут, а найти не могут. Но вот наконец Вильям Броун издает торжествующий крик своим оглушающим басом. Он обнаружил мяч под майкой у одного из игроков. Да разве мог произойти такой случай в настоящем спортивном состязании?

Не придерживаются тут и других спортивных правил. Перерыв объявляют не через двадцать, а через каждые десять минут. Почему? Вовсе не потому, что игроки устали. За десять минут устает от бесконечных трюков публика. В перерывах она отдыхает, слушая негритянские песенки, исполняемые под аккомпанемент банджо, или развлекаясь выступлением гавайских танцовщиц с гитарами. А потом опять продолжается зрелище, лишь отдаленно напоминающее баскетбол. Многим из публики нравится такой дивертисмент. Это великолепно знает белый хозяин черных баскетболистов, их «босс» Аб Саперштейн.

Со смешанным чувством покидали мы в этот вечер парижский Дворец спорта. За шутовством и трюкачеством увидели мы огромный спортивный талант негритянских баскетболистов. Лишний раз убедились мы, что совершенствование баскетбольной техники не знает границ. Но как обидно было за гарлемцев, вынужденных продавать свой талант, кривляться на потеху публике, превращать в балаган один из самых прекрасных видов спорта!

Синяя птичка

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки Ю. Узбякова.

Все смешалось в Горпромторгпродтехснабсбыткоопинсоюзе...

Еще недавно в этом возглавляемом Петуховым учреждении царил стройный и красивый порядок.

Мы не будем рассказывать о том, чем занимался «Горпромторг... и так далее... союз». Сущность его деятельности не имеет прямого отношения к той поистине трагической истории, которая произошла с главой этого учреждения — Семеном Даниловичем Петуховым.

Неприятности у Семена Даниловича начались с самого утра.

Предгорсовета Макаров вызвал Петухова к себе и сделал ему устный выговор. «Снял стружку», как говорил Семен Данилович.

Он спросил у Петухова, как он, Петухов, думает: должен ли он, Петухов, решать сам подведомственные ему, Петухову, вопросы или кто-то должен принимать решения за него, за Петухова?

Догадливый Семен Данилович ответил, что он давно собирался начать самостоятельно решать все вопросы, но ожидал по этому поводу какой-нибудь установки сверху.

Предгорсовета как-то не очень добродушно усмехнулся и сказал, что установки Петухову ждать не надо.

Семен Данилович покорно кивнул, но про себя подумал, что это и есть установка.

Пытаясь скрыть испуг, он торопливо попрощался и заспешил к себе в учреждение.

Следующий удар ожидал Петухова в его собственном кабинете. На письменном столе Семена Даниловича лежал возвращенный из горсовета список сотрудников петуховского учреждения. Список накануне был затребован Макаровым на предмет просмотра штатов, которые Семен Данилович имел привычку раздувать, пристраивая к делу свою неуемную родню.

По штатам никаких указаний пока дано не было. Список был возвращен чистым, и Семен Данилович хотел было уже отложить его в сторону, как вдруг с ужасом заметил, что около значащейся под семьдесят третьим номером фамилии скромного плановика Яблочкина синим карандашом председателя горсовета была почему-то поставлена большая размашистая галочка.

Тонко развитым канцелярским нюхом Петухов сразу учуял опасность.

Синяя галочка равно могла являться и знаком начальнического одобрения и выражением порицания Яблочкину. Если понимать птичку как знак одобрения, то Яблочкина надо немедленно както стимулировать. Если же она была поставлена в знак порицания... Что же все-таки имел в виду председатель горсовета, когда ставил свою синюю птичку?

Раньше все было бы просто: позвонил бы он этому самому начальству и под предлогом коллегиальности попросил установки.

А теперь попробуй он позвони — начальство непременно предложит ему высказать собственное мнение.

«Мнение... мнение... — тоскливо повторял про себя Семен Данилович, — а откуда я знаю, какое у меня тут мнение?..»

Расстроенный Петухов вышел из кабинета и дважды медленно прошел мимо Яблочкина, пытаясь изучить вопрос, так сказать, на месте, путем личного наблюдения.

В первый раз ему представилось, что устремленный в сторону задумчивый взгляд плановика, пожалуй, свидетельствует о внимательном отношении Яблочкина к делу, привычка заваливать свой стол огромным количеством бумаг говорит о прилежании, а манера резко откидывать назад волосы как бы выдает энергичность характера. Стало быть, скромный Яблочкин непременно заслуживал поощрения.

Осматривая своего плановика во второй раз, Петухов попробовал взглянуть на эту загадочную личность с другой стороны, и вывод получался несколько отличный от первого.

Манера встряхивать волосами могла быть истолкована как обыкновенный тик. Рассеянный, обращенный в сторону взгляд, по всей вероятности, доказывал элементарное отлынивание от работы. И уж, конечно, заваленный бумагами стол свидетельствовал о полном неумении организовать свой труд. Таким образом, синяя птичка означала необходимость взыскания.

Получалось черт знает что такое!

Петухов заперся в кабинете и попробовал автоматически написать справку — характеристику своему загадочному плановику. Так он часто поступал с каким-нибудь словом, когда забывал, как оно пишется: он пробовал написать его механически, не задумываясь, и обычно автоматика оправдывала себя.

Так избегал он орфографических ошибок. Так он надеялся сейчас избежать ошибки в руководстве вверенным ему учреждением.

Семен Данилович встряхнул ручку и с привычной легкостью вывел бессмертный канцелярский оборот:

«Дана сия т. Яблочкину в том, что он...»

На этом месте Петухов остановился. В чем же дана «сия»?..

Нервно шагая по кабинету, он заглянул в окно.

Звонкий летний день показался ему мрачным и зловещим.

В прозрачном воздухе неподвижно висели галки. Как будто чья-то неумолимая рука расставила в небе бесконечное количество птичек. И Семену Даниловичу невольно подумалось: а что, если б на каждую из них ему предложили немедленно самостоятельно реагировать?!

Подойдя к двери, Петухов отдернул портьеру и через стекло с ненавистью посмотрел на усердно трудившегося плановика.

— Подлец ты, подлец!.. — вслух подумал он.— Хоть бы ты действительно пьяницей был или новатором, что ли... А то ведь не разберешь...

Перед окончательным решением вопроса Семен Данилович счел необходимым воспользоваться обеденным перерывом и вздремнуть для освежения мозгов. Измученный Петухов запер дверь, положил голову на стол, как на плаху, и заснул.

Как всегда в трудные минуты, сон его был неспокойным, а кошмары — тематически направленными.

То ему снилось, что в его кабинет входят сразу два Яблочкина. Он долго беседует с близнецами, и Яблочкины признаются, что один из них — преступник-рецидивист, а другой — ответственный работник, Герой Труда и даже почему-то заслуженный деятель искусств. И ему, Петухову, надлежит самому определить, кто из них рецидивист, а кто — заслуженный.

Потом Петухов с ужасом увидел во сне, как он наносил себе удары по темени каменным пресс-папье. На столе перед ним лежал бланк с грифом «Служебная записка», на котором его рукой было написано: «В смерти моей прошу никого не винить. И. о. директора С. Петухов»,— и сбоку стояла чья-то резолюция:

«С 27.V — с. г. полагать т. Петухова С. Д. покончившим с собой по собственному желанию».

Проснувшись, Петухов действительно обнаружил у себя в руках пресс-папье, которым он механически промокал холодный пот, в изобилии выступивший у него на лбу.

Семен Данилович взглянул на роковую синюю галочку, по-прежнему красовавшуюся около фамилии Яблочкина, и затосковал. Печально перевел он глаза на знакомый пейзаж. Напротив, на шпиле старинного купеческого дома, железный петушок с невеселым скрипом поворачивался на ветру. В наступившем вдруг предгрозовом полумраке петушок тоже показался Семену Даниловичу неугомонной и требовательной синей птичкой.

Больше откладывать самостоятельного решения было нельзя!

Петухов вызвал в кабинет секретаршу и решил продиктовать ей приказ о премировании плановика Яблочкина.

— «За отличные показатели в работе объявить т. Яблочкину...» — неуверенно продиктовал Семен Данилович и задумался.

— Я напечатала,— обернулась к нему секретарша, — «объявить ему...» Дальше?

— «Объявить ему... выговор с последним предупреждением»,— решительно закончил Петухов.

— Как-то негладко получается,— с сомнением покачала головой секретарша, перечитывая текст приказа.— «За отличные показатели в работе объявить т. Яблочкину выговор...»

— А если вычеркнуть отличные показатели?.. — с тоской спросил Петухов, но в это время в кабинете появился сам Яблочкин, пришедший за какой-то служебной справкой.

— Что ж это вы, товарищ Яблочкин?.. — несколько неопределенно, но достаточно строго спросил Петухов с внезапной надеждой на то, что Яблочкин сам признается, если знает за собой какую-нибудь вину, угаданную начальством.

— А что? — в свою очередь спросил плановик, и в глазах его светилась разочаровывающая Петухова невинность.

— Яблочкина по телефону спрашивают... — раздался голос секретарши.

— Подождут! — рявкнул Семен Данилович.

— Это из горкома,— пояснила секретарша, — товарищ Авдеев звонит насчет воскресных соревнований по теннису.

— Подождут... — уже мягче сказал Петухов.— Подождут наши с вами разговоры, Александр Иванович. Идите, поговорите с товарищем Авдеевым...

«В мячик играет! — с ужасом подумал Петухов, вытирая на этот раз горячий пот.— Лично с руководством в мячики играют!.. Это оборотень какой-то!!—почти вслух закричал он.— А я собирался его понизить! Его надо выдвигать на руководящую работу!»

Когда Яблочкин вернулся в кабинет, Петухов встретил его стоя. Он сиял. Он излучал доброжелательность. Он готовился преподнести Яблочкину несколько наилучших должностей на выбор.

Но неосмотрительный плановик сам вырыл себе яму.

— Ох и ругался Авдеев,— усмехаясь, сказал он.

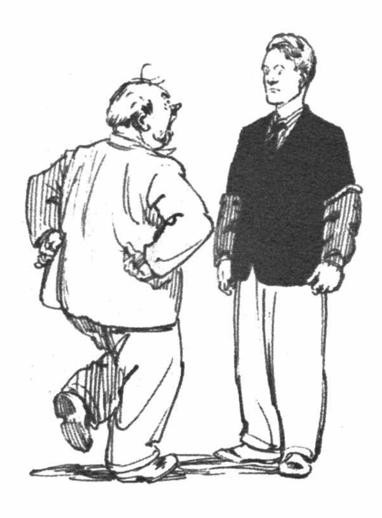
И плановик хотел было рассказать, как его старый партнер Авдеев сердился на него за то, что он вчера не пришел на последнюю тренировку перед соревнованием, но Петухов величественно остановил его рукой.

«Ругали! — радостно отметил про себя Семен Данилович.— Кричали на него!.. А мы его выдвигать будем? Нет, голубчик!» Теперь Петухову все было ясно: наивный плановик сам обнародовал мнение начальства о нем.

— Так вот, Яблочкин,— строго сказал Семен Данилович.— Я вынужден вас уволить!..

— Как уволить? — опешил Яблочкин.— За что?

— Не растете вы как-то... — повел плечами Петухов и уже строго

прикрикнул: — К тому же очковтирательством занимаетесь!

— Почему очковтирательством? — еще больше удивился Яблочкин.

И накопившаяся в душе Петухова злоба против терзавшей его весь день синей птички прорвалась и обрушилась на беззащитного теперь Яблочкина.

— А потому,— загремел Петухов,— что за хорошего работника себя выдаете! В заблуждение вводите!.. Идите, сдавайте дела!..

— Я обжалую ваше решение,— обиженно предупредил Яблочкин.— Я считаю его неосновательным.

— Обязательно! — на всякий случай быстро согласился Петухов. (Мало ли, вдруг у Яблочкина где-нибудь «рука» есть). — Ты борись! Ты настойчиво борись! — уже почти упрашивал он.— Я-то обязан тебя уволить: сигналы имею. Должен реагировать... Но ты не оставляй этого дела. А если восстановят тебя, только рад буду!.. Ей богу, рад!..

И он почти дружески проводил Яблочкина из кабинета. Петухов был доволен. Синяя птичка временно перестала клевать его истерзанную душу.

...И все же он не ощутил желаемого покоя. Вскоре тревога вернулась к нему. Семен Данилович попрежнему нервно поглядывал в окно, где на высоком шпиле все быстрее кружилась под крепчавшим ветром железная птичка.

«Крутишься... — недовольно думал Петухов,— куда ветер, туда и ты?»

Разбегавшиеся мысли прервал телефонный звонок.

— Что у вас там происходит с Яблочкиным? — раздался в трубке строгий голос председателя горсовета.— Мне ваши сотрудники сейчас жаловались...

«Вот оно!.. — Петухов забегал на проводе, как овчарка на привязи. — Начинается!..»

— Кстати,— продолжал Макаров,— что у вас, два Яблочкиных, что ли?

— Два!.. Два!.. — не своим голосом закричал в трубку Петухов, пораженный тем, что председатель горсовета сумел проникнуть в его сны.— Двое их!.. — почти в исступлении подтвердил он.

— Действительно двое? — переспросил Макаров.— А я думал, это опечатка в списке — два Яблочкиных; имена и отчества совпадают, и оба плановики! Я там даже заметку поставил...

Петухов схватил список. В самом деле, под семьдесят третьим номером машинистка дважды напечатала злополучного Александра Ивановича Яблочкина!

Так, значит, роковая синяя птичка — безжалостная мучительница Петухова — означала лишь техническую опечатку! И, следовательно, все пережитое было зря пережито, и все проделанное напрасно проделано?!

— В этом смысле у нас один Яблочкин... — затрепыхался Семен Данилович.— Вы меня неверно поняли, Алексей Сергеич!.. То есть я вас сперва не понял... Это опечатка... А ваша синяя птичка...

— Я вас и сейчас не понимаю, товарищ Петухов,— сухо перебил его Макаров.— А что машинистка напечатает, проверять надо... Разберитесь, что произошло с Яблочкиным.

— Да, да! — закричал Семен Данилович.—Я обязательно... Я все самостоятельно решу! Я Яблочкина самостоятельно восстановлю... И машинистку месячным окладом... с предупреждением!.. Я...—

но в трубке уже что-то щелкнуло, и сразу запищали насмешливые, словно передразнивающие Петухова частые, высокие гудки.

Совершенно разбитый Семен Данилович подошел к окну.

На шпиле старинного здания, жалобно повизгивая, все быстрее и быстрее вертелась железная птичка.

«Знаю, знаю, почему ты крутишься... — невесело подумал Семен Данилович.— На такой высоте разве удержишься? Да еще при движении воздуха... Согнет тебя, собьет, сдует с вышины... И нет тебя!.. А так вертишься — держишься...»

Петухов вернулся к столу, с опаской поглядел на список сотрудников своего учреждения, и ему показалось, что около его собственной фамилии, значившейся в списке под номером первым, начала появляться пока еще прозрачная, но уже неотвратимая роковая «галочка»...

Странички прошлого

Подвиг поморов

Двести десять лет назад, летом 1743 года, к острову Эдж, в юго-восточной части Шпицбергена, ветры прибили русское промысловое судно, которое вскоре было затерто льдами. Четверо поморов — Алексей и Иван Химковы, Степан Шарапов и Федор Веригин — по льдам выбрались на берег разведать возможность зимовки. Они разыскали на острове обветшавшую промысловую избушку, переночевали в ней, а когда проснулись, то обнаружили, что их судно исчезло. Ночью при перемене ветра его, повидимому, вынесло в море, где оно и погибло с оставшимся на нем экипажем.

Отрезанные от всего мира, поморы очутились в чем были в царстве белых медведей, на покрытом снегом и льдом острове, на котором не росло ни деревца, ни кустика. Высаживаясь, они захватили только ружье с двенадцатью зарядами, топор, нож, котелок и полпуда муки. У них нашлось еще огниво, трут, пузырь с табаком да четыре трубки.

Однако поморы не растерялись и стали устраиваться. В первую очередь поправили разваливавшуюся избушку. Двенадцатью зарядами, не тратя ни одного понапрасну, они убили двенадцать оленей, обеспечив себя пищей.

Драгоценное топливо разыскивали на берегу: море приносило иногда целые деревья, обломки погибших кораблей. В этих обломках попадались гвозди и железные части. Из них поморы смастерили наконечники для рогатин и стрел. Железо надо было чем-то ковать; молоток для этого они соорудили из найденного в доске крюка, а клещи — из двух оленьих рогов.

Выковав на камне наконечники для рогатин, поморы привязали их к палкам ремнями из оленьей кожи. Когда этими рогатинами был убит первый медведь, из его жил сделали тетиву для лука, натянув ее на еловый корень, найденный на берегу.

Так, проявив свою изобретательность, четверо товарищей решили важнейший для них вопрос — обрели оружие и стали охотиться на оленей и песцов. Охота давала пищу, жир для светильника, меха и кожу для одежды и обуви — их сшивали медвежьими и оленьими жилами с помощью самодельных иголок и шильев, выкованных из кусков железа.

Большую опасность для невольных обитателей острова Эдж представляла цынга. У поморов не было хлеба, а самое главное — овощей. По совету Ивана Химкова, опытного зимовщика, чтобы не заболеть цынгой, друзья придерживались определенного режима питания и поведения: ели сырое мороженое мясо и росшую на острове так называемую ложечную траву, пили теплую кровь убитых оленей и как можно больше двигались. Серьезную угрозу представляли белые медведи. Зимовщики придерживались оборонительной тактики: в одиночку и без рогатин из избы не выходили и, не надеясь на свое самодельное оружие, били полярных зверей только в том случае, когда ничего иного предпринять было нельзя.

Чтобы не сбиться со счета дней в долгую полярную ночь, кормщик Алексей Химков с помощью «астрономической палки» — простейшего угломера, самодельного, как все, что у них было, — вел астрономические наблюдения, благодаря чему поморы не теряли ориентировки во времени.

Так, отрезанные от всего мира, они прожили больше шести лет.

Всей тяжести этого испытания не вынес только один из них, Федор Веригин; наиболее слабый, он умер от цынги на шестом году жизни на острове. Трое остальных осенью 1749 года были сняты с острова случайно подошедшим сюда судном и доставлены в Архангельск.

Поморы возвращались не с пустыми руками: из своего первобытного лука они убили две с половиной сотни оленей и везли с собой 50 пудов оленьего сала, оленьи, песцовые и медвежьи шкуры.

Жизнь отважных товарищей на необитаемом острове была настоящим подвигом. Она описана их современником академиком Ле Руа в книге «Приключения четырех российских матросов к острову Ост-Шпицбергену бурею принесенных, где они шесть лет и три месяца прожили» (СПБ, 1772). Эта книга переиздана в 1933 году Арктическим институтом в Ленинграде.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Отвечаем читателям

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Редакция получает письма читателей с вопросами: как устроить аквариум, что собою представляют золотые рыбки, как их содержать. Отвечаем на эти вопросы.

АКВАРИУМ

Всякая стеклянная банка не очень малого размера может служить водоемом. Если на дно банки насыпать слой промытого песка, налить в нее воды и насадить (в горшочках с песком) водных растений, то получится аквариум.

Наиболее удобен для этой цели открытый стеклянный сосуд, состоящий из четырех стенок, вмазанных в металлический каркас. Дно аквариума делается из оцинкованного железа.

Лучшая замазка для вставки стекол в аквариум

Птерофиллумы — скаляри.

приготовляется так: килограмм сухого портландского цемента размешивают со 150—200 граммами масляного лака и добавляют граммов 50—75 канифоли. Канифоль предварительно нужно растворить в подогретом лаке.

Прежде чем вставлять стекла, необходимо промазать пазы замазкой так, чтобы стекло потом не соприкасалось с металлом.

Для того чтобы замазка хорошо держала стекла, между стенками необходимо вставить распорки из палочек, которые плотно прижмут стекла к пазам каркаса.

Через неделю, когда замазка хорошо засохнет, распорки вынуть и можно наполнять аквариум водой.

ЗАСЕЛЕНИЕ АКВАРИУМА

Для правильного содержания рыбок в аквариуме большое значение имеет температура воды.

К холодноводным относятся отечественные рыбки, а также золотая рыбка, родом из Китая, и ее разновидности: телескоп с выпуклыми глазами, вуалехвост, хвост у которого опущен в виде вуали, и цветной японский шубункин. Температура воды для содержания этих рыбок комнатная и даже ниже, до 8 градусов.

К тепловодным относится большая часть рыбок, привезенных из южных стран. Для них температура воды в аквариуме постоянно должна быть в 25 градусов. Подогревать воду в аквариуме лучше всего посредством электрической лампочки с рефлектором, подвешенной у одной из стенок аквариума.

В хорошо оборудованном и правильно содержащемся аквариуме рыбки чувствуют себя так, будто они находятся в естественных условиях. Они и размножаются в аквариуме так же, как на свободе.

Есть рыбки живородящие; к ним относятся гуппи, меченосцы, пецилии, гирардинусы, моллинезии. Самки этих рыбок вместо откладывания икры родят живых, себе подобных мальков, которые через 6 месяцев сами дают первое потомство.

Другие на поверхности воды строят гнезда из пены, вырабатываемой ими самими. В эту пену рыбки мечут икру, из которой через 3 дня выклевываются малечки, еле заметные простым глазом. К этим рыбкам относятся макроподы, гурами, бойцовые рыбки (петушки). Их родина — пресные водоемы Индии, Китая, Сиама, Зондских островов.

Третьи на дне аквариума, в песке, роют ямки, куда откладывают икру. Икра в песке может сохраняться несколько недель и даже месяцев. Например, у фундулус гуляриус икра в песке сохраняется до 45 дней, а у цинолебиуса до 150 дней.

Рыбки пещерные икру откладывают в глиняные горшочки, специально опускаемые на дно аквариума для этой цели. Родители тщательно охраняют как икру, так и потомство. К таким рыбкам относятся полицентрус, бадис-бадис. Их родина — река Нигер (Африка).

Большинство же рыбок разбрасывает икру на дно аквариума, на водные растения, и затем сами же эту икру почти всю пожирают. К этим рыбкам относятся все виды семейства карповых — барбусы, данио, тетраганоптерусы и другие. Их родина — Ост-Индия.

УХОД ЗА РЫБКАМИ

Воду в аквариуме с холодноводными рыбками необходимо частично менять ежедневно. В аквариуме для тепловодных рыбок, если он засажен водными растениями, воду следует менять не чаще раза в неделю. Если аквариум засажен хорошо развившимися растениями и не перенаселен рыбками, то воду в нем можно не менять очень долго. Необходимо лишь периодически добавлять свежую воду взамен испарившейся. Лучшая вода для аквариума из открытых чистых водоемов.

Для смены воды и очистки дна аквариума применяется резиновая трубка. Трубка заполняется водой, и оба конца ее зажимаются пальцами. Затем один конец ее опускают в аквариум, а другой в ведро, поставленное ниже аквариума. Как только пальцы от шланга будут отпущены, вода из аквариума потечет по трубке в ведро.

Водя концом шланга по дну аквариума, можно собрать всю грязь, которая образуется на дне.

Менять всю воду в аквариуме, особенно зимой, не следует: рыбки заболевают и погибают от резкой перемены температуры. Кроме того холодная вода зимой перенасыщена кислородом и хлором. Эти газы в виде пузырьков оседают на рыбках, что гибельно на них отражается. Менять воду в аквариуме следует только на одну треть или наполовину.

Когда рыбки поднимаются на поверхность, высовывают губы из воды, жадно дышат, это верный признак, что им недостает кислорода.

Насытить аквариум кислородом можно с помощью воздухонагнетателя — «груши», какая обычно применяется для пульверизатора. Для лучшего «продувания» аквариума к концу резиновой трубки прикрепляют распылитель.

Если в аквариуме емкостью в 2—3 ведра можно содержать 10—15 рыбок, то с воздушным продуванием в таком аквариуме может находиться 20—30 рыбок.

Нельзя брать рыбку голой рукой. Разница между температурами рыбки и теплом человека настолько велика, что рука человека обжигает рыбку. К коже руки пристает чешуя, что приводит к заболеванию рыбки грибком. Пересаживать рыбок надо с помощью маленького сачка из марли, тюля или канвы.

Рыбки, как и другие живые существа, подвержены различным заболеваниям, не исключая инфекционных.

Заболевших рыбок необходимо пересадить в отдельный сосуд. Лечение сводится к следующему: больная рыбка на несколько секунд погружается в слабый раствор марганцевокислого калия. После лечебной ванны рыбка выпускается в сосуд, наполненный свежей водой. Воду рекомендуется присаливать (на два литра воды 5 граммов соли). Ванну делать два раза в сутки до полного выздоровления больной рыбки.

Сколько лет при правильном уходе могут жить рыбки в аквариуме?

Тепловодные рыбки обычно живут до 5, а холодноводные до 15 лет. У одного из авторов этих строк в стеклянной банке емкостью в 4 литра с 1945 года живут три карасика-пятачка.

ВОДНЫЕ РАСТЕНИЯ

Растения не только украшают аквариум. При дыхании рыбы поглощают кислород и выделяют углекислый газ. Растения, как известно, поглощают углекислый газ и выделяют кислород. В аквариуме с растениями можно реже сменять воду.

Для аквариума применяется несколько видов водных растений, которые легко приобрести в зоомагазинах. В отдаленных от городов районах для этих целей можно использовать некоторые виды растений, растущих в местных водоемах, как, например, кубышку, валлиснерию, топняк, марсилию, фонтиналис или водяной мох.

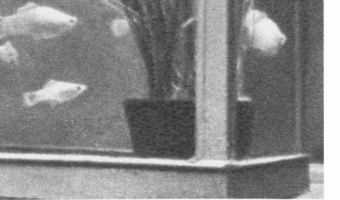

Фото Г. Санько.

КОРМЛЕНИЕ РЫБОК

Лучшим кормом для рыб является мотыль — личинка комара-дергуна, добываемая со дна илистых прудов. На одну среднего размера рыбку в день давать 3—4 мотыля.

Важную роль в кормлении рыб, особенно мальков, играет так называемый «живой корм», который добывается в стоячих водоемах,— это дафния, циклоп.

Только что выклюнувшимся из икры малькам следует давать особый мельчайший корм — планктон, — который любители аквариумов называют «живой пылью». Ловить эту «пыль» в прудах можно сачком из хлопчатобумажной ткани — из батиста — и затем процеживать через сачок из маркизета.

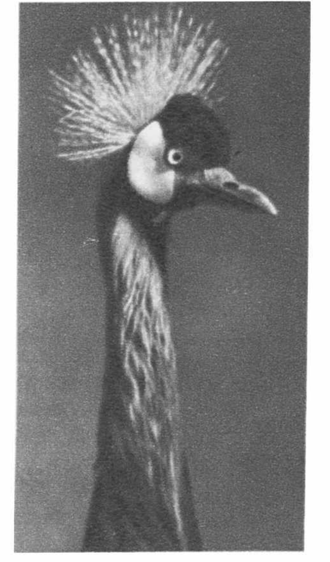
Не следует давать рыбам корм в избытке: несъеденные организмы разлагаются, портят воду. Давая корм регулярно в одни часы, легко приучить рыбок приплывать к определенному месту и брать пищу из рук.

Аквариум не простая забава: для пытливого натуралиста он является интересным объектом наблюдений.

А. МОЛЧАНОВ,
заведующий отделом рыб Московского зоокомбината,
С. МИНАЕВ

Веселые птицы

Внимание посетителей Московского зоопарка привлекает красивая свинцово-серая крупная птица на высоких ногах. Голова птицы прикрыта спереди шапочкой из

бархатночерных коротких перышек и украшена на затылке хохлом — короной из золотисто-желтых с черными концами щетинистых перьев. Называется эта птица — венценосный журавль. Он интересен не только своим необычным внешним видом. Родина венценосного журавля — Африка. Здесь он чаще всего селится по поросшим кустарниками плоским берегам больших рек.

В дождливый период журавли встречаются парами, а в остальное время — группами, которые иногда могут состоять более чем из ста птиц. Часто они собираются на речных островах для пляски.

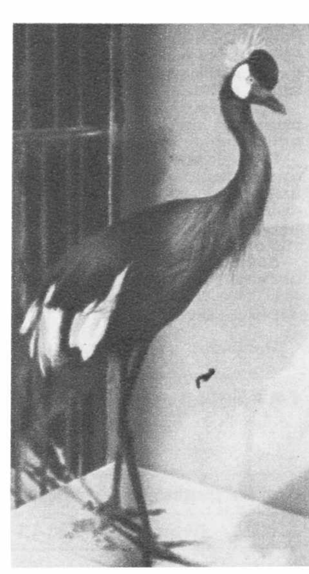
Мы знаем, что сборища многих птиц в брачный период для пляски и игр нередко превращаются в арены битв между самцами.

Некоторые птицы, однако, любят пляски ради пляски. В этом искусстве особенно отличаются венценосные журавли. При всяком возбуждении, как только их внимание привлечет какое-либо необычное явление, хотя бы, например, присоединение новой птицы к стае, они начинают пляску, прыгая вверх нередко на метр от земли, раскрывая при этом крылья и делая ногами своеобразные танцевальные па.

Жители Африки с давних времен приручают этих «веселых» птиц для развлечения.

Н. СУШКИНА,
доктор биологических наук

Фото А. Анжанова.

Из почты «Огонька»

Мальчик-с-пальчик

Рисунки П. Бунина.

В кустах на сыром лугу ребята нашли небольшое голубоватое яичко. Его положили под утку, недавно севшую на гнездо. Недели через три начали выводиться утята. Самым последним появился на свет птенец из голубого яичка. Он тоже оказался утенком, только почти вдвое меньше остальных и темнее. Посмотрел на утенка старый Петрович и сказал, что это птенец чирка — маленькой дикой уточки.

Повела утка свое семейство на пруд. Утята не отставали от матери. Но проворнее всех двигался на своих черных лапках дикий утенок. Он так и шнырял в высокой траве, которая должна была казаться ему дремучим лесом. А добравшись до воды, стал плавать с такой быстротой, что от него, как от маленького пароходика, треугольником расходились крошечные волны. Никто из домашних утят не мог за ним угнаться. Малыш всех дальше отплывал от матери и первым спешил по ее зову.

Случилось так, что старая утка вскоре погибла: ночью ее загрыз хорек. Утром Петрович посадил осиротевший выводок в лукошко и отнес на пруд. Вечером старик пошел за своими утятами. Но он встретил их уже на половине дороги к дому. Впереди всех бойко ковылял дикий утенок.

— Смотрите-ка,— позвал Петрович внуков,— дикарь-то наш весь выводок домой ведет!

— Как Мальчик-с-пальчик,— сказал младший внук.

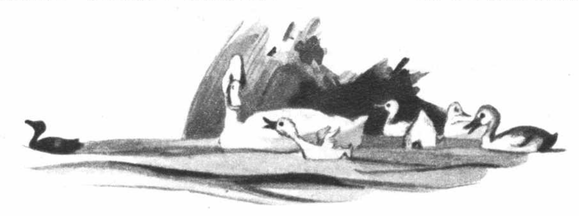
Так и стали звать маленького утенка — Мальчик-с-пальчик. Он будто понимал всю принятую на себя ответственность и, хотя был самым маленьким в выводке, держался независимо и очень солидно.

До половины лета Мальчик-с-пальчик водил домашних утят на пруд, а потом — на реку. И всегда в одно и то же время приводил обратно домой.

Но однажды выводок пришел без своего вожака: «Куда же делся Мальчик-с-пальчик?» — раздумывал Петрович. А потом сообразил: улетел. Ну, конечно: как раз наступило время, когда дикие утки поднимались на крыло.

— Он, чирок-то наш,— говорил Петрович соседям,— вольная птица, пусть. Спасибо и на том, что выводок сберег. Теперь уж не пропадут наши утята.

Н. СЕРПОВСКОЙ

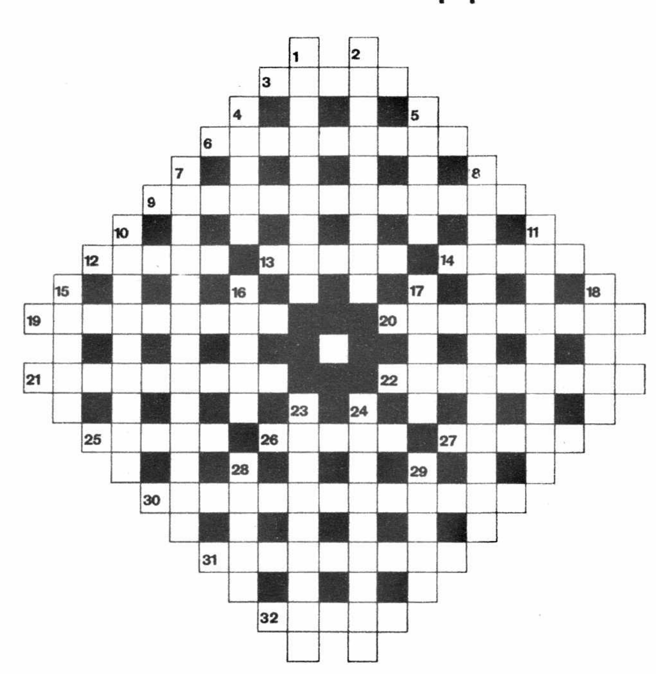

НАЧАЛЬСТВО НА СТАДИОНЕ

Рисунок Ю. Узбякова.

КРОССВОРД

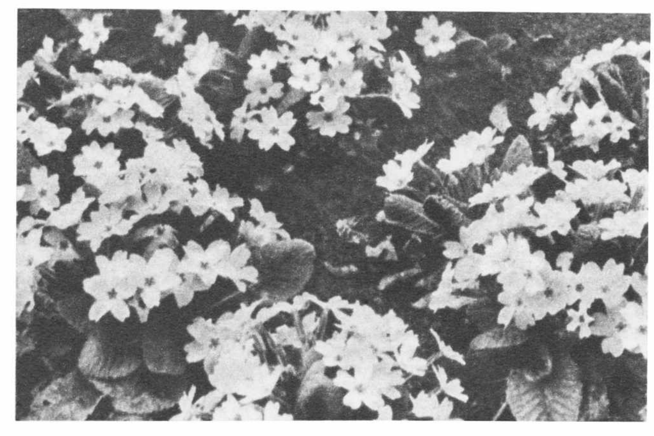
По горизонтали:

3. Болотная птица. 6. Музыкальный инструмент. 9. Вес или объем воды, вытесняемой судном. 12. Южное водяное растение. 13. Химический элемент платиновой группы. 14. Устройство общественной жизни, быта. 19. Общепризнанное значение, влияние. 20. Вещество, составляющее внутренний слой некоторых раковин. 21. Возрастной период. 22. Официальная расписка. 25. Река в СССР. 26. Дерево или кустарник из рода ивы. 27. Набросок чертежа. 30. Научная дисциплина. 31. Сельскохозяйственная машина. 32. Термическая обработка металла.

По вертикали:

1. Специалист по съемке и измерению земной поверхности. 2. Осадочное образование. 4. Охотничья дудка, пищик. 5. Герой древнегреческой мифологии. 7. Город в Донбассе. 8. Человек, занимающийся спортом. 10. Великий русский ученый. 11. Музыкальный инструмент. 15. Создатель произведения. 16. Достоинство. 17. Личинки пчел. 18. Оттенок на фоне цвета. 23. Сводка, список. 24. Жилое помещение. 28. Двучлен. 29. Персонаж повести Н. Гоголя «Майская ночь, или утопленница».

Лескенская примула

Кабардинский краеведческий ботанический сад широко культивирует многолетнее декоративное растение — Лескенскую примулу, открытую в горных лесах Кабарды, в Лескенском районе, ботаником Ю. И. Косом.

Близкая закавказской примуле Воронова, Лескенская примула значительно превосходит ее размерами цветков и продолжительностью цветения. К тому же она красивее.

В Кабарде Лескенская примула начинает цвести еще на промерзшей почве, в середине февраля, и цветет до конца апреля. У каждого растения до 75 красивых цветков, достигающих 3,5 сантиметра в диаметре. Окраска цветков чисто белая, бело-розовая, темнорозовая, лиловая и яркофиолетовая.

Кабардинский ботанический сад распространяет это интересное растение по различным городам Союза, рекомендуя его для цветочного оформления парков и садов в ранний период весны.

И. Колесников

Нальчик.

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Рис. А. Зубова.

Как из 45 (сумма, которая составляется из сложения чисел от 1 до 9) вычесть 45, чтобы в итоге получилось... 45?

В этом номере помещены четыре репродукции с картин А. И. Куинджи и четыре страницы цветных фотографий.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

4. Дворжак. 7. «Предложение». 10. Трепанг. 11. Бинокль. 15. Хорда. 16. Левитан. 18. Аврал. 19. Сосредоточенность. 20. Молот. 21. Вискоза. 24. София. 27. Витебск. 28. Острота. 30. Модификация. 31. Курейка.

По вертикали:

1. Сведение. 2. Орлов. 3. Каренина. 5. Крупа. 6. Пилон. 8. Предисловие. 9. Словесность. 12. Толстой. 13. Зимовка. 14. Тальник. 16. Лядов. 17. Нунча. 22. Институт. 23. Заставка. 25. Сезон. 26. Армия. 29. Пикет.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

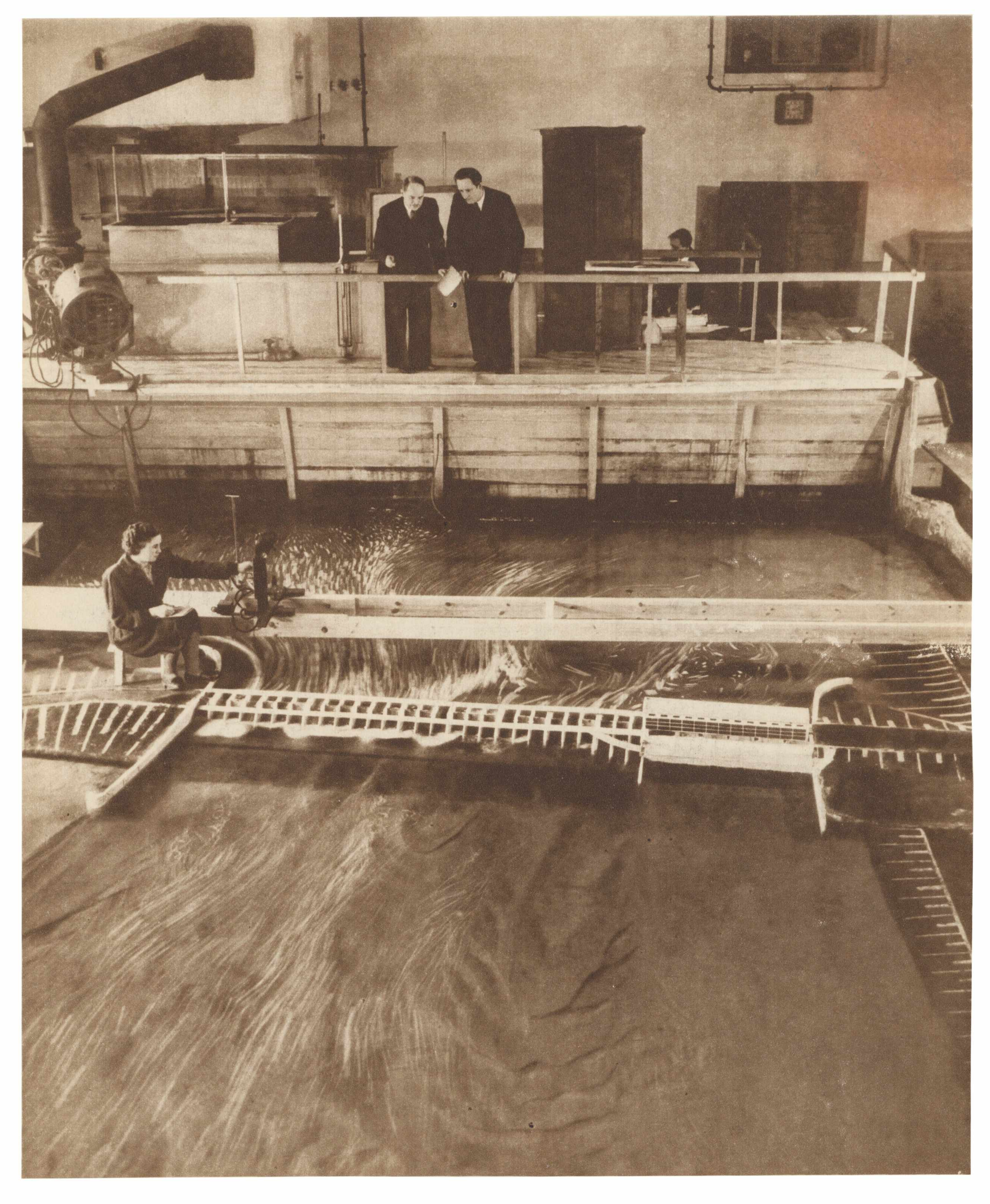
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 02837. Подп. к печ. 23/VI 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 494. Заказ № 1417. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Всесоюзный научно-исследовательский институт гидротехники имени Б. Е. Веденеева в Ленинграде. Гидравлические исследования на модели мощного гидроузла.

Фото Дм. Бальтерманца.

Цена номера 3 руб.